

18+

ДОМОЙ

Ольга Шумкова

Ольга Шумкова

Домой

«Автор»

2018

Шумкова О.

Домой / О. Шумкова — «Автор», 2018

Эта книга – одна из тех, в которых написано о жизни и судьбах людей в России и Советском Союзе в двадцатом веке. Главные герои – владелец бакалейного магазина, его дочь и соседский мальчик – встречаются впервые в шестнадцатом году. Революция и последующие события изменят их жизнь, они потеряют друг друга и снова найдут, они проживут со своей страной все испытания и трагедии тридцатых годов, их коснется война и блокада. В книге счастливый конец – чего, к сожалению, скорее всего не могло быть в жизни. Эта книга – дань памяти и уважения дорогим автору людям.

© Шумкова О., 2018

© Автор, 2018

Ольга Шумкова Домой

Любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны.

Ремонт шел уже давно, и все гадали – что там будет? Дуняша принесла с улицы весть о том, что владелец раньше имел кондитерскую где-то на Охте, и Володя решил, что тут тоже будет кондитерская.

Оказалось – не кондитерская, а обычный бакалейный магазин, или, как говорили местные хозяйки, лавка.

Открылся магазин в ясный августовский день. В витрине были красиво разложены корзины с муляжами овощей и фруктов, у входа поставили небольшую корзину с цветами.

Володя стоял на углу и смотрел, как в магазин заходят хозяйки, забегают дети.

Мимо пробежал Гриша, мальчик из их дома. В руках у него был петушок на палочке.

– А ты что стоишь? – крикнул он Володе, – там хозяин конфеты бесплатно раздает. В честь открытия! Иди, и тебе даст.

Володя смущенно улыбнулся. Конфету хочется, но зайти в лавку казалось неловким.

Гришка облизывал своего петушка. Володя решил и пошел в лавку.

В маленьком помещении было светло и чисто, все удобно устроено – вот стол, на котором можно получше уложить покупки, вот несколько стульев – усталая хозяйка может присесть, около входа ящик с игрушками: если в лавку приведут малыша, он сможет покопаться в ящике, дожидаясь мать или няньку.

За прилавком стоял мужчина в жилете и шейном платке. Он приветливо улыбнулся Володе:

– Заходи! Мы сегодня открываемся, в честь открытия всех детей угощаем конфетами. Ты что больше любишь – шоколадки или леденцы?

Володя задумался. Любил он все. Что выбрать? Владелец лавки, улыбаясь, протянул ему шоколадку и петушка на палочке:

– Не мучайся, возьми и то, и то.

Володя смутился. Ну вот, выставил себя жадиной, обжорой... Он робко поднял глаза, встретил ласковый взгляд лавочника и мгновенно успокоился. Нет, ничего плохого лавочник о нем не подумает.

– Спасибо!

– Не за что. Приходи...

В лавку заглянула женщина, и лавочник обернулся к ней, перестав обращать внимание на Володю. Мальчик спустился по ступеньками, дошел до Клинского и сел на скамейку.

Сначала шоколадку. Петушка есть можно долго, его оставить на потом. Или отнести Анюте – младшей любимой сестренке. Володя уже доедал шоколадку, как заметил отца. Тот шел от Забалканского – от трамвая, наверное.

– Папа!

Отец заметил его:

– А, ты здесь? Гуляешь? Что это у тебя?

– Шоколадка. И петушок.

– Откуда?

– Угостили. Там новая лавка открылась, и хозяин угощает.

– А кто тебе позволил есть на улице?

Володя смутился. Да, на улице есть не позволялось. Вот попался...

Отец строго смотрел на него. Володя опустил глаза. Что говорить, он не знал.

– Чтобы подобного больше не было, – раздельно сказал отец, повернулся и пошел прочь.

Володя побрел в другую сторону. Настроение испортилось, а красного петушка он просто выкинул.

На Клинском на бульваре гулял народ, бегали дети, какой-то малыш катал тележку. Обычно Володе нравилось смотреть на гуляющих, сегодня они не вызывали ничего, кроме раздражения. Было жалко выкинутого петушка и вообще испорченного дня. Что такого – есть шоколадку на улице? Он сел на скамейку и задумался.

Малыш уперся своей тележкой ему в ногу. Володя встал, пошел прочь и услышал плач. Тележка колесом зацепилась за ножку скамейки, малыш пытался вытащить, но ничего не получалось. Володя вернулся, освободил тележку. Подбежала нянька малыша:

– Что плакаешь? Телега твоя застряла? А мальчик помог тебе, спасибо! Скажи – спасибо!

Малыш широко улыбнулся. Володя улыбнулся в ответ, помахал мальчику и пошел к дому.

Около лавки он остановился. Лавочник стоял на лестнице, прислоненной к витрине, и неумело пытался выправить застрявшую планку жалюзи.

– Знаете что? – нерешительно сказал Володя, – если там вот с краю чуть-чуть подцепить, то она не будет застревать...

Лавочник обернулся:

– С какого края?

– Вот с того. Давайте я на лестницу влезу и поправлю?

Лавочник прыгнул:

– Не свалишься?

– Нет...

Володя забрался по лестнице и осторожно отцепил планку. Жалюзи опустились.

– А у вас отвертка есть? Я бы тут закрепил.

– Есть, все есть. Ты не навернешься оттуда, пока я в магазин зайду?

– Нет, что вы.

Лавочник быстро вернулся с отверткой. Володя подкрутил винт, державший планку, и прыгнул на землю:

– Вроде бы все. Теперь не будет застревать.

Лавочник улыбнулся:

– Повезло мне с тобой. Спасибо. И как ты разобрался?

Володя улыбнулся в ответ:

– Я люблю всякие механизмы.

– А я вот нет... Они меня тоже. Тебя как зовут?

– Володя Альберг.

– А я Смирнов Арсений Васильевич. Ну, спасибо тебе еще раз, Володенька! Беги домой, а то родители волноваться будут.

Родители еще не волновались – отец сидел в кабинете, мама с Элей, старшей Володиной сестрой, обсуждали форму для гимназии. Володя пошел к Анюте, достал кубики.

– Дуняша, пожалуйста, сходите в лавку за пряниками или печеньем, к чаю, – слышался голос мамы.

– Сейчас, Софья Моисеевна!

Через полчаса мама позвала ужинать. К чаю Дуняша поставила коробку конфет.

– Конфеты? – обрадовался Володя.

Мама улыбнулась:

– Это твои.

– Как это – мои?

– Это тебе Арсений Васильевич, лавочник, послал, – заговорила Дуняша, – ваш Володя, говорит, мне так со шторкой помог, такой умница, если бы не он, я бы не справился. Передайте, говорит, ему коробочку.

– С какой шторкой? – спросил отец.

– Там жалюзи заело, – объяснил Володя, – я по лестнице влез и отверткой подкрутил.

– Ну, будем есть твои конфеты, – сказал отец, – ты сегодня угощаешь.

Всю коробку мама съесть не разрешила, убрала конфеты в буфет. У себя в комнате Володя сел на кровать и засмеялся – вот это да, заработал конфеты...

В комнату вошел отец.

– Ну что, заработал?

Володя смутился. Ему показалось, что отец недоволен.

– Папа, – сказал он, – ты сердишься?

– Я? Нет. Почему сержусь? Ты молодец, что помог человеку... Не забудь завтра зайти и поблагодарить за конфеты.

– Конечно.

Отец подошел к столу:

– Что это у тебя?

– Это? Это я дом из картонок делаю.

– А это чертеж?

– Да.

Отец покивал головой:

– Способный ты. Умница. Ну ладно. Тебе спать-то не пора?

– Мама разрешает летом ложиться позже.

– Хорошо. Я пойду, работа есть еще. Спокойной ночи, сынок.

На пороге он обернулся:

– Конфеты очень вкусные, спасибо.

Володя смущенно улыбнулся.

– Как ты погулял сегодня? Разобрался, где что? – спросил отец.

– Да, кажется, да.

В эту квартиру на Можайской улице Володина семья переехала всего две недели назад, прямо с дачи.

Совсем скоро должна была начаться учеба в гимназии. Это и радовало, и пугало. Отец и мама уверяли, что Володя хорошо подготовлен, что для своего возраста он очень умный мальчик, много читал. Никаких сложностей в гимназии не будет, главное – быть скромным и послушным. Володя кивал, но внутри беспокоился.

В один из последних летних дней после обеда Володя, получив от отца пять копеек, вышел из дома. После возвращения с дачи родители отпускали его гулять одного – все равно скоро в гимназию, ходить или ездить на трамвае мальчик будет сам, пусть приучается к самостоятельности.

Куда потратить пять копеек – решено было уже давно. В магазине Смирнова недавно стали продавать чудесные маленькие шоколадки – с апельсиновым кремом внутри. Стоила такая шоколадка как раз пять копеек.

За прилавком стоял сам хозяин. Он рассеянно улыбнулся Володе:

– Здравствуй! Что сегодня хочется?

– Шоколадку. С апельсиновым кремом, вон ту, в красной обертке.

Смирнов рассеянно повернулся, взял шоколадку и протянул ее Володе. Володя сунул руку в карман за деньгами, и тут распахнулась дверь, в магазин ворвалась девочка. Арсений Васильевич бросился к ней навстречу:

– Девочка моя! Маленькая моя! Приехали!

Он подхватил девочку на руки, зацеловал, затормошил:

– Радость моя! Доченька! Крошечка! Не отпущу никуда больше, не могу без тебя!

Девочка целовала его:

– Папочка, наконец-то!

Следом в лавку вошла женщина.

– Здравствуй, Арсений!

– Лидочка, здравствуй, – торопливо говорил Смирнов, не отпуская девочку, – ты прости меня, дорогая, я не встретил: Николаю надо было сегодня выходной, некого оставить.

– Да ничего, что ты... мы прекрасно на извозчике добрались. Ну как ты тут?

– Скучал... вы голодные? Сейчас...

И тут он вспомнил про Володю. Смущенно улыбаясь, он поставил девочку на пол:

– Володенька, ты все взял, что хотел? Я закрыть хочу сегодня...

Володя протянул ему руку с деньгами, но Смирнов не заметил:

– Ты заходи потом...

И снова повернулся к девочке.

Володя очутился на улице. Он дошел до Клинского, сел на скамейку и открыл шоколадку.

Во рту разлился чудесный апельсиновый крем. Володя зажмурился, подняв лицо к солнцу.

Наверное, это дочка и жена лавочника. Дочка смешная – маленькая, с беленькими косичками. Видно, что отец ее обожает – даже про пять копеек забыл.

Володя вскочил. Деньги. Он не отдал деньги.

Надо отдать.

Но ведь лавка закрыта!

Вечером лавочник начнет пересчитывать выручку, заметит, что не хватает пяти копеек, вспомнит, что Володя брал шоколадку и сразу поймет, что это он не заплатил.

Что он подумает?

Володя почувствовал, как его бросило в жар. Что же делать?

Говорили, лавочник живет при своей лавке, оттуда есть вход в его квартиру. Можно было бы подняться по лестнице, но как узнать, какая квартира? Может быть, постучать в лавку?

Володя бросился к лавке. Витрина была закрыта металлической шторой, дверь крепко заперта. Володя постучал, но никто не отозвался.

Мальчик в отчаянии стоял перед дверью. Еще не поздно, но, может быть, лавочник, раз закрыл, уже сейчас считает выручку?

Надо ждать – может быть, он выйдет. И тогда Володя отдаст ему пять копеек, попросит прощения...

Время шло, уже темнело. Давно пора было домой, родители, наверное, волнуются. Но как уйти?

И тут, по счастью, открылась дверь подъезда. Оттуда вышел лавочник, женщина и девочка. Девочка висла у отца на руке и что-то болтала.

Володя бросился к ним:

– Я прошу прощения... пожалуйста, возьмите. Вы не взяли деньги за шоколадку, а я что-то растерялся... вот. За шоколадку.

Лавочник непонимающе смотрел на него:

– За шоколадку?

– Ну да! Я пришел купить шоколадку, а тут... ну, приехали, вы шоколадку дали, а деньги не взяли.

Лавочник встревожился:

– Господи, Володя! Ты все это время меня ждал?

– Да.

– Да что ты, малыш... ну, отдал бы завтра. Родители ведь волнуются! Скорее домой беги. Володя помчался домой. Родители были сердиты и взволнованы – что это такое, уже темнеет, а сына нет дома...

– Где ты болтаешься? – крикнул отец.

Володя нехотя рассказал историю с шоколадкой.

– Ты что, не мог зайти домой и предупредить? – уже мягче спросил отец.

– А если бы он в это время вышел, пока я дома? Я и ждал...

Отец кивнул:

– Впредь уж не забывай отдавать деньги сразу. Мама с ума сходит, волнуется.

– А ты? – вдруг спросил Володя.

– Что – я?

– Ты – тоже волнуешься?

– А как ты думаешь?

– Не знаю. Ты правда беспокоишься?

– Что ты спрашиваешь? Конечно. Что это вообще за разговоры?

Володя смутился. Сегодняшняя встреча отца с дочкой в лавке как-то странно подействовала на него. Как сиял лавочник, когда увидел дочку! Как ласково называл ее, как обнимал и целовал! Его отец никогда так не называет – радость, маленький...

Это потому, что он мальчик, наверное. Ведь к Эле и Анюте папа относится совсем по-другому. К этим девочкам всегда другое отношение!

Отец не сводил с него глаз. Володя вздохнул:

– Папа, можно я пойду?

Отец кивнул:

– Иди.

На следующее утро Володя проснулся поздно. Уже через два дня в гимназию, все собрано, приготовлено, тетрадки, книги, форма. Какая интересная форма – как будто военный!

Мама отпустила его гулять:

– Скоро много гулять не придется. Да, Володя – папа оставил тебе денежку, если хочешь, купи шоколадку.

Володя взял пять копеек. Теперь-то он не забудет отдать деньги сразу, как только получит эту прекрасную шоколадку.

В лавке толпился народ. Хозяин снова сам стоял за прилавком. Володя дождался, пока народ разойдется. Лавочник заметил его:

– Володенька! Ну, что тебе сегодня?

Володя застенчиво улыбнулся:

– Такую же шоколадку... можно?

И сразу протянул монетку.

Лавочник взял ее и задержал руку мальчика в своей руке.

– Володя, родители вчера не очень сердились?

– Нет... я объяснил все.

– Ты, если еще такое случится, не переживай. Потом зайдешь, отдашь. Я тебе верю. Хорошо?

Володя покраснел и улыбнулся:

– Да. Спасибо!

- Погоди минутку. Ниночка!
Из двери в глубине лавки появилась девочка.
– Ниночка, познакомься. Это Володя. Тоже шоколадки любит...
Нина весело улыбнулась:
– Приятно познакомиться, Володя! Я Нина.
– Ну, а как меня зовут, ты знаешь – Арсений Васильевич. Ладно, ребята, мне пора.
– Тебе нужно помочь, папа?
– Нет, девочка моя. Хочешь, пойдешь погуляй? Тетя Лида только к вечеру будет, форму принесет.
– Точно! Гулять. Папа, а где тут гулять?
– Я могу показать, – вмешался Володя и покраснел.
Нина обрадовалась:
– Правда? Пойдемте. Сейчас, я только шляпку надену!
Через минуту она выскочила из той же двери в хорошенькой шляпке:
– Я готова!
– Ниночка, недолго, а то я беспокоиться буду!
– Конечно. Я вернусь, – и Нина отогнула рукав, – через час.
Володя удивился – у такой маленькой девочки были часы!
Они вышли из лавки. Нина огляделась:
– А где тут гулять?
– Можно вот туда – на Клинский. Это проспект. Там бульвар посередине...
На бульваре было полно народу – все хотели погулять в последние летние деньки. Нина с любопытством оглядывалась:
– А вы тут давно живете, Володя?
– Нет, только две недели. До этого мы жили на Таврической, у Смольного.
– У Смольного? Правда? Знаете, а наша прежняя квартира окнами выходила на Смольный – мы жили на Охте, на другом берегу Невы. Я каждое утро подходила к окошечкам и смотрела на Смольный... а у вас он был виден?
– Нет.
– Жалко. Мне так нравилось там. Теперь в том доме будет жить только тетя Лида...
– Кто?
– Моя тетя, та, с которой мы вчера приехали. Это папина сестра.
– Я думал, это ваша мама.
– Нет. У меня нет мамы. Она умерла, когда я была совсем маленькой.
Володя покраснел до ушей. Вот дурак... как неловко, как глупо...
Нина внимательно посмотрела на него:
– Володя, вы только не переживайте. Я часто отвечаю на этот вопрос, я привыкла. Пожалуйста, не расстраивайтесь!
Володя смущенно кивнул.
– А там что? – спросила Нина.
– А там – сад, и еще усадьба...
Нине все нравилось:
– Володя, какой огромный красивый дом! А тут! А туда – что? Обводный? Ну да, а Фонтанка в другой стороне... Обязательно в первый же выходной день пойдем с папой гулять – он мне все покажет. Как жаль, что кончилось лето! Хотя не жаль... ведь я пойду в гимназию! Вы учитесь в гимназии? Вам сколько лет?
– Девять. Я пойду в этот год.
– И мне девять, и я в этот год. Правда, я ходила в подготовительный класс там, на Охте. Гимназия госпожи Нехорошевой – не слышали? Ну неважно. А ваша гимназия далеко?

– На Звенигородской.

– А моя на Фонтанке. Тетя Лида сегодня принесет мне форму – она сама сшила... Ой, Володя, мне пора. Уже почти прошел час. Вы тоже пойдете домой или еще будете гулять?

– Я домой.

Они расстались у лавки. На прощание Нина весело сказала:

– Вы заходите к нам, Володя! У нас много вкусного...

Она скрылась за дверью, Володя тоже пошел домой.

Конечно, эта девочка никуда не опаздывает – у нее есть часы... как у взрослой!

Отец был дома, что-то делал на кухне. Дуняша крутилась рядом:

– И вот правду сказать, Яков Моисеевич, у него цены самые подходящие, и честный он человек. Я теперь у него закупаться буду, и Софья Моисеевна одобрила...

Отец рассеянно кивнул.

– Здравствуй, папа. Ты что делаешь?

– Да вот тут у самовара кран что-то... ладно, потом доделаю.

Володя посмотрел отцу вслед, подошел к самовару. Кран плохо крутится, а почему?

Через полчаса самовар был поправлен. Вернулась мама с девочками, сели обедать.

Отец вернулся в разгар обеда, и не один. С ним пришел его коллега, инженер Нильсон.

Швед по происхождению, Микаэль Нильсон приехал в Россию совсем молодым, получил образование и стал работать инженером. По-русски он говорил почти без акцента, только шипящие звучали мягче.

В Швеции у Нильсона оставались мать и сестра. В России он семьей не обзавелся – жил один, даже прислуга была приходящая. Но Нильсон не скучал – веселый, общительный, он часто ходил в гости, в театры, много гулял по городу, в свой отпуск ездил путешествовать по старинным городам.

С Володиным отцом они работали на одном заводе и очень дружили. Нильсон предпочитал дом Альбергов другим домам, с удовольствием проводил у них праздники, часто обедал по воскресеньям. Детям он всегда приносил какие-то милые подарки, подолгу разговаривал с Элей, играл с Анютой, но любимцем его все-таки был Володя.

– Умница он у тебя, – говорил Нильсон Володиному отцу, – такого же сына хочу.

То, что Нильсон никак не мог жениться, было постоянным предметом шуток. Сам Микаэль, которого дети называли дядя Миша, утверждал, что женится только тогда, когда найдет такую же красавицу и умницу, как Софья Моисеевна.

За обедом взрослые обсуждали завод, войну, растущие цены. Володя поначалу прислушивался, потом стало скучно, он спросил разрешения и вышел из-за стола.

В своей комнате он сел на подоконник и стал смотреть в окно.

Своя комната – впервые в жизни!

Конечно, когда они вернулись с дачи, комната уже была обставлена. Но все-таки что-то Володя сделал сам – разложил по ящикам стола свои тетрадки и рисунки, расставил книжки и игрушки.

Захотелось поиграть, он подошел к полке с игрушками, взял коробку с железной дорогой, стал расставлять ее на полу.

В дверь постучали, на пороге появился Нильсон.

– Играешь? Можно к тебе?

– Конечно! – смутился Володя.

Еще никогда никто не спрашивал позволения войти к нему в комнату!

Нильсон вошел, сел рядом на ковер:

– Давай вместе?

– Давайте! – обрадовался Володя.

Наигравшись в железную дорогу, Нильсон стал рассматривать другие игрушки:

– Солдатики любишь?

– Нет, не очень. Я больше что-нибудь строить. Мне дядя Гриша из Германии в том году на день рождения прислал деревянный конструктор – такие большие детали, из них можно и дом собрать, и мельницу, и что хотите. Я все построил, что мог, а потом на даче с папой еще деталей из деревяшек доделали. Хотите посмотреть?

– Хочу. А это что – в коробке?

Володя смутился. В коробке находилась самая большая его тайна.

– Это... – забормотал он, – это... просто...

Нильсон внимательно посмотрел на него:

– Не хочешь показывать – не надо.

– Да нет, там ничего такого, – со вздохом сказал Володя, – Элька смеется просто. Там театр. Сейчас достану.

И он открыл коробку.

Как-то, гуляя с няней, Володя увидел уличный театр и с тех пор заболел им. Возможность не только рассказать, но и показать настолько захватила его, что он попробовал устроить театр дома: из бумаги вырезал несколько фигурок, сделал сцену и разыграл спектакль. Но бумажные фигурки быстро испортились, и Володя попробовал сшить кукол. Когда они переезжали на другую квартиру, первым делом Володя тщательно упаковал свой театр.

Нильсон с интересом рассматривал театр:

– Интересно сделано. А кинематограф тебе нравится?

– Конечно, кому же не нравится!

– Покажешь мне как-нибудь спектакль?

Володя смущенно улыбнулся. Публике он спектаклей еще не показывал.

– Ну, – сказал Нильсон, поднимаясь, – наигрался я с тобой. Спасибо! А теперь пора, кофе с Яковом и Софьей выпью и домой. До встречи, Володя!

Володя встал и попрощался. Нильсон вышел. Володя собрал театр, сложил остальные игрушки.

Может быть, и правда показать кому-нибудь спектакль? Анюте, например?

Или показать спектакль той маленькой девочке – дочке лавочника. Она, наверное, не будет смеяться, что он шьет, как девчонка.

Володя жадно вдыхал свежий утренний воздух. До начала занятий оставалось не так много времени. На углу уже звенел трамвай, на него еще можно было успеть.

Если идти пешком – то можно заглянуть в лавку и купить конфет. Как раз хватит или на пакетик леденцов, или на маленькую шоколадку.

Но за опоздание не похвалят. В журнале и так уже стояла отметка об опоздании на прошлой неделе – тогда Володя решил пойти пешком, к тому же другой дорогой, заблудился и опоздал. После второй такой отметки вызывали родителей. А Володе совсем не хотелось, чтобы отцу пришлось идти в гимназию. После такого, наверное, самым лучшим выходом будет вообще сбежать из дома.

Нет, наверное, он успеет.

Трамвай, звеня, укатил по Загородному, и Володя пошел пешком. Он старался идти как можно быстрее, но время бежало неумолимо. Когда он, красный, взмокший, потянул на себя тяжелую дверь гимназии, было уже пять минут девятого. Володя тихонечко зашел в вестибюль и обмер. Рядом с гардеробом стоял директор. Володя хотел было скользнуть назад, но директор уже заметил его.

– Альберг? Позвольте узнать, молодой человек, который час?

Володя опустил голову.

– Я опоздал, прошу прощения... Я долго ждал трамвая.

– Так, может быть, вам следует выходить из дома пораньше?

Володя молча переминался с ноги на ногу.

– Ну что ж... придется вас записать... пройдемте ко мне в кабинет.

В кабинете директор достал тяжелый журнал и пролистал его.

– Да у вас, я вижу, уже второе опоздание за месяц? Недурно... И что же мы будем делать, молодой человек?

Володя в отчаянии посмотрел на директора. Наверное, можно было попросить прощения, обещать, что такое больше не повторится, умолять директора, может быть, даже заплакать, как делали некоторые ученики их гимназии.

Директор вырвал из записной книжки лист бумаги и быстро написал на нем несколько строк.

– Пожалуйста, молодой человек. Отдадите вашим родителям. Надеюсь, они почтут нас своим визитом, а до того как следует объяснят вам, что в гимназии свои правила, и вы обязаны им подчиняться. А сейчас – марш на урок.

Дорога домой была длинной и безрадостной. Володя снова пошел пешком – торопиться теперь было некуда. Дома, наверное, будет мама, отец приходит домой поздно вечером.

Что он скажет?

Проходя мимо смирновской лавки, он остановился. И, махнув рукой, зашел внутрь.

Арсений Васильевич обрадовался:

– А, Володя? Что сегодня хочется? Леденчиков или шоколадку? Или вот пряники – сегодня принесли. Ты что сумрачный такой?

Тут распахнулась дверь, и в лавку ворвалась Нина.

– Папочка, ты себе представить не можешь, что сегодня было в гимназии! Синька увидела, как Мальцева передает записку, и отобрала ее! А там – картинка! Сова! Синька с чего-то решила, что Мальцева нарисовала начальницу, стала ругаться, а Мальцева – такая смешная! – говорит: это сова, Антонина Михайловна! Почему вы подумали, что это госпожа Неустроева? Синька покраснела как помидор, и...

– Ты с Володей-то поздоровалась, Ниночка? – мягко перебил ее отец.

– Ой, Володя! Здравствуйте! – опомнилась Нина, – простите меня, пожалуйста! Я вас не заметила. Вы слышали, да? Так вот, и Синька...

В лавку вошел покупатель, и Смирнов, нагнувшись, обнял дочку:

– Ниночка, пойди пока погуляй? Я тут еще побуду, пока Николай не придет. А ты возьми конфеток, да погуляйте вот с Володей... он тоже сладенького хотел.

Володя поспешно полез в карман за деньгами, но Смирнов только отмахнулся.

– Идите, ребятки.

Нина быстро набрала конфет, пару булочек и махнула Володе:

– Пойдемте?

Они медленно дошли до Клинского. Солнце светило не по осеннему тепло, народу на улицах было мало.

– Давайте посидим на скамейке?

Володя молча кивнул. Нина села и развернула пакет с булочками:

– Угощайтесь, Володя. Вот эта с изюмом. Вы любите изюм?

Володя вообще любил сладкое, сегодня он еще не обедал, и пышная булочка с изюмом показалась ему вдруг такой вкусной, и он, кивнув, взял ее и впился зубами. Нина с улыбкой смотрела на него. Володя смутился.

– Почему вы так смотрите?

– Вы очень аппетитно едите, Володя! – рассмеялась Нина, – ешьте и вторую, вы, я вижу, голодны?

Володе вдруг стало весело. Нина была такая необычная!

– Володя, послушайте, – говорила она тем временем, – так вот, у нас в гимназии... Синьку вообще все считают ужасной дурой, а сегодня она сказала невероятную глупость – ну вот, про сову... ведь Мальцева – она родственница нашей начальницы, и она непременно ей расскажет... мне даже стало жалко Синьку, правда, только на минуточку... у нее больной отец и сын-студент, она очень дорожит этой службой... но ведь она сама виновата, да, Володя? Володя, теперь вы на меня странно смотрите!

А он смотрел, любуясь ее веселыми гримасками, милым подвижным личиком, слушал звонкий голос и радовался тому, что они сидят сейчас на лавочке, и он по-прежнему чувствует во рту вкус сладкой булочки с изюмом, и на улице так тепло.

Они сами не поняли, почему вдруг разлетелись конфеты.

– Пикничок-с?

Перед ними стояли три мальчика в форме реалистов. Одного Володя немного знал – он жил на Верейской, двое других были ему незнакомы.

– Это свадьба на природе! – визгливо закричал один, – я про такое слышал, у меня сестра старшая говорит, что будет делать свадьбу в лесу – потому что это романтично!

– Пойдите прочь! – крикнула Нина, – мы вас не звали!

– Что это за писк? – удивился нахал с Верейской, – мышка? Точно, мышь! Белая мышь!

И он дернул Нину за косичку, и она вскрикнула.

Володя бросился на обидчика. Драка была короткой и окончилась для него печально – через несколько минут он поднялся с земли с разбитым носом, безнадежно измазанной формой и без фуражки – ее мальчишки унесли с собой, пообещав выкинуть в Фонтанку.

Нина осторожно коснулась его лица.

– Володя, у вас будет синяк... пойдете к нам, вы умоетесь.

И она быстро зашагала в сторону дома. Володя поплелся за ней. Ужасно болел разбитый нос.

Увидев детей, Смирнов всплеснул руками:

– Что это? Володя, кто тебя?

– Он меня защищал! – крикнула Нина, – к нам какие-то негодяи пристали на Клинском, меня за косу дернули, и Володя с ними дрался – один, против всех! Папа, ему надо умыться. Смотри, он и форму запачкал – кровь капает.

Арсений Васильевич обнял мальчика за плечо и провел его в глубь лавки, в свою контору. В углу стоял маленький умывальник. Смирнов ласково нагнул Володю к раковине:

– Давай умою...

Он аккуратно смыл кровь с Володиного лица, потом приложил к носу намоченное холодное полотенце.

– Очень больно, мальчик мой?

Володя отрицательно покачал головой.

– Ну вот и отлично. Ты молодец! Один против всех... Пойдем, выпей с нами чаю.

Они прошли через контору и поднялись на второй этаж в квартиру лавочника. В небольшой столовой Нина уже накрыла на стол.

– Садитесь, Володя! Сейчас я налью вам чаю. Папа, а где у нас ватрушки? Володе они так понравились!

– В буфете посмотри, Ниночка. Ну, Володя? Расскажи, как поживаешь? Как гимназия?

В светлой комнате сразу потемнело. Володя вспомнил про свое опоздание и записку, про то, что форма испорчена, нос расквашен, фуражка потеряна... все это нужно будет как-то объяснять родителям... отчаявшемуся мальчику вдруг пришло в голову, что все беды начались

именно из-за лавочника – если бы Володя знал, что тот даст ему конфет просто так, то поехал бы на трамвае, не опоздал бы в школу и, получив конфеты, сразу пошел бы домой, и тогда фуражка была бы цела... Он отодвинул чашку и встал:

– Мне пора домой. Спасибо за чай.

Арсений Васильевич внимательно посмотрел на мальчика.

– Что-то случилось, Володя? – спросила Нина, – куда вы?

Смирнов остановил ее:

– Ниночка, если Володя говорит, что ему пора... Не задерживай его. До свидания!

Володя пробормотал слова прощания и выскочил вон.

Во дворе он остановился. Отчаянно хотелось плакать. Он видел перед собой огорченное лицо Нины и вопросительный взгляд ее отца. За что он их обидел?

Несчастный и расстроенный, он побрел по улице. Снова заболел разбитый нос. Что теперь делать?

На улицах загорались фонари, накрапывал мелкий дождик, редкие прохожие спешили по своим делам.

Володя поднял голову – какое темное, страшное небо, ни единой звезды, казалось, тучи нависают над самой головой, вот-вот коснутся. Володя вздрогнул и огляделся. На улице никого не было.

Совсем один, подумал он отчаянно, совсем один, и во всем мире, наверное, тоже один. От страха стало трудно дышать, он прижался к стене дома и зажмурился.

Через минуту отпустило, и Володя побрел дальше. Нет, вот в окнах светятся огоньки, там есть люди, но только это чужие люди. А он один – со всеми бедами и страхами. Один!

Было уже совсем темно, когда Володя подошел к своему дому. Он устал, замерз и чувствовал себя совершенно опустошенным. Окна квартиры Альбергов были ярко освещены. Володя поднялся на второй этаж, позвонил, и дверь тут же распахнулась. Дуняша крикнула:

– Он! Софья Моисеевна, он!

В передней появилась перепуганная мама.

– Володя! Господи, где ты был! Что с тобой случилось?

Приглядевшись к сыну, она воскликнула:

– Что с твоим лицом? И где фуражка?

На пороге появился отец. Он устремил на сына разгневанный взгляд, но Володя настолько устал, что принял это совершенно равнодушно.

– Иди умойся, боже мой! – едва не плакала мать, – и голодный ты, наверное!

Володя прошел в ванную и умылся. Как смог, оттер пятна с брюк. Выйдя в гостиную, он увидел отца и мать.

– Пойдем со мной, – еле сдерживаясь, сказал отец.

Мама хотела было что-то сказать, но отец взял Володю за плечо и вывел в коридор.

В кабинете отец сел за свой стол. Володя молча стоял перед ним.

– Где ты был? – звенящим от ярости голосом спросил отец.

Володя медленно начал перечислять:

– Я был в гимназии. Потом гулял. Потом подрался. Потом опять гулял..

И тут он вспомнил про записку.

– А еще тебя вызывают в гимназию. Я сегодня опоздал. Директор написал записку, она в ранце. Принести?

– И ты так спокойно об этом говоришь? – поинтересовался отец.

Володя молчал.

Яков Моисеевич внимательно посмотрел в лицо сына.

– Иди спать. Завтра поговорим.

Володя равнодушно пожелал отцу спокойной ночи и вышел.

Мама, не находившая себе места у дверей кабинета, обняла его и повела в детскую. Она засыпала его вопросами, но Володя попросил:

– Мама, можно мне лечь спать?

– Конечно, – растерянно сказала мама, – ложись, мой мальчик. Да хорошо ли ты себя чувствуешь, не заболел ли?

Она потрогала ему лоб, а когда он лег, укрыла потеплее.

Володя долго не мог уснуть. Он смотрел на причудливые тени на потолке и думал о Нине и ее отце.

Ему очень нравилось, как они относятся друг к другу. Смирнов так ее любит, это видно. И никогда не сердится. Она, наверное, никогда не боится идти домой.

Правда, у Нины нет матери.

Как это – без мамы?

У нее нету мамы, а он сегодня так себя повел – просто взял и ушел!

Наверное, они на него обиделись.

Что же делать?

Завтра же надо зайти, попросить прощения, помириться.

Нина-то уж точно ни в чем не виновата.

А какие вкусные были ватрушки!

Утром в Володя собрался в гимназию как можно скорее. Отец был в кабинете, мама в спальне, и Володя постарался ускользнуть из дома до того, как они вышли. Записку он оставил на столе в гостиной.

Он сказал учителю, что записку отцу передал и что тот непременно зайдет. День тянулся долго и нудно.

После уроков Володя снова пошел пешком.

– Володя!

Он обернулся на оклик. Нина стояла на углу их улицы. В руках у нее была корзиночка. Она улыбнулась, и Володя неуверенно пошел к ней навстречу.

– Володя, мы вчера вас чем-то обидели? – быстро заговорила Нина, – вы так скоро ушли... Если это так, то, пожалуйста, простите нас. Мне жаль, правда.

И, кивнув ему, она пошла в сторону дома. Володя, постояв секунду, бросился за ней.

– Нина! – сказал он, задыхаясь, – это вы простите меня, пожалуйста! Мне так стыдно! Вообще стыдно... за вчерашний день. Я натворил таких дел, Нина! Просто не знал, что делать.

И, запинаясь и заикаясь, он рассказал ей все – и мысли про бесплатные конфеты, и про трамвай, и про записку, и про страх перед отцом, и даже про то, как боялся поднять глаза на небо без звезд.

Нина внимательно слушала его. Когда он замолчал, красный и несчастный, она взяла его за руку:

– Володя... Послушайте меня. Ваши родители так вас любят, а если и сердятся – так что же? Вот увидите – все уже хорошо. А что касается конфет... вы понимаете, Володя, мой папа с радостью раздавал бы конфеты бесплатно, если бы это не было нашим единственным доходом. Но... если у вас не будет денег... и вам захочется есть – ведь всякое бывает в жизни, правда? – вы всегда можете к нам прийти. Папа очень хорошо отзывается о вас, Володя. Знаете, и мне очень нравится с вами разговаривать.

Володя смешался. Больше всего ему хотелось плакать, но как плакать перед девочкой?

Нина улыбнулась.

– Мне надо идти. Я должна отнести эту корзинку по адресу, на Фонтанку. Там живут две старушки, мы доставляем им провизию на дом.

– Я помогу вам? – предложил он неожиданно.

Нина серьезно посмотрела на него.

– Мне бы очень хотелось пройтись с вами, Володя. Но лучше идите домой. Ваши родители будут недовольны, если вы и сегодня задержитесь.

Володя угрюмо кивнул. Домой ему не хотелось, но Нина была права.

Дома все более-менее обошлось – отец, оказывается, успел зайти в гимназию, и директор сказал ему, что сын, конечно, упрямый и непростой ребенок, но зато похвалил таланты Володи, пообещав ему большое будущее. Эля в тот же день принесла табель с отличными оценками, родители были довольны, и Володя отделался запретом на неделю гулять после гимназии.

Когда мальчик ушел, расстроенная Нина стала убирать со стола, Арсений Васильевич вздохнул:

– Не знаю, что сделалось, доченька! Вроде и не обидели ничем...

– Только подружились! – огорченно заметила Нина, – мне с ним весело было, папа! Он... необычный, что ли.

– Это точно, – согласился Арсений Васильевич, – необычный. Ладно, Нина. Ты мне вот что скажи: завтра суббота, может быть, к тете Лиде поедем? Я вечером занят буду, ты бы у нее осталась. А в воскресенье я приду за тобой, и домой поедем. Хорошо?

– Хорошо. Мы с ней готовить будем. Папа, как ты думаешь, что с Володей случилось?

– Ох, Нина. Не знаю. И ты знаешь что? И думать не хочу.

Арсений Васильевич притворялся: о мальчике, прибежавшем все время за шоколадками, он думал очень часто. Нина сказала – необычный. Да нет, обычный...

Дуняша, прислуга Альбергов, очень оценившая удобную и недорогую лавку, иногда рассказывала о своих хозяевах – инженер все время работает, хозяйка тоже без дела не сидит, внимательная, веселая. Рассказывала и про детей: старшая, Эля, серьезная, в школе первая, но надменная, малышка совсем другая – веселая, ласковая, а какая умница! Но самый умный из детей Володя, и учится хорошо, и читает все время. И талантливый какой, руками все умеет делать – вот у Дуняши сломался кран от самовара, Володенька увидел и починил. Тоже инженер будет, наверное. И вообще – хороший мальчик, только тихий, замкнутый. Отец девочек балует, а с Володей строгий. Зато у мамы он любимчик, и он маму как любит – если ее дома нет, так места себе не находит, все к дверям бегаёт.

Жалко будет, если обидится и перестанет к ним ходить.

Но на следующий день Нина примчалась домой счастливая:

– Помирились, помирились!

– Ну хорошо хоть, – обрадовался Арсений Васильевич, – на что он обиделся-то?

– Да у него все сразу, – отмахнулась Нина, – ну, такой он, что делать?

В субботу Арсений Васильевич с Ниной приехали на трамвае к тете Лиде.

Лидия Васильевна была счастлива:

– Ниночка! Девочка моя! Арсюша! Соскучилась по вам, мои дорогие. Ну заходите, заходите...

– Ну как ты, Лида? – спросил Арсений Васильевич, проходя в столовую.

– Хорошо все, слава богу, не жалуясь. Без вас вроде и скучно, зато вот сейчас как рада...

– Варя заходит?

– Редко, Арсений. Да я не переживаю. Была бы дочка... А так? Чужая.

Варя была дочерью покойного мужа Лиды. Выходя замуж на вдовца с ребенком, тетя Лида очень радовалась – она обожала Ниночку и была счастлива, что теперь и у нее будет дочка. Но Варя не приняла жену отца – была мрачной, раздражительной, молчаливой, как ни

старалась тетя Лида. После смерти отца она перебралась к своей тетке – сестре матери, и тетю Лиду почти не навещала.

– Тетя Лида, а в нашей квартире кто-то живет?

– Да, сняли недавно, да я еще жильцов не видела. Ну, иди поиграй пока, а мы с Арсением поговорим.

Нина убежала в маленькую комнату. Раньше они с отцом занимали квартиру рядом с квартирой тети Лиды – жили дверь в дверь. Ох, ей очень нравилось, и было немного жалко переезжать. Отец утешал ее:

– Ниночка, там удобнее будет. Аренда дешевле, покупателей больше, да и гимназия получше, чем тут. А к тете Лиде приезжать часто будем.

Нина, переезжая, часть своих вещей перетащила к тете Лиде:

– Пусть вот эти куклы тут живут. И тетя Лида, пусть маленькая комната моя будет?

– Да конечно, пусть будет, моя девочка.

В старой квартире окна Ниной комнаты выходили на Неву и Смольный. У тети Лиды окна комнат тоже выходили на Неву, и, приезжая к ней, Нина часами стояла у окна и смотрела на реку.

Как этого не хватает в Семенцах! Там, правда, недалеко Обводный канал, но это же совсем не то...

Нина нахмурилась, потом улыбнулась. Все-таки хорошо, что они переехали! Теперь у нее два дома. Новый год, наверное, они будут встречать тут – в гостиной поставят огромную елку, и сквозь ее ветки в окне будет виден Смольный!

Нина засмеялась и достала своих кукол. В гостиной тем временем шел разговор:

– Ну что, Арсений, ты делать думаешь?

– Что? Да ничего, – рассеянно отвечал Арсений Васильевич, – ничего не думаю, Лида.

– Женщина она неплохая, Арсений. Тебя любит, и Ниночку никогда не обидит. Неловко мне! Она же мне подруга.

– Ну что неловко, Лида? Мы взрослые люди.

– Вот то и неловко!

– Ладно, Лида! Давай не будем об этом. Ты мне лучше скажи – я Нину оставлю у тебя до завтра?

– А ты куда?

– Дела, – смущенно улыбнулся брат.

Тетя Лида погрозила ему пальцем:

– Знаю я твои дела! Смотри мне.

– Ладно, ладно... скажи мне, как служба твоя?

– Там-то все хорошо. Ну что? Обедать давай? Ниночка, девочка моя! Давай на стол накрывать, папе уходить скоро!

После ужина Арсений Васильевич, расцеловав «девочек», ушел. Нина помчалась на кухню:

– Тетя Лида, готовить что будем?

– Давай сегодня котлеты делать? Сделаем много, и вам с собой дам. Как вы сейчас-то с едой?

– Обед Таня готовит, но скоро я сама буду. Мне так нравится!

Весь вечер они готовили котлеты и болтали. В десять Нина весело удивилась:

– Ой, как хочется спать!

– Так ложись, золотко. Кроватька твоя постелена, мишка ждет...

Нина умылась и ушла к себе. Как обычно перед сном, она подошла к окну и стала смотреть на Смольный. Какой красивый...

А ведь Володя раньше жил на другой стороне Невы, совсем рядом со Смольным. И может быть, они даже гуляли одновременно – каждый на своем берегу.

Как хорошо, что они помирились!

Нина забралась в кровать, обняла плюшевого медведя и закрыла глаза. Как все-таки хорошо – дома!

Воскресенье Нина провела весело – сначала они с тетей Лидой затеяли пироги, долго завтракали или обедали, а потом Нина пошла гулять.

Охта очень ей нравилась – и раньше, и теперь. Каменные дома встречались редко, в основном – деревянные, двухэтажные, с палисадниками. В этих садиках весной цвела черемуха, яблони, вишня.

Нина дошла до Невы, побродила по берегу, потом поднялась на горку, где располагался рынок. Ей захотелось дойти до бывшей кондитерской, посмотреть, что там.

Кондитерской было жалко – она располагалась в самом большом каменном здании на Охте. Что там теперь?

Нина подошла ближе. Над дверью новая вывеска – швейная мастерская. Дверь распахнулась, и оттуда вышел отец.

– Ниночка?

– Папа! – обрадовалась Нина, – а ты что тут делаешь?

Из мастерской-кондитерской вышла высокая дама:

– Арсюша, я, кажется, забыла...

Увидев Нину, она осеклась. Арсений Васильевич улыбнулся:

– Тая, это моя дочь.

Дама улыбнулась:

– Здравствуй, Ниночка. Меня зовут Таисия Николаевна.

– Очень приятно, – весело сказала Нина.

– Она у тебя красавица, – сказала Таисия Николаевна отцу.

– Да, – согласился тот, – и умница, и вообще мое счастье. Ты гуляешь, Ниночка?

– Да, хотела посмотреть, что тут будет теперь – после кондитерской. Швейная мастерская, как интересно!

– Это моя мастерская, – сказала Таисия Николаевна.

– Ваша? Вы шьете?

– Шью. Могу и тебя научить, если хочешь. Девочке надо уметь заниматься рукоделиями.

Нина улыбнулась:

– Спасибо. Правда, меня учит тетя Лида, но я с удовольствием поучусь и у вас. Папа, ты куда сейчас? Я хотела зайти к Тонечке.

– Иди, Ниночка. Мы с Таисией Николаевной пройдемся, а потом я по делам. Тебя только вечером заберу, ты помнишь?

– Помню, конечно. До вечера! До свидания, Таисия Николаевна! Мне было приятно с вами познакомиться.

– И мне тоже, Ниночка. Знаешь что? У меня есть сын Миша, он чуть старше тебя. Мы тебя с ним познакомим, хорошо?

– Конечно! До свидания.

Отец с Таисией Николаевной ушли, Нина пошла к своей подружке. Тонечка жила в деревянном доме, на втором этаже. Нина постучала, дверь открыла Тонина мама:

– Ниночка! Как ты здесь? Заходи скорее.

Нина поздоровалась и вошла. В переднюю выскочила Тоня:

– Нина, ты приехала! Ну, пойдём скорее!

Квартира у Тони была маленькая – три комнаты, одну из этих комнат сдавали. Тоня спала в столовой, и там же стоял ее маленький столик для занятий.

В прошлом году родители совместно наняли им учительницу, она ходила по очереди – то к Тоне, то к Нине. Они занимались за большим столом, а если одна из девочек что-то не понимала, то учительница уходила с ней за маленький столик. Потом учительница вышла замуж, и девочки стали ходить в подготовительное отделение гимназии Нехорошевой. Теперь Тоня так и училась в этой гимназии.

Мать Тони вошла следом:

– Ну, Нина, расскажи: как вы там, на новом месте?

– Мы хорошо, – начала рассказывать Нина, – квартира там тоже хорошая – три комнаты, мне, папе и гостиная, мы там и обедаем. Кухня маленькая, но нам много не надо. К нам приходит Таня, у нас не живет, папа не любит, когда прислуга в той же квартире живет, у нас всегда проходящие. Таня очень хорошая, а я ей помогаю и скоро буду готовить сама. В лавке покупателей много – всем нравится. А я в гимназию ведь пошла!

– Нравится?

– Да. Пока не очень трудно.

– Подружилась с кем-нибудь? – ревниво спросила Тоня.

– Да, со всеми. Мы и после уроков вместе иногда гуляем, и девочки ко мне приходят, и я уже восемь раз в гостях была.

Тоня поджала губы. Ее мать рассмеялась:

– Ну, Тоня! Нина же и тебя не забывает. Как отец поживает?

– Тоже хорошо, спасибо. А вы как?

– А у нас новость! – объявила Тоня.

– Какая?

Тонина мать покраснела:

– Да вот, Ниночка... у Тони скоро братик будет или сестренка.

– Как хорошо! – закричала Нина, – как я рада за вас, Зинаида Михайловна... А можно мне будет приходиться, помянчить малыша?

– Вообще-то это я буду делать, – заметила Тоня.

– Конечно, ты! Ты же будешь ему сестра. А я если только иногда, поиграть. Мне бы тоже хотелось брата или сестру. Но у меня не будет, мамы же нет.

– Почему не будет? – спросила Зинаида, – может, папа твой женится еще, и будет ребенок.

Такое Нине в голову не приходило.

– Да, правда, может, и женится. Я спрошу его. А когда у вас будет малыш?

– Через четыре, пять месяцев только.

– Ну, это еще не скоро! – расстроилась Нина, – только зимой. Ну ничего, подождем.

Зинаида улыбнулась, погладила Нину по голове и вышла. Тоня достала игрушки:

– Поиграем?

Через час Нина вышла из гостей – пора было идти домой обедать. В прошлом году она как-то заигралась в гостях, вернулась поздно, и недовольный Арсений Васильевич на следующий день отвел ее в магазин и купил маленькие наручные часы:

– Будь добра приходите домой вовремя. Мне что же, с ума сойти?

Погода испортилась – с утра было ясно, теперь накрапывал дождик. Тетя Лида уже накрывала на стол:

– Пришла, моя девочка? Мой ручки и садись.

За обедом Нина рассказала про Тонину новость.

– Тетя Лида, мне тоже хочется брата. Зинаида Михайловна сказала – может, папа женится еще, и тогда можно будет ребеночка. Папа что, жениться хочет?

– А как бы ты хотела, Ниночка? – осторожно спросила тетка.

– Не знаю, – удивилась Нина, – не знаю. Я никогда не думала. Я просто братика хочу.

Она задумалась.

– Знаешь, какого? У нас в соседнем доме мальчик живет – Володя. Я тебе про него не рассказывала еще? Он красивый очень – темноволосый, а глаза голубые, такие чистые, ясные! Вот бы мне такие. Мы с ним подружались, он хороший, очень умный. Учится хорошо и все читает, читает! Папе как-то помог шторку починить – которая витрину закрывает. Я вот такого брата хочу. Но хотя мы же с ним и так дружить можем. Тетя Лида, что на ужин будем готовить? Давай блины жарить? Я в тот раз жарила, так папа ел, конечно, но вообще он особо притворяться не умеет. Научи меня, как правильно? Ой, я что еще вспомнила – в нашей кондитерской будет швейная мастерская. Я там папу видела, он был с хозяйкой – ее Таисия Николаевна зовут. У нее сын, Миша, она нас обещала познакомить! Вот весело будет!

Вечером Лида провожала брата и племянницу на трамвай. Нина бежала впереди, Лида вполголоса говорила:

– Вот и девочка говорит – хочу брата. А ты что? Тебе Таисия-то зачем?

– Так Лида, – оправдывался Арсений Васильевич, – я вот что подумал – у нее денег-то немного, а ты бы с ней в долю вступила – у тебя же есть сбережения? А нет, так у меня возьми. Была бы хозяйкой. Она разумная, спокойная, как и ты.

– Сейчас придумал? – прищурилась сестра.

– Сейчас, – смущенно согласился Арсений Васильевич, – но придумал-то вроде хорошо.

Подумай, Лида.

– А у тебя намерения...

– Да какие намерения, Лида, боже упаси! И не говори о таком, аж сердце закололо.

– Что там у тебя заколоть может, Арсений!

Вечером Нина рассказала отцу Тонины новости.

– Папа, ее мама сказала, что ты еще можешь жениться. И тогда у меня брат будет. А ты хочешь жениться?

Арсений Васильевич замялся:

– Ниночка, я бы, признаться, как-нибудь без этого. Ну, без женитьбы. Брата... Ты очень брата хочешь?

– Ну, если бы маленького, я бы с ним нянчилась. Или вот такого, как Володя!

– Ниночка, так с Володей просто дружить можно. А маленького? Ты вот вырастешь, и у тебя дети будут – тогда и будешь с ними нянчиться. А я помогать буду. Давай так пока?

– Давай, – согласилась Нина, – так тоже хорошо.

В понедельник после уроков Володя заглянул в лавку Смирнова. Лавочник, как обычно, встретил его приветливо:

– Здравствуй, Володя! Как поживаешь?

Из конторы выскочила Нина.

– Володя! Как хорошо, что вы пришли... Ну, проходите же! А пойдете к нам? Вы же еще не были у нас в гостях? Ну, пойдете же!

Володя нерешительно посмотрел на Арсения Васильевича, тот кивнул:

– Идите, конечно! Ниночка, там в буфете вроде пирог оставался.

Нина уже мчалась вверх по лестнице. Володя пошел за ней.

Квартира у Нины была маленькой – три комнаты: столовая и она же гостиная, маленькая спальня Нины и спальня Арсения Васильевича. В кухне был выход на черную лестницу, по которой спускались со второго этажа в магазин и контору.

Самой интересной комнатой была гостиная – большая, полукруглая, с тремя окнами. Перед средним окном стоял круглый стол, около второго окна – диванчик, около третьего –

кресло. Второй диван стоял напротив окон, около большой печки. По одной стене располагался буфет с посудой, по другой – небольшой книжный шкаф.

– Мне эта квартира сразу понравилась! – говорила Нина, – три окна, и она такая – круглая... Тетя Лида шторы шила сама – видишь, какие красивые? И посмотри – между шторой и окном сколько места? Тут можно играть и секретничать. Ко мне подруги приходят – мы там прячемся и разговариваем.

Чтобы попасть в Нинину комнату, надо было подняться на несколько ступенек вверх.

В самой комнатке стояла светлая мебель, обои были в веселый мелкий цветочек, на стенах висели какие-то необычные картинки в рамках. На полу лежал светлый ковер.

–

Папа был в Швеции, и его там позвали в гости к одному художнику, – рассказала Нина, – и папе так дом его понравился! Он мне потом рассказал и тете Лиде, и мы решили мне такую комнату сделать – как у детей художника. На Охте у нас и кухня была на такую шведскую похожа, а тут я еще не успела... Володя, послушай, давай говорить друг другу – ты? Давай? Ну так вот, ты знаешь, ведь моя бабушка была шведка! Она родилась в Финляндии, а потом жила в Ревеле. И говорила она сначала только на шведском языке. Папа в детстве тоже говорил, а сейчас все забыл уже. Я учу французский и немецкий, но трудно... Вот написала шпаргалку. А ты никогда не пользуешься шпаргалками, Володя? Ну конечно, ты же такой умный, все в доме говорят... А вот у нас в гимназии...

Володе было просто и легко с ней. И, немного помолчав, он начал рассказывать ей про свою гимназию, про директора и строгости с поведением.

– Володя, а ты любишь кинематограф? Мы с папой ходим иногда. Ну конечно, любишь, кто же не любит...

Володя замаялся. Вот уже несколько недель у него был новый секрет.

– Я... Да. И знаешь что? Мне теперь кажется, что это даже интереснее, чем театр. Нина, я бы сам хотел делать фильмы. А еще знаешь что? Я рисовал – как будто кадры, там сказки, и подсвечивал, и показывал своей маленькой сестре – как будто в кинематографе. Такой аппарат, знаешь...

Нина слушала заинтересованно, иногда переспрашивая:

–

Что это за аппарат? Что такое – кадр?

На пороге появился Арсений Васильевич:

– Ниночка, вы чай-то пить идете? Я уж накрыл все.

Время за чаем прошло весело и незаметно. Наконец, Володя поднялся:

–

Мне пора. Большое, большое вам спасибо!

–

Заходи еще, – сказали Нина с отцом в один голос.

–

Мамочка, – сказал Володя дома, – ты знаешь, я был в гостях. У девочки из лавки, дочка Арсения Васильевича.

–

Хорошая девочка?

–

Очень. Веселая, добрая. И отец у нее очень хороший, мы вместе чай пили, разговаривали. Мамочка, можно, я ее к нам приглашу?

–

Конечно, сынок. Вот в четверг, может быть? Папа придет пораньше, тоже познакомится с твоей новой подружкой.

Встретившись на следующий день с Ниной, Володя пригласил ее в гости.

– Я с удовольствием! – обрадовалась девочка, – когда мне удобно зайти?

В назначенный день Нина стояла на пороге.

– Добрый вечер! – просто сказала она.

Володя растерялся. Что говорить, что делать? Выручила его мама, как раз вышедшая в переднюю.

– Добрый вечер, Нина! – сказала она, – пожалуйста, проходи! Володя, помоги девочке снять пальто.

Нина разделась. Под пальто у нее оказалось темно-синее гимназическое платье с передником. В форме она казалась совсем маленькой.

– Проходите пока к Володе, – сказала мама, – я позову вас к обеду.

– Папа послал вам коробку конфет, надеемся, вкусные! – весело сказала Нина, протягивая завернутую коробку.

– Спасибо, Ниночка!

Нине очень понравилась Володина комната.

– Как у тебя хорошо! – сказала она, – а это что? Кукольный театр? Ты сам сделал?

Володя покраснел. Вдруг она все-таки будет смеяться? Но Нина с явным интересом и удовольствием рассматривала кукол, сцену и реквизит.

– А это что?

– А это проектор... смотри! Вот то, о чем я тебе говорил. Тут можно показать театр теней.

– Это я знаю! – обрадовалась Нина, – мы с папой так иногда играем – вешаем простыню, зади ставим лампу и показываем животных. Я умею зайца – вот так, смотри, и собаку. А папа еще как-то дракона делает.

– Ну вот, а я рисую. Хочешь посмотреть?

– Конечно!

– Только я в кухне показываю – там маленькое окно, и я оттуда простынь спускаю. Пойдем?

– Пойдем, конечно.

В кухне была Дуняша.

– Ниночка! Ты в гостях у нас!

– Да! Здравствуйте, Дуняша.

– Дунечка, мы помешаем, если я тут театр покажу?

– Нет, Володенька, совсем нет. Только недолго – скоро обедать будете, я тогда уж вас отсюда попрошу...

Володя быстро установил оборудование и стал показывать спектакль. За героев он старался говорить разными голосами. Нина была в восторге:

– Володя, какой ты умный! И как хорошо все придумал!

Они вернулись к нему в комнату. Нина подошла к полке с книгами:

– Какие серьезные книги ты читаешь! Лермонтов... Мцыри. И Некрасов, и Толстой. «Детство». Это интересно?

– Да, очень. Хочешь почитать?

– Да, потом. У нас дома тоже есть, кажется. Ты знаешь, ведь моя мама была учительницей, она была очень умной, образованной. Папа сохранил все ее книги, только часть осталась в Галиче.

– А что в Галиче?

– Это город, недалеко от Костромы. Мама была оттуда родом, и я там родилась. У нас там дом с папой, мы сдаем его. Он раньше принадлежал бабушке и дедушке, которые мамини родители, но их уже нет. И папиных нет. А у тебя есть бабушка и дедушка?

– Только папины. Они в Могилеве живут.

– Это где?

– Где... ну вот давай на карте покажу. Вот тут. А Галич где?

– Галич вот тут. А ты что, в Могилеве родился?

– Да. Мы сюда переехали, мне семь лет было.

– А мне несколько месяцев. Я только родилась в Галиче. Как мама умерла, папа почти сразу сюда переехал, и со мной тетя Лида нянчилась. Володя, послушай! У тебя это что – паровоз? И железная дорога? Давай поиграем?

– Давай! – удивился Володя, – ты любишь в железную дорогу играть?

– Конечно! У меня есть, мы с папой играем часто. Я тут хотела поиграть с девочкой из класса, а она не захотела, сказала – в куклы.

– А в куклы ты играешь?

– Конечно. У меня и мебель для них есть, и посуда. Иногда я им одежду шью. Давай я рельсы буду складывать.

Они расставили железную дорогу, собрали поезд. Нина захотела быть машинистом, и Володя согласился быть стрелочником.

Открылась дверь, и мать позвала детей к столу.

Ужин прошел в очень приятной обстановке. Нина совершенно не стеснялась Володиных родителей, на вопросы отвечала вежливо и весело. Даже придирчивая Элька с удовольствием расспрашивала Нину про ее гимназию. Нина честно созналась, что учиться ей бывает трудно-вато, особенно по арифметике, зато ей нравится читать. На вопрос Якова Моисеевича, что она хочет делать в будущем, Нина задумчиво ответила:

– Знаете, мне столько хочется! Но больше всего, наверное, я хочу быть учительницей – как мама. И папа считает, что у меня получится.

После ужина Нина поблагодарила и сказала, что ей пора. Прощаясь, она сказала:

– Володя, если твои родители тебе позволят, приходи к нам в субботу?

Нина очаровала всех, и родители тут же дали свое разрешение.

Нина стала частой гостьей в семье Альбергов, как и Володя у лавочника. Они играли, рисовали, читали книжки – каждый свою.

Было очень весело, когда Нина приходила в гости, но еще лучше было у нее. Володе очень нравилась их квартира – свободно, весело. Нина была дома настоящей хозяйкой, она решала, что Татьяна, прислуга, приготовит на обед, и часто сама ей помогала. Она сама разговаривала с прачкой, сама следила за порядком, делала покупки. Арсений Васильевич ни в чем ей не мешал:

– Ниночка, я тут ничего не понимаю – ты уж сама там и с обедом, и мало ли что еще...

У Нины была специальная книжечка – «Мое хозяйство». Там были рецепты, советы по ведению дома, чистые листы для записей. Нина книжкой ужасно хвасталась и все туда записывала.

Игрушек у Нины было немного, но все дорогие и красивые – куклы, плюшевый медведь, фарфоровая посуда, кукольная мебель. Из интересного Володе была железная дорога – в нее и играли чаще всего.

В столовой-гостиной на старинном буфете стояло несколько фарфоровых фигурок – пастушка, балерина и маленькая собачка. Арсений Васильевич иногда машинально брал собачку и задумчиво гладил ее, потом хмурился и ставил на место. Нина, заметив как-то Володин вопросительный взгляд и дождавшись, когда отец уйдет, объяснила:

– Это первый мамин подарок папе. Они тогда только познакомились, и мама где-то купила собачку. Папа ее бережет, конечно. Когда я маленькая с ней играла, очень просил, чтобы не разбила.

Нина была настоящей хозяйкой не только дома, она помогала и в магазине – следила за порядком, могла сама подмести пол, помыть прилавки. Некоторым покупателям провизию отсылали на дом, Нина сама собирала для них корзинки по списку, иногда сама и относила.

Если Нина шла относить кому-нибудь корзинку, Володя сопровождал ее. Обрато они возвращались разными путями – Нине хотелось все посмотреть:

– Володя, пойдем теперь вот по той улице!

Наступила зима с зимними радостями – в сквере на Забалканском построили большую горку, с которой катались все окрестные дети. Нина обожала кататься с горки:

– Так весело! Только тут горка маленькая все-таки.

– Да как же маленькая? – возражал Володя.

– Маленькая! Вот в Галиче огромная гора, Балчуг называется. Я оттуда каталась – летишь, летишь... а еще там с валов можно кататься – тоже очень весело.

Володю вполне устраивала и эта горка. Отец подарил ему салазки, у Нины тоже были – необычные, резные – и после уроков они встречались на Клинском и мчались кататься. Когда начинало темнеть, Володя пытался уйти домой, но Нина уговаривала:

– Ну давай – еще по разику?

Володя уступал, и домой они прибежали уже в темноте. Если отец уже оказывался дома, то очень сердился:

– Почему так поздно? Кончится тем, Владимир, что я запрещу тебе ходить на горку.

Володя обещал приходить раньше, но сдержать обещание было так трудно!

Как-то Нина на горку не пошла. Володя напрасно ждал ее около лавки, потом нерешительно зашел. Арсений Васильевич стоял за прилавком, встретил Володю привычно-приветливо, но казался чем-то расстроенным.

– Здравствуй, Володенька!

– Здравствуйте... А Нина дома? Она гулять не хочет?

Арсений Васильевич вздохнул:

– Не знаю, Володя... Что с ней делать?

– А что случилось?

– Не получилась задача на уроке классе, принесла отметку плохую.

Володя почувствовал холод в груди. Нина получила плохую отметку. Отец расстроен, недоволен, наверное, запретил ей гулять... У Володи плохих отметок еще не было, вот поведение – случалось... Ничего хорошего тогда ждать не приходилось, родители очень сердились. Но у Нины ведь, кажется, такой добрый отец!

Арсений Васильевич расстроено покачал головой:

– Не знаю, что делать! Расстроилась, плачет! Я уж и так, и так: Ниночка, да ну твои отметки к черту! Мы же с тобой знаем, что ты умница, ну, получила плохую, что уж убиваться! Сбегал, принес пирожных. Все равно плачет! Из-за отметки! Расскажи ведь кому – не поверят!

Володя как раз поверил. Его родители плохую учебу бы не одобрили.

– Вот и не знаю... – продолжал Арсений Васильевич, – я говорю: Ниночка, голова ведь заболит... Ничего не слушает... Ты, Володенька, может, зайди, гулять ее позови? Я вам конфет дам. А до того чаю с пирожными, я сейчас согрею скорее.

Володя кивнул и через лавку прошел к квартире. Нина сидела в гостиной у круглого стола и всхлипывала. Володя тихонько остановился у дверей. Девочка подняла голову:

– Это ты...

И снова заплакала.

Володя подошел и сел рядом. Помолчав, он сказал:

– Ты из-за отметки?

– Да, – всхлипнула Нина, – я вообще ничего не понимаю, ничего! Решала задачу у доски – все перепутала, надо было делить, я умножила! Синька такую рожу сделала, ты бы видел! А Катька засмеялась.

Володя улыбнулся:

– Ты не плачь? Папа твой так переживает...

– Папа не понимает! Он мне все – ты у меня умница, умница! А умница у доски так опозорилась, мне даже стыдно в гимназию идти! Велели эти задачи разобрать – я начала было, не понимаю. Папа говорит – давай репетитора найдем, студента или ученика какого... Наверное, так и придется делать.

– Давай я попробую объяснить?

– Ты?

– Ну да, я. Я по математике все понимаю. Какая задача?

Нина вытерла слезы:

– Мне неловко!

– Да почему?

– Ну... не знаю. Неловко!

– Да что такого? Вдруг получится?

Нина всхлипнула:

– А вдруг ты подумаешь, что я совсем дура, и дружить со мной не будешь?

– Нина, ты что такое говоришь? – растерялся Володя.

– Катька сказала, что я дура.

– Это Катька дура. Доставай учебник.

Нина, всхлипывая, вытащила учебник:

– Вот смотри. Тут про лошадь. Как они едят. И пуды... в общем, сколько лошади надо еды, что-то такое... кому это надо, у меня и лошади нет! Я автомобиль хочу.

– Нина! – серьезно сказал Володя, – для автомобиля ведь тоже топливо придется рассчитывать!

– Вот еще! Я выйду замуж, пусть муж считает.

– А пока нету мужа?

– Так и автомобиля пока нет...

– Давай решать? Вот смотри...

Володя нарисовал лошадь.

– Это – одна. Вот она съедает – сколько по условиям задачи? Вот стог сена.

Нина с интересом наблюдала за тем, как он рисует:

– Володя, ей еще конюшню надо. И давай ее в санки запряжем?

– Нина, мы же задачу решаем! Не отвлекайся ты, а? Ну вот, смотри дальше. А если мы еще одну лошадь добавим? Сколько она в месяц съест?

Нина вздохнула:

– Не знаю... откуда я знаю – хороший у нее аппетит или нет? Можно ведь сена про запас купить...

– Нина, да подумай!

– Не кричи на меня!

– Да я не кричу, что ты... Ну прости! Давай еще раз...

Арсений Васильевич, готовый лопнуть от смеха, подслушивал под дверью. Нина его удивляла – что тут можно не понимать, ведь такая умница! Сам он, правда, тоже мучился с математикой еще в училище – никак не мог понять, зачем записывать и вычислять, когда и так все понятно – посмотрел и сразу увидел ответ. А какой умница мальчик! Старается, объясняет,

да как толково! Арсений Васильевич, кажется, впервые понял, как решают задачи, и очень удивился.

Через час Нина сообразила:

– Поняла. Умножить, поделить, вычесть.

Володя откинулся на стуле:

– Да! Уффф... Понятно? Правда?

– Понятно... но лошадь сдохла.

– Почему?

– Потому что если столько еды ждать, сколько я решаю...

Володя расхохотался, за ним засмеялась Нина.

– Давай еще одну решим?

– Ну уж нет!

– Чтобы закрепить, Нина! Давай вот эту – про овечек?

– Ну давай... Всех уморим.

С овечками дело пошло быстрее, правда, потом Нина перепутала порядок действий. Получилось, что на одну овцу нужен ноль пудов сена.

– Овца тоже сдохла, – задумчиво сказал Володя.

– Ты надо мной что, смеешься? – вскипела Нина.

– Да ты что! Просто овечку жалко стало. Давай еще раз?

– Все равно сдохла уже, – пробормотала Нина, беря карандаш, – ну, и где я что перепутала?

Наконец накормили и овец. Нина захлопнула книгу:

– Все! Хватит животных мучить. Ой, Володя, как хорошо, что скоро рождественские каникулы!

Приближалось все Рождество. Как-то в субботу Володя зашел в лавку. Арсений Васильевич был занят:

– Володенька, ты иди к Нине, она дома...

Володя через лавку прошел в квартиру. Нина сидела на полу около большой коробки.

– Володя, здравствуй! – обрадовалась она, – а я игрушки разбираю.

– Какие?

– Елочные. У вас много?

Володя задумался. Елку обычно наряжали мама с Дуняшей, детей пускали уже к наряженной.

– Ну... много, наверное.

– А вы не делаете сами игрушки?

– Сейчас нет. Раньше да, клеили – у нас бонна была, еще на Таврической, так вот с ней клеили.

– А мы с папой каждый год клеим. Хочешь с нами?

– Хочу!

– Тогда давай начнем уже? Папа еще не скоро освободится. Сейчас будем клей варить.

– Ты умеешь?

– Конечно.

Они сварили клей, Нина достала цветную и блестящую бумагу:

– Ну, давай! Я сейчас сначала склею цепи, потом буду складывать из бумаги.

– А я что?

– Не знаю! Что хочешь.

Володя задумчиво покрутил в руках лист блестящей бумаги, потом решительно потянулся за ножницами.

Нина клеила цепи, изредка поглядывая на Володю. Наконец она не выдержала:

– Ты что делаешь?

– Потом увидишь, ладно?

– Ладно... – неохотно согласилась Нина, – какой-то аппарат?

– Потом.

Наконец, работа была готова. Нина недоверчиво рассмотрела поделку:

– И что это?

Володя улыбнулся:

– Это кинокамера. Фильму снимать.

– Кинокамера? – протянула Нина, – ну... а разве можно кинокамерами елку украшать?

– А почему нет?

– Ну не знаю.

Володя вспыхнул:

– А почему нельзя? Нет, ты скажи! Разные цепи, или вон – что это – рубашка какая-то – можно на елку вешать, а кинокамеру нельзя?

Нина удивленно посмотрела на него:

– Ты что? Что ты сердишься? Клей что хочешь.

– Ничего не хочу. Я домой пойду.

– Кто тут домой собрался? Что у вас случилось? – спросил вошедший Арсений Васильевич.

Володя опустил голову.

– Ну, что такое?

Нина досадливо пожалала плечами:

– Он кинокамеру склеил, а я никогда не видела, чтобы кинокамеры на елку вешали, и удивилась. А он обиделся!

– Володя! – укоризненно сказал Арсений Васильевич.

Володя встал.

– Я пойду все-таки.

– И кинокамеру свою возьми! – тоже рассердилась Нина.

Володя схватил бумажную кинокамеру и вышел. Арсений Васильевич вышел за ним – проводить. В прихожей мальчик оделся и повернулся:

– До свидания.

Арсений Васильевич пожал плечами:

– До свидания.

Володя медленно спустился по лестнице и вышел на улицу. В руках он держал ненужную кинокамеру.

В самом деле, кто вешает кинокамеру на елку? Если принести ее домой, то мама посмеется, пожалуй – на елку вешают шары, цепи, красивые игрушки, но уж никак – не кинокамеры...

Он бросил камеру в снег и побрел к своему дому.

– Володя!

Мальчик обернулся. Нина, в меховой шубке и шапочке, махала ему от лавки, Володя нерешительно пошел к ней. Нина схватила его за руку:

– Пойдем обратно. Я тебя обидеть не хотела, и кинокамера на елке – очень даже хорошо.

Моя рубашка куда хуже!

У Володи защипало в глазах.

– А где кинокамера?

– Выкинул...

– Зачем? Вот глупый! Она такая красивая! Куда ты кинул? Пойдем искать?

– Вот сюда – в снег.

Нина села на корточки:

– А, вот она! Только размокла почти... ну ты глупый, Володя, вот правда! Испортил хорошую такую... я уж хотела было ее попросить у тебя – себе на елку повесить. Склеишь еще?

– Склею, конечно. Нина, не обижайся на меня?

– И ты на меня. Я правда думаю, что кинокамера – это очень хорошо.

Они вернулись в квартиру. Арсений Васильевич сосредоточенно резал бумагу. Володя неловко подошел и постоял рядом, потом нерешительно спросил:

– А вы что делаете?

– Птичку... – рассеянно ответил лавочник, – не могу понять, какой бы ей хвост сделать...

– А какая птичка?

– Да... какая? Не знаю. Просто – птичка.

– Можно хвост большой и из другой бумаги.

– Можно. Из какой?

– Птичка синяя, можно хвост желтый сделать – будет красиво.

– Ну давай... Как вырезать-то?

Володя взял ножницы:

– Можно сделать ей пушистый, не из одного листочка, а из трех.

– А как соединить?

– Вот так вложить – и приклеить.

Нина сосредоточенно складывала штаны из бумаги. Арсений Васильевич поднял голову от готовой птички:

– Ниночка, а разве штаны на елку вешают?

– Вешают, – решительно сказала Нина, – у нас такая будет елка, что все вешают.

– Вот и хорошо, – одобрил Арсений Васильевич, – ладно, ребята, все на сегодня. Давайте чаю попьем – и по домам.

– А Володя камеру не склеил!

– Завтра склеит – время есть еще. Он мне зато с птичкой помог. Смотрите, какая красивая!

Нине птичка понравилась:

– Хвост пушистый.

После чая Володя собрался домой. Арсений Васильевич оделся тоже:

– Пойду тебя до дома провожу – поздно уже.

На улице было морозно, ярко сияли звезды. Арсений Васильевич остановился:

– Как хорошо-то! А, Володя?

– Да...

– Завтра клеить придешь?

– Приду.

– Тогда – до завтра!

Володя постоял, глядя ему вслед.

Какой хороший был вечер!

А если бы Нина не побежала за ним?

Бродил бы по улицам, мерз, может, плакал бы...

Что на него нашло?

– Владимир?

Володя вздрогнул:

– Папа!

- Ты почему на улице так поздно?
– Я от Нины иду. Остановился на минутку – небо посмотреть.
Яков Моисеевич рассеянно поднял голову:
– Да, небо. Пойдем домой.
– Папа, а пойдем погуляем? Ну, хоть немного?
– Погуляем? – удивился отец, – ну пойдем. Куда ты хочешь?
– Давай дойдем до собора со звездами?
– До Троицкого? Далеко.
– Тогда до Забалканского.
– Пойдем.
Володя взял отца за руку.
– Как дела? – помолчав, спросил тот.
– Хорошо. Папа, мы с Ниной игрушки клеили на елку. А почему говорят, что наряжать елку – непатриотично?
– Кто такую глупость сказал?
– В гимназии слышал.
– Я вот и подумал, что Нина твоя вряд ли такое сказать могла. Говорят так почему? Потому что это – немецкий обычай, а у нас с Германией война.
– А у нас будет елка? Дома?
– Будет, конечно.
– Я сам сделаю несколько игрушек?
– Сделай.
– Папа, а кинокамеры ведь можно повесить на елку?
– Кинокамеры?
– Ну да. Я склею и повешу, хорошо?
– Хорошо. Почему нет?
– Эля, наверное, смеяться будет.
Отец покосился на него:
– Не будет. А если и будет – ничего. Расскажи мне лучше, как в гимназии? Какие отметки принесешь?
– Все хорошо, кажется. Только чистописание... я стараюсь, но все равно не очень выходит.
– Придется позаниматься в каникулы.
Володя вздохнул. От отца это не ускользнуло.
– Впрочем, да. Мы же не о гимназии говорим. О ней потом... и что вы клеили с Ниной?
– Она цепи, а еще она складывала штаны и рубашки. Тоже на елку повесит. Они решили, что у них будет необычная елка, и я им склею кинокамеру – ее тоже повесят. А Арсений Васильевич клеил птичек.
– И он клеил?
– И он. Папа, послушай! А давай мы с тобой тоже склеим – вместе? Машину? Паровоз? Давай?
– Ну давай, – озадаченно согласился инженер, – только когда?
– Сейчас! Придем домой, поужинаем и будем клеить!
– Я поработать хотел. Хотя полчаса можно.
Поужинали они в спешке, и Володя побежал доставать бумагу и заваривать клей. Дуняша смотрела, как он сыплет муку:
– Володенька, много не бери! Мука дорогая нынче.
– Да мне всего чуть-чуть. Это для клея.
– Я понимаю, что для клея, а все-таки береги!

– Хорошо, хорошо!

Клей был заварен, и Володя побежал за отцом.

Инженер уже сидел в кабинете за столом. Увидев сына, он рассеянно кивнул ему:

– Что, Володя?

– Папа, клеить... пойдём?

– Что клеить?

– Игрушки! На елку. Мы же хотели – хотя бы полчаса.

– Ах точно! Ну пойдём.

Они устроились на кухне – Дуняша уже убрала посуду.

– Что будем клеить?

– Давай паровоз.

– Давай. Надо бы чертеж сделать...

Вместе они расчертили бумагу, рассчитали длину, ширину, потом стали вырезать. Володя отвечал за художественное оформление – паровоз должен был быть красным, спереди – блестящим, а труба – черная. Потом Володя придумал вагоны:

– Папа, паровоз будет висеть спереди, а вагоны – как бы обвивать елку. Будет красиво!

– Ну давай...

Железной дороги без рельсов не бывает, и пришлось клеить рельсы. Володя не рассчитал, рельсы получились шире, чем это требовалось для паровоза и вагонов. Инженер остался недоволен:

– Болван! Вот от таких строителей – все неполадки. Теперь переделывать! А сколько это займет времени! И денег! Ты представляешь, какое это разорение для экономики страны? А если работать с самого начала аккуратно и тщательно, то такого не будет!

Они снова пересчитали ширину и переклеили дорогу. В кухню заглянула мама:

– Яков, мне кажется, Володе пора спать. Уже одиннадцать.

Яков Моисеевич вскочил:

– Сколько?

Володя испуганно посмотрел на маму:

– Как одиннадцать, мамочка?

– Так – одиннадцать. Убирай тут все, Володя, и немедленно спать, – и мама вышла.

Отец рассматривал паровоз. Володя смущенно начал сгребать обрезки бумаги.

– Папа, ты меня прости, пожалуйста, – сказал он тихонько, – я не смотрел на часы.

– Да ты не виноват, – отозвался отец, – зато паровоз сделали. Но ты, Володя, все-таки должен быть внимательней – с рельсами ты меня просто расстроил.

– Хорошо, папочка.

– А ты уроки сделал? – спохватился инженер.

– Да, – соврал Володя.

История оставалась невыученной – устные уроки Володя любил делать по вечерам. Читать там особо немного, но мама велела спать и уже ни за что не разрешит зажечь лампу.

Отец ушел. Володя прибрал, аккуратно унес свой паровоз в комнату и лег.

О чем там – в этой истории? Может быть, успеет прочитать перед школой.

И с историей все получилось, и камеру он склеил Смирновым на елку – даже не одну, а четыре! Себе тоже склеил несколько, и еще помогал Арсению Васильевичу клеить птичек. У того никак не получался хвост:

– Володя, как ты говорил – куда тут что совать? Как сложить? Слушай, давай я самих птичек буду вырезать, а ты им хвосты делай.

Перед самым Рождеством Володя зашел к Нине. Она сидела дома одна.

– А где Арсений Васильевич?

– Он с тетей Лидой в церковь пошли. А я кашляла вчера, папа перепугался и меня дома оставил. Хотя я просто чаем поперхнулась.

Володя улыбнулся.

– Нина, я вам подарок принес.

И протянул ей сверток.

– А что там?

Она развернула бумагу и достала паровоз:

– Володя! Ты сам сделал?

– Этот – да, а первый нам на елку – мы с папой делали.

– Очень красивый! И рельсы! Он просто настоящий... А как его повесить? Ты же и елку нашу не видел! Пойдем!

В гостиной стояла огромная елка – до потолка.

– У нас всегда до потолка! – похвасталась Нина.

Володя отыскивал на елке свои кинокамеры, птичек и штаны с рубашками.

– Красивая! У нас тоже большая. Нина, мне пора – я ненадолго отпросился.

– погоди! У меня тебе тоже есть подарок – вот.

Володя развернул бумагу – там был неловко склеенный человечек. Штаны и рубашка были сложены, голова и руки нарисованы. Он улыбался и улыбкой чем-то был похож на Нину.

– Спасибо тебе, – серьезно поблагодарил Володя, – спасибо. Ну, я побегу.

Человечка он на елку вешать не стал – прикрепил около своей постели. И, просыпаясь, первым делом видел его.

Через несколько дней настал тысяча девятьсот шестнадцатый год.

С весной началось новое увлечение. Арсений Васильевич каждое воскресенье старался пойти погулять с Ниной по городу. Он любил Петроград, гуляя, вспоминал, как ходил по этим улицам с Сашей, сначала невестой, потом женой. Они прожили здесь совсем недолго, да и вообще их совместная жизнь была короткой, но тем ценнее и дороже были воспоминания.

Они познакомились на Песках. Он был управляющим в магазине, а она – учительница, пришла к нему за какими-то мелкими покупками. Арсений знал всегда, что красивый, нравится девушкам, а перед Сашей робел, терялся, она была старше на два года, образованная, очень умная, тактичная, веселая... Он тянулся за ней, если она упоминала какую-то книжку, то он в свободный день бежал в читальню на Кирилловской, отыскивал эту книжку и прочитывал ее, если говорила о спектакле – он покупал билеты и робко приглашал ее в театр. Она всегда соглашалась, лишь несколько раз не смогла – давала дополнительные уроки или готовилась к занятиям в гимназии.

Как-то Арсений решил и познакомил ее с сестрой Лидой. Саше так понравилась Лида, понравилась ее квартира на Охте, что она с удовольствием стала бывать там и одна. Зная, что чаще всего она приходит туда по воскресеньям, Арсений тоже стал навещать сестру в эти дни. Домой они возвращались вместе – на маленьком парходике переезжали Неву и шли домой на Пески.

Все чаще и чаще они были вместе, и наконец он сказал, что любит ее. Саша ласково улыбнулась и сказала, что и он ей очень дорог. Через несколько месяцев Арсений снял маленькую квартиру в том же доме, где жила сестра, и сделал Саше предложение.

В Петербурге они прожили два года. Они были счастливы вместе, родился сын. Но мальчик был слабеньким и прожил только месяц. Саша исхудала от тоски, постоянно плакала и горевала по малышу, и Арсений решил – бросил место управляющего и увез жену в Галич – на ее родину. Почти сразу после их приезда у Саши умер отец, и Арсений стал хозяином в доме.

В Галиче Саше стало лучше, она устроилась учительницей в женскую гимназию, Арсений стал совладельцем бакалейного магазина, через год открыл маленькую кондитерскую. Мать Саши любила зятя как сына.

Через два года родилась Нина.

Саша умерла через три месяца после ее рождения – от сильной простуды. Мать пережила ее на месяц.

Оставаться в Галиче без любимой жены было невыносимо. Дом, в котором она росла, ее вещи, ее портрет на стене, где она была изображена девочкой – все это так тяжело действовало на молодого вдовца, что он, взяв дочку, уехал в Петербург.

Нина так похожа на мать – манерами, походкой, интонациями, такая же тактичная, веселая, разумная. Везде она заводит себе подруг, все ее любят, хотя сама она, кажется, к тесной дружбе ни с кем не стремится. Гуляя с ней по улицам Петербурга, Арсений Васильевич вспоминал жену. Острая боль давно ушла, но тоска осталась. Вот тут они проходили, и она рассказывала ему про новый спектакль, а вот тут – рассказывала о своем детстве в Галиче...

Все-таки хорошо, думал Арсений Васильевич, что Нина не помнит мать. Если не знаешь человека – по нему не скучаешь.

Как-то раз в воскресенье они, как обычно, вышли из дома и на углу Загородного встретили Володю.

– Здравствуйте! – обрадовался он, – а я вот... иду с урока французского. А вы?

– А мы гулять! – радостно сообщила Нина.

– Гулять? Куда?

– Сегодня пойдем смотреть Коломну, театр, Никольский собор, – перечисляла Нина то, что за завтраком успел рассказать ей отец.

Погрустневший Володя кивнул.

– Очень интересно.

– Хочешь с нами? – спросила Нина неожиданно.

Арсений Васильевич посмотрел на нее удивленно и немного недовольно. Они гуляют, он вспоминает покойную жену, и вообще им хорошо вдвоем, ведь на неделе он так редко видит дочь... не помешает ли мальчик? Но Володя так явно обрадовался, что Арсений Васильевич не смог отказать детям.

– Ты, Володя, спроси у родителей – позволят они тебе пойти гулять с нами? Мы вернемся около трех часов.

Володя сбегал домой, быстро вернулся и сказал, что отца не было дома, но мама позволила и даже обрадовалась, что он пойдет с ними гулять...

Так начались их совместные прогулки. Арсений Васильевич на неделе придумывал маршруты, вспоминал рассказанное женой и то, что он читал, и с удовольствием показывал детям город. Володе все нравилось, все удивляло, и, вопреки опасениям Арсения Васильевича, он нисколько им не мешал. Нина тихонечко рассказала ему о смерти матери и о том, что отец часто водит ее по тем местам, где сам гулял с мамой, и Володя тактично замолкал или отходил в сторону, если Арсений Васильевич упоминал имя жены. А его искренняя радость и восторг от узнавания города были так приятны Нине и ее отцу, что они звали его с собой каждое воскресенье. Иногда Володя не мог пойти гулять, и тогда он обязательно забегал к ним в понедельник и жадно слушал об их приключениях – там они видели интересный дом, а потом прошли мимо дома, где жил Пушкин, а во дворе деревянного дома Нина видела пеструю смешную собаку, на Васильевском острове они купили у торговки по пирожку, но Нинины пирожки куда вкуснее... Арсений Васильевич смотрел на мальчишку и, не выдержав, обещал, что в следующий раз они сходят туда же и, может быть, даже снова увидят пеструю собаку.

Третий год уже шла война. О войне говорили всюду. На улицах висели сводки, газетчики кричали о потерях – наших и германских. Гуляя по городу, Смирновы и Володя часто останав-

ливались рядом с вывешенными газетами. Если там были списки убитых или картины с поля боя, Нина зажмурилась и быстро проходила мимо:

– Не буду это смотреть.

Арсений Васильевич соглашался:

– Ни к чему.

И дома о войне они почти не говорили. У Володи было наоборот – отец следил за военными действиями и рассказывал домашним, Дуняша сетовала на растущие цены, Эля говорила о том, что старшие девочки в их гимназии вяжут варежки для наших солдат, и приставала к родителям:

– А когда мне можно будет пойти сестрой милосердия?

Отец категорично сказал, что никогда, и мама его поддержала. Расстроенная Элька ушла из комнаты. Володя задумался, потом спросил:

– Папа, почему ты не воюешь?

Мама нахмурилась. Отец пожал плечами:

– Потому что я гражданский инженер, и мое место тут. А тебе что, хотелось бы, чтобы я ушел на войну?

– Нет, – искренне сказал Володя, – совсем нет. Как бы мы без тебя?

Отец улыбнулся:

– Какой ты еще маленький, Володя. Шпионов неловишь?

– Нет, – обиделся Володя.

Шпионов действительно ловили – вся гимназия была захвачена этой, как говорил Альберг, чушью. Возвращаясь домой, мальчишки внимательно разглядывали прохожих, и если видели «подозрительных», то провожали их до дома, до квартиры, потом дежурили около подъездов. Преследуемых это раздражало, они пытались отогнать детей, но те не уходили, бежали следом, прятались по подворотням, оттуда свистели. Альберг как-то наблюдал такую сцену на улице – пожилой мужчина близоруко оглядывался, не понимая, почему за ним идут дети, выскакивают из подворотни, подходят с глупыми вопросами. Придя домой, инженер потребовал к себе сына и стал выяснять, не занимается ли тот подобной ерундой. Володя открещивался как мог, масла в огонь подлила сестра – сказала, что Володе такое и в голову не придет, он вообще играет только с девочками. Володя обиделся насмерть, нагрубил отцу, сестре, остался без ужина и какое-то время ненавидел шпионов великой ненавистью.

Шпионов он на самом деле никогда не ловил и вообще войной интересовался мало.

Отец как-то пришел, сказал, что эта зараза со шпионами пришла на завод – рабочий из литейного цеха, как оказалось, присматривал за своими товарищами по поручению полиции, начитался газет, начал видеть шпионов во всех подряд, побежал в полицию, на заводе идет расследование...

– Главная мерзость людская – шпионы и доносчики, – сказал отец, – отвратительно – доносить на своих же, следить, вынюхивать... Противно! Руки бы такому не подал.

Как-то, придя в гимназию, Володя застал там необыкновенную суету.

– Володька, ты знаешь, что случилось? – прошептал Шурка, его товарищ, – ты помнишь Витьку – из второго класса? Так вот, он убежал на фронт!

Володя повернулся:

– Правда?

– Да. Я сегодня видел – его мать и отец приходили к Штембергу. Мать плакала. А что плакать? Вернется героем...

Уроки шли сумбурно. Ученики перешептывались и почти не слушали учителей, учителя и сами выглядели растерянными.

На последнем уроке в класс вошел сам директор гимназии Штемберг. Обычно спокойный, холодный и отстраненный, в этот раз он выглядел расстроенным и взволнованным. Остановившись перед классом, он отрывисто сказал:

– Сообщите своим родителям, что завтра в шесть вечера я жду их на общее собрание. Подчеркните, что присутствие их крайне желательно. А вас, – Штемберг обернулся к учителю, – я попрошу записать это учащимся в дневники.

Учитель кивнул, и Штемберг вышел.

– Дневники на стол.

На перемене Володя рассматривал запись. Да, там написано, конечно, что собрание общее, но все-таки ему было неудобно. Что скажет отец? Те же чувства испытывали, кажется, и все остальные.

По дороге домой Володя молчал, погруженный в свои мысли, и машинально кивал в ответ на Шуркину болтовню.

– Ну так что, решили?

Володя очнулся:

– Что решили?

– Ты что, не слушал меня? Я же говорю – надо собраться сегодня.

– Куда?

– Как куда? На фронт! И я говорю, надо обязательно сегодня, завтра собрание, Штемберг все расскажет, родители вообще из дома выпускать не будут...

Володя остановился:

– Ты что, с ума сошел? Как – на фронт?

– А что? Германцы на нас валят! Сколько солдат погибает наших! Вон у нашей кухарки сын погиб – знаешь, как она рыдала? А мы маленькие, мы и разведчиками можем быть, и связными... а потом – может, и орден дадут! Представляешь, придем в гимназию с орденами! Володька, слушай. Ты родителям дневник не показывай. Надо собраться. Ничего особо не бери, только оденься потеплее. И завтра с самого утра – ну, как будто в гимназию, встретимся на вокзале. В девять.

Володя покачал головой:

– Ну не знаю...

– Что тут не знать? Ты что, отечество защищать не хочешь? Какой же ты патриот? А я-то думал...

– Да как – защищать? Нас же обратно погонят! Я слышал – мальчишек возвращают. И что тогда дома будет?

– Так и скажи, что струсил!

– Я?

– Ты!

Володя вспыхнул, хотел что-то сказать, но не нашел что. Шурка пренебрежительно посмотрел на него:

– Эх ты, девчонка!

И ушел. Дойдя до угла, он обернулся и крикнул:

– Если не придешь, всем расскажу, что ты просто трус!

Володя растерянно смотрел ему вслед. Потом он повернулся и медленно пошел к дому.

Да, он действительно слышал истории о том, что мальчишки бегут на фронт, но слышал как-то отстраненно и никогда не думал, что это его коснется.

Конечно, иногда о войне мечталось. Наслушавшись разговоров и ложась спать, Володя подолгу фантазировал, как он тоже участвует в войне, служит в разведке, пробирается ночью на позиции врага. Но все это было только в мыслях, на самом деле он никогда не собирался бежать на войну!

Но ведь Шурка расскажет о том, что Володя просто трус.

Родителей дома не было. Володя потолкался по комнатам, зашел на кухню. Дуняша готовила обед:

– Ты, Володенька, кушать хочешь? Покормить тебя?

– Нет, спасибо. Я так зашел. Я, наверное, погулять пойду ненадолго.

– Пойди, Володенька.

Володя прошелся по улице. Мысли путались. Что делать?

На углу Клинского он встретил Арсения Васильевича. Тот быстро шел, погруженный в свои мысли, и не заметил мальчика. Володя поздоровался, и лавочник обернулся:

– Володя! Здравствуй. Гуляешь?

– Да... А Нина дома?

– Нет, они с тетей Лидой в гостиный двор уехали – купить что-то надо, да в кондитерскую потом хотели... Только вечером вернуться. А ты что такой сумрачный?

Володя опустил голову.

– Случилось что-то? – встревожился лавочник.

– Да нет... Арсений Васильевич, знаете, у нас из гимназии мальчик на фронт сбежал.

Смирнов нахмурился:

– Подлость какая.

– Почему? – растерялся Володя, – он же отечество хочет защищать?

– Ну, а как же не подлость? Родителей бросил, сбежал. Да если бы только родителям беспокойство доставил. На войне детям не место. Не призывают – значит, не нужны они там. И вот сейчас его искать будут – сколько сил, сколько людей на это надо? Это же не просто так, это и телеграф, и телефонировать, и по вокзалам, по поездам искать его надо... Сколько людей от дела оторваны! Нет, Володя. У каждого свой долг, свое дело. Ваш долг сейчас – это учиться. И о родителях заботиться.

Арсений Васильевич помолчал.

– И еще, Володенька. Ты меня пойми. Война – это не развлечение. Там убивают. Там ранят. Там больно, сынок, и страшно.

Володя зажмурился и наконец решился:

– Арсений Васильевич, у меня друг собрался бежать на фронт. Завтра. И меня зовет. Сказал, что иначе будет меня считать трусом.

– Ну, Володя. Ты у нас умный мальчик. И такого не натворишь. А с другом... пойди к нему и поговори. Объясни.

– Он меня не слушает.

Арсений Васильевич задумался.

– Давай я к его родителям зайду. Поговорю – пусть сами ему объясняют.

– А... как?

– Да так. Что такого? Лучше будет – если убьют мальчишку? Или искалечат? Ну, вернется он без рук, без ног?

– А как вы к ним пойдете?

– Ты скажи, куда идти. Остальное я сам сделаю. Ты не переживай, про тебя ничего не скажу.

Володя кивнул:

– Он на Забалканском живет. Угловой дом с Клинским, где писчебумажная лавка, знаете? Фамилия Коган.

– Хорошо, понял.

Володя заколебался:

– Арсений Васильевич, а это не будет считаться... ну, что я его выдал?

– Нет, конечно. Он за отечество хочет сражаться, так? И ты хочешь. И ты хочешь, чтобы взрослые люди, делами отечества занятые, не за мальчишками безрассудными гонялось, а страну свою защищали. Чтобы в госпиталях врачи солдат, героев лечили, а не мальчишку, который по собственной глупости на войну полез. Ты молодец, Володя. Умница. Ну, беги домой.

Отец был дома, работал в своем кабинете. Мама еще не пришла. Володя постучал:

– Папа, можно?

– Да, войди... что у тебя?

Володя протянул дневник:

– У нас завтра в шесть общее собрание родителей.

Отец поднял голову:

– Что за собрание?

– Ну... у нас один мальчик убежал на фронт. Наверное, об этом.

Яков Моисеевич нахмурился:

– Володя...

– Папа, я так не сделаю, – перебил Володя, – я даю тебе слово.

Отец вздохнул:

– Хорошо, сынок. Сейчас это так часто случается... у нас на заводе убежал сын мастера. Это какой-то кошмар... Мы с мамой уж хотели с тобой об этом поговорить, не знали, как.

– Я все понимаю, папа.

– Иди сюда.

Володя приблизился. Отец обхватил его и прижал к себе:

– Володя, Володя....

Володя затих, стараясь не дышать. Отец обнимал его так редко. Наконец он разжал руки:

– Ну все, иди.

Как хорошо, что я не пойду на фронт, думал Володя, лежа вечером в постели. Я не хочу на фронт. Как сказал Арсений Васильевич – там больно, там страшно. Я хочу быть дома, с мамой, папой. Хочу гулять с Ниной, учиться, делать свой театр. Читать.

И с Шуркой – я все сделал как надо.

Через несколько минут он спокойно спал.

Нина читала книжку и едва подняла глаза:

– Ты? Володя, ты займись чем-нибудь...

Володя остановился у порога. Арсений Васильевич, сидевший у стола с газетой, нахмурился:

– Нина, что такое? К тебе человек пришел...

Нина неохотно отложила книжку:

– Так интересно...

– Я в другой раз зайду, – сказал Володя, – ты читай, ничего...

Он потянул было ручку, но Нина остановила его:

– Нет, не уходи... пойдём поговорим с тобой?

Володя пошел за ней. Чувствовал он себя крайне неловко – помешал. Нина распахнула дверь в свою комнату:

– Заходи! Садись скорее. Я так с тобой поговорить хочу. Ты меня прости, пожалуйста, что я так с тобой! Просто такая книжка! Ты такое не читал, конечно. Ты смеяться не будешь?

Володя удивленно улыбнулся:

– Не буду, наверное. А что за книжка?

– Это Чарская. Про одну очень героическую девочку... я вчера начала читать, почти до утра читала... она француженка, сирота, приехала в Россию, чтобы работать, и плыла на корабле, и...

Володя слушал вполуха. Его такие истории не привлекали – это чтение для девочек, да и для девочек оно какое-то глуповатое... Странно, Нина такая умница, а читает всякую ерунду. Нет, она и другое читает, но эти книжки – Чарская, еще есть какая-то такая же слезливая писательница...

Нина договорила и затихла. Володя спохватился – девочка плыла на корабле, а потом-то с ней что? Неловко вышло, Нина всегда его слушает, может, не все понимает, но слушает, запоминает...

Выручил Арсений Васильевич – постучал в дверь:

– Ребята, чайку не хотите?

Уходя, Володя решился:

– Нина, очень интересная книжка. Спасибо, что рассказала мне.

– Да, интересная, – согласилась Нина, – дать тебе почитать?

– Да, давай! – обрадовался Володя.

Что делать, придется прочитать.

Вечером он едва смог одолеть несколько страниц. Как такое может нравиться?

Утром Володя ушел в гимназию, оставив книжку на столе.

После уроков он зашел к Нине, но ее не было. В лавке стоял Николай:

– Куда-то уехали оба – и Ниночка, и Арсений Васильевич! Вроде в гости хотели, а потом на Охту... я передам, Володя, что ты заходил.

Володя расстроено пошел домой. В передней висело девчоночье пальто. Все ясно, опять у Эльки гости.

Книжки на столе не оказалось. Володя огляделся. Где она? Точно ведь тут оставлял. Он вышел на кухню:

– Дунечка, а вы книжку у меня на столе не видели? Такая – с девочкой на обложке.

– Видела, Володя. Я у тебя полы помыла, книжку взяла и Эле отдала. Это же ее?

Володю кинуло в жар. Сколько насмешек придется теперь вытерпеть от сестры! Она же всем расскажет, что он читает глупые девчачьи книги!

Он принял равнодушный вид и постучал к сестре. Элька откликнулась:

– Кто там? Вы, Дуня?

– Нет, это я, – Володя приоткрыл дверь, – можно к тебе?

– Заходи!

На диване сидела хорошенькая девочка. Она приветливо улыбнулась:

– Здравствуйте! Эля, это твой брат? Меня зовут Лиза.

Володя поздоровался.

– Да, мой брат – Володя, знакомься! – сказала Эля.

– Очень приятно... я на минуточку. Эля, Дуняша тебе книжку принесла, с моего стола, думала, она твоя.

– Да. Даже странно. Как она подумала, что книжка моя – такая чушь! А ты что, такое читаешь? Лиза, посмотри, какая книжка!

Володя протянул руку:

– Дай мне.

– Нет, погоди. Смотри, Лиза. Я пролистала – господи, какая ерунда!

– Дай мне! – почти крикнул Володя.

– Что ты кричишь? – удивилась Эля, – почему мы не можем посмотреть твою книжку?

– Она не моя, – угрюмо сказал он.

– А чья? А, я поняла – это Нина твоя читает, да? И тебе подсунула? И как, тебе интересно?

Лиза взяла в руки книгу:

– Про что тут, Володя?

Володя недоверчиво поднял глаза. В голосе Лизы не слышалось никакой насмешки.

– Я еще не дочитал, – сказал он, – только начал вчера. Про девочку, она из Франции.

Приехала в Россию. А вы читаете Чарскую?

– Читала что-то, да. Княжна Джаваха – была такая книга, там главная героиня – Нина, смелая девочка. Вы читали?

– Я нет, я Чарскую вообще не читал. Это первая книжка. А про княжну Джаваху я слышал.

– Нина рассказывала, да? – вмешалась Эля, – Лиза, это у него подружка такая есть – она дочка лавочника.

Лиза улыбнулась:

– Так приятно обмениваться книжками. А что вы любите читать, Володя?

Володя улыбнулся в ответ:

– Многое. Приключения больше всего, наверное. Жюль Верн, Майн Рид. Про Америку, путешествия. А вы?

– Я... я теперь читаю Тургенева. Вы читали?

– Да...

– Про Муму? – насмешливо спросила Эля.

– Про Муму тоже, – отозвался Володя, – и «Записки охотника» – помнишь, Эля, папа нам вслух читал?

– Помню. Но ты же теперь другие книги любишь?

Володя не обратил внимания на ее слова. Лиза, улыбаясь, заговорила о том, что маленькой очень любила сказки Пушкина, и теперь тоже читает его стихи – родители подарили ей полное собрание сочинений, и это такой ценный, прекрасный подарок...

– Я теперь читаю «Каменного гостя». Если вы не читали, Володя – прочтите! Вам понравится.

Володя запомнил – «Каменный гость». Про что это? Обязательно надо прочитать.

Лиза легко поднялась:

– Мне, наверное, пора. Мне было очень приятно с вами познакомиться, Володя! Эля, увидимся завтра.

Брат и сестра проводили Лизу до дверей.

– Ты с ней учишься вместе?

– Да. А она тебе понравилась? Скажи, понравилась?

Володя кивнул:

– Да. Хорошая.

– А как же Нина? – протянула Эля.

– Что – Нина?

– Ты же уже в Лизу влюбился?

Володя озадаченно посмотрел на сестру:

– Влюбился?

И пошел к себе.

Книжку он скоро дочитал и вернул Нине. Та уже читала другую – с очень похожей девочкой на обложке. Володя взял, перелистал. Нина внимательно следила за ним.

– Про что эта книжка? – спросил Володя.

– Про храбрую девочку. Хочешь почитать?

Володя с ужасом представил, как он снова приносит домой глупую девчачью книгу. Нина с интересом наблюдала на нем, потом рассмеялась:

– Володя, у тебя все на лице написано... как, очень страдал, когда ту книжку читал?

Володя засмеялся в ответ:

– Не очень. Я думал, куда хуже.

Нина взяла книжку в руки:

– Тебе они глупыми кажутся?

Володя задумался:

– Не знаю. Я тоже приключения люблю, но другие. А это, наверное, скорее для девочек.

Хотя Эля такие книги тоже не любит...

– А я люблю, – весело сказала Нина, – я вообще всякие книги люблю. И фильмы. Как ты думаешь, будет когда-нибудь фильма – как в книгах Чарской?

– Будет, наверное.

– Мне бы так посмотреть хотелось. А ты что читаешь?

– «Каменного гостя». Это Пушкин.

– Интересно?

Володя задумался. Как ей сказать?

– Тут нельзя так говорить, – наконец заговорил он, – интересно ли... это... нет, я не объясню. Я вчера читал, а в окно ветки стучали... нет, не так. Нина, почитай сама?

– А там трудно?

– Не знаю. Пожалуйста, почитай.

– Ну хорошо, – неохотно согласилась Нина, – вообще-то мне другую книжку тут дали почитать. Ну ладно.

– А у тебя есть?

– Да, у нас полное собрание... вот, на полке.

Она вытасила книгу, пролистала:

– О, господи! Как длинно-то.

– Нина! – возмутился Володя.

– Молчу, молчу... прочитаю. Сегодня же сяду и прочитаю. Или не сегодня, мне сегодня сочинение писать, и еще я хотела обед сама готовить, потому что...

Володя улыбнулся:

– Нина. Прочитай.

– Да хорошо!

Нина мучила Пушкина три недели – то у нее находились дела, то ей давали другую книжку, и, представляешь, Володя? Дали только на два дня, надо прочитать, то вчера разболелась голова. Володя терпеливо напоминал, настаивал, потом разозлился:

– Да не хочешь – не читай! Что я тебя уговариваю?

Нина присмирела и книжку дочитала.

Вечером она встретила Володю ликующим криком:

– Дочитала, дочитала! Могу пересказать, если не веришь.

Володя сел к столу:

– Слушай, если дочитала. Поговори со мной?

– Давай!

– Посмотри, что я сделал.

И он вытасил из кармана маленький рулончик бумаги. Нина протянула руку:

– Что это?

– Это фильма. Я все придумал, и как подсветку сделать, и как прокручивать. С папой говорил, он мне помог немного.

– Настоящую фильму будем смотреть? Когда?

– Я еще не закончил. Я только пока пятнадцать кадров нарисовал, а будет – я посчитал – двадцать восемь.

– А что за фильма?

– Это «Каменный гость».

Увидев выражение ее лица, Володя невольно засмеялся. Нина нахмурилась, потом тоже засмеялась:

– Никуда мне от этого гостя не деться... Ну, что делать! Буду мучиться. Володя, а когда готово будет?

– Я стараюсь, каждый вечер рисую, только времени на все не хватает. Уроков много.

– Что тебе уроки? Ты умный.

Володя смущенно махнул рукой:

– Так и что? Папа говорит – ты умный, способный, с тебя и спрос больше. Мне кажется, если я отметку плохую получу – он меня из дома выгонит.

– Да никуда он тебя не выгонит! – возмутилась Нина, – он тебя обожает.

Володя растерянно посмотрел на нее:

– Обожают? Папа – меня?

– Конечно! А ты что, не знаешь?

– Да нет, я знаю, что он меня любит... но ты так сказала – обожает!

– Конечно! Ты разве не видишь – как он на тебя смотрит, как он тобой гордится? Да ну тебя, Володька! Смотришь – и не видишь. Ладно, все. Давай дальше про своего гостя говори, а то мне еще уроки делать. Задачу задали – на движение. Вот уж глупость! За сколько кто куда дойдет? Как это можно сосчитать? А если я вот скорость высчитаю, пойду, а тут нога подвернулась или ты на дороге с своими разговорами? И встану, и буду стоять – про фильм слушать или про Пушкина! И зачем тогда считала, скажи на милость?

– Хочешь, я тебе задачу объясню?

– Хочу. Только попроще и не с самого начала математики.

– Ну так если ты и начала не очень хорошо понимаешь?

Нина достала учебник:

– Говорю тебе – покороче. Мне папа книжку купил, еще читать надо.

– Чарскую?

– Чарскую!

Задачу решали сравнительно недолго – около часа. Володя так устал от объяснений, что даже не стал пить чай:

– Нина, ты меня уморила. Я домой пойду.

– И иди, – проворчала Нина, – делай свою фильму!

Володя улыбнулся и вышел.

Почему она совсем ничего не понимает в математике? Что тут сложного? Вот сегодня – даже нарисовал все, начертил, все сам написал, да там и понимать-то нечего – скорость, время... Арсений Васильевич, правда, тоже в математике не понимает:

– Вот у тебя пример – триста шестьдесят пять умножить на сто двадцать пять. И ты пишешь – одну цифру под другой. Это что ты такое делаешь и зачем?

– Ну как? Вот сосчитать если надо? Если вы каждый день в году продаете по сто двадцать пять конфет, то сколько продадите в год?

– Сорок пять тысяч шестьсот двадцать пять, если год обычный, – ответил лавочник, – а високосный – так тогда сорок пять тысяч семьсот пятьдесят. А зачем цифры так писать?

Володя растерялся:

– Вы что, умножили? В уме?

– Не знаю, – растерялся в ответ Арсений Васильевич, – в смысле – умножил? Не знаю. А что, умножать надо было? Я так вижу себе, что если в день я сто двадцать пять конфет продам, так оно же понятно, сколько в год-то будет?

Как Володя не бился – так и не понял, каким образом Арсений Васильевич делает свои вычисления. Арсений Васильевич в свою очередь не понял, зачем писать два числа в столбик и что-то куда-то переносить:

– Володенька, я вот с этой твоей математикой всю жизнь не в ладах. Вроде было что-то такое в училище, что как-то мы умножали... Или не умножали, не помню я уже.

Отец был уже дома и не в духе:

– Ты где болтаешься? Уроки приготовил?

– Нет еще. Я сейчас все сделаю.

– Сейчас! Когда сейчас? Семь вечера, а у тебя не готовы уроки? Покажи-ка мне свои тетради.

Володя нехотя достал тетрадки. Все вроде в порядке, за исключением дурацкого чистописания и русского языка – писал он криво и неловко, увлекшись, иногда делал ошибки в словах. И надо же так случиться, что первой отцу попала именно тетрадь по письменному русскому:

– Это что? Что написано красным? «Ужасный почерк»? Это что еще такое? Ты что, не можешь букву Т правильно писать?

– Да какая разница, как правильно, папа? Почему так правильно, а у меня – нет? – не выдержал Володя, – все равно же это буква Т, не какая-то другая!

– Ты мне возражать будешь? А это что? «Незнал» – написано слитно? Болван! Неуч! Зачем ты тогда столько читаешь, если «не» пишешь слитно? И за это тебе поставили – хорошо? Да тебе надо неудовлетворительно поставить!

Тетрадка по математике гнев немного остудила:

– Ну, хоть тут соображаешь... Марш заниматься! А в воскресенье сядешь и будешь писать букву Т – как положено.

Отец вышел. Володя хмуро посмотрел ему вслед и стал перебирать тетрадки. Как там Нинка сказала – отец его обожает? Обожает, да...

Володя нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Нина опаздывала уже на полчаса, чего раньше никогда не случалось.

Это она придумала – возвращаться после уроков вместе:

– Так мы и гулять не успеваем! Домой приходим – уроки, почитать... Совсем некогда.

Уроки у обоих заканчивались в половину третьего, и они уговорились встречаться без четверти на углу Загородного и Гороховой.

Чаще всего Володе нравились их совместные возвращения – Нина трещала, рассказывая все подряд, засыпала его вопросами, крутила головой, на все обращая внимание, но иногда ее общество утомляло. Володя вздыхал и терпел. Нина, правда, быстро это заметила:

– Володя, если ты в тишине хочешь идти – ты мне скажи. Я помолчу.

Володя смутился:

– Да нет...

– А что такого? Я же не знаю, когда тебе хочется разговаривать, а когда нет.

Вот только иногда Володе казалось, что она знает это лучше его – когда молчать, а когда говорить.

Нины все не было. Володя замерз и устал. Где она? Может быть, их отпустили пораньше и она ушла домой?

А если что-то случилось?

Дуняша любила рассказывать разные страшные истории – например, как среди бела дня украли девочку. Володя в такое не очень-то верил, но почувствовал себя уютно.

Он посмотрел на часы на стене. Уже три двадцать! Если мама дома, она будет волноваться. Но Нина!

И Володя решительно зашагал по Гороховой в сторону женской гимназии.

По дороге ему пришло в голову, что сначала надо было бы зайти домой и узнать, не вернулась ли Нина. Он повернул было обратно, но тут увидел ее.

Володя бросился к ней:

– Ты где была? С тобой все в порядке?

– Все в порядке, конечно, – удивилась Нина, – что может случиться? А ты куда?

– Тебя искать. Я волноваться уже стал! Тебя нет и нет.

– Ты теперь меня не жди, – сказала Нина, – целую неделю.

– Целую неделю? Почему?

– Меня оставляют на неделю – на полчаса после уроков. И еще замечание написали и отметку снизили по поведению! – весело сказала Нина.

Володя недоверчиво посмотрел на нее:

– Замечание? И оставляют после уроков? Ты шутишь?

– Какое! Правду говорю.

Володя шел рядом, не зная, что сказать.

– А за что? – наконец решился он.

– За что... – вздохнула Нина, – ну слушай. У нас в классе есть девочка. Ее зовут Катя. Она хорошая, добрая и учится хорошо... училась бы, если бы не была такой стеснительной. Она всего боится – понимаешь? Если ее к доске вызывают, она вся прямо краснеет, потом бледнеет, говорить начинает и заикается, запинается... Когда выучить надо – это она еще ничего: ну вот стихи, к примеру, она рассказывает. Зажмурится и рассказывает. А вот если надо что самой рассказать – тут она никак. У нас сегодня был урок по русскому устному. У нас учитель – молодой, такой красавец, ах! Да я тебе рассказывала – Алексей Петрович. Он задал нам задание – рассказать о своей любимой книге.

– Ты о какой рассказала? – не удержался Володя.

– Я про каменного гостя, – важно сказала Нина, – рассказала, как ты говорил, помнишь?

– Пять?

– А как же! Ну вот, я ладно. Вызвали Катю. Она начала было говорить – только тихо и непонятно. Алексей Петрович ей говорит – громче! Она стоит, краснеет, бледнеет, но выговорила – у нее любимая книжка про снежную королеву. А он и говорит – хорошая книжка, только уж больно для маленьких... И усмехнулся. А Синька так фыркнула! Тут урок закончился, и Синька к Кате – ты, говорит, ведешь себя как дурочка, мнешься, краснеешь, и вообще ты дурочка, наверное – снежная королева! Тебе, говорит, не место в гимназии, и... в общем, у Кати мама – прислуга. А платит за Катю... короче, вроде ее папа, но я врать не буду – я не поняла, Катя как-то говорила, что папы у нее нет. И вот Синька что-то про это стала говорить. Катя заплакала, стоит, платок комкает. А Синька не унимается. Ну, я и сказала, что некрасиво.

– Синьке сказала?

– Да. Она аж больше ростом стала. Ты, говорит, мне замечания делаешь? Я говорю, вы некрасиво себя ведете. И вы неправы. Она меня к заведующей отвела. Я той рассказала, что Синька над Катей издевалась.

– А дальше что?

– Ну, мне сказали, что я не имею права делать замечания преподавателям и классным дамам и что мне придется думать о своем поведении в течение недели. А еще я обязана извиниться перед Синькой. Я сказала, что прошу прощения, я на самом деле не имела права делать ей замечания – она старше, но все равно она не права. Папа завтра в гимназию должен пойти – его вызвали.

– А что он скажет? – спросил Володя.

- Ой, я не знаю. Найдет, что сказать!
- Он рассердится, наверное?
- На что?
- На замечание. И то, что его в гимназию вызвали.
- Нет, – удивилась Нина, – на что тут сердиться?
- Мой отец бы сердился.
- Ничего подобного! На что?
- На замечание.
- Ну не знаю, – Нина пожала плечами, – да ладно, что мы все про какую-то ерунду?

Володя, послушай! Как хорошо, что я рассказала про каменного гостя, да? На самом деле у Алексея Петровича трудно получить пять, а я получила! Хотя неправда это все, у меня совсем другие книжки любимые... Глупо получается – чтобы получить хорошую отметку, соврать пришлось...

Володя почти не слушал ее. В душе поднималась какая-то непонятная горечь. Нина получила замечание, отца вызывают в гимназию – а она идет, щебечет какую-то ерунду, ни о чем не думает! Он представил, как сам шел бы домой в таком случае – еле переставлял бы ноги, думал бы, что скажет отец... Почему так? А что, в самом деле, скажет Арсений Васильевич?

– Зайдем к нам? – предложила Нина.

Володе давно пора было домой, но он решил:

– Пойдем.

Арсений Васильевич был дома и обрадовался детям:

– Ниночка, Володя! Что ж вы так долго, гуляли? Обедать давайте. Таня приготовила все и ушла уж. Сейчас подам!

И он ушел на кухню.

– Ты когда про замечание скажешь? – шепотом спросил Володя.

– Про что? – рассеянно спросила Нина, – Володя, давай руки мыть и на стол накроем? Или, если ты устал, так сядь вот отдохни, а мы сейчас быстро все сделаем. Ой, как я люблю, когда ты в гостях! Сейчас тарелки расставлю.

Володя вышел в кухню. Арсений Васильевич переливал суп в супницу.

– Я за прислугу, – сообщил он.

– Я руки помою и отнесу.

– Хорошо. Ты что грустный, мальчик мой? Все хорошо у тебя?

– Да, – сказал Володя, чувствуя подступающие слезы.

Арсений Васильевич отставил супницу:

– Иди-ка сюда. Что ты, мой хороший?

Володя с шумом втянул воздух и зажмурился, стараясь не заплакать. Почувствовав на плечах теплые руки, он не удержался, громко всхлипнул и уткнулся в грудь Арсению Васильевичу.

– Папа, вы что застряли? Папа, что с ним?

Арсений Васильевич что-то сказал, и Нина, кажется, ушла. Володя плакал, судорожно вздрагивая. Арсений Васильевич молча гладил его по голове. Наконец Володя успокоился, оторвался от его груди, вытер глаза.

– Я умоюсь, – сказал он отрывисто.

Арсений Васильевич кивнул:

– Я в столовой буду.

Володя умылся под краном, вытер лицо бумажной салфеткой. Он чувствовал какую-то пустоту, больше всего хотелось остаться одному, чтобы никто не трогал, ничего не спрашивал... Как сейчас быть, как сказать, что он не хочет обедать? Ну, может быть, сказать можно, они не будут удерживать, но ведь пора идти домой, мама сразу увидит заплаканные глаза, нач-

нет спрашивать, Элька фыркнет, что он ревет, как девчонка. А папа наверняка подумает, что что-то случилось в гимназии, просто Володя скрывает, допытываться не станет – просто предупредит так, как он умеет, от его тона заранее холодеет в груди. Володя шмыгнул носом и пошел в столовую. Нина разливала суп по тарелкам.

– Володя, ты обедать не хочешь сейчас? – спросила она, как будто не замечая его красных глаз, – ты не объяснишь мне задачу? Я сейчас к твоей маме забежала, предупредила, что ты у нас, что я хочу у тебя помощи просить. Ты, может быть, пока отдохнешь? Хочешь, иди ко мне в комнату? Я быстро поем и приду.

– Или пообедай? – спросил Арсений Васильевич.

– Нет, спасибо, – отказался Володя, – я подожду тебя, Нина, ты не спеши. Если мама знает, где я...

Он ушел в Нинину комнату, огляделся. Какое все знакомое, милое! Светлые стены, шторы, картинки на стенах, на подоконнике сидит медведь и кукла, в углу сундучок – там Нинины рисунки, старые игрушки, письма.

Володя сел в кресло у окна. Объяснять задачу... какая там задача, все будет как обычно:

– Володя, ты давай покороче...

И будет зевать, смотреть по сторонам, слушать вполуха, потом десять раз переспрашивать.

Володя встал, прошел по комнате. У дверей он остановился и прислушался. Арсений Васильевич что-то говорил – громко и сердито. Володя почувствовал, как сердце заколотилось быстрее. Конечно, он рассердился, получить замечание и плохую отметку по поведению – это не шутка!

Володя тихонько вышел в коридор, отделявший Нинину комнату от столовой.

– Почему твоя Синька такая злобная дура? – сердито говорил Арсений Васильевич, – и как мне завтра быть, если у меня другие дела? Ниночка, а ты уж, моя маленькая, получше кушай в буфете на переменах: что это, на час будешь обедать позже... Так и заболеть недолго!

– Ну если совсем не можешь, так послезавтра зайди, ерунда какая, – сказала Нина.

– Нет уж, завтра зайду... Ниночка, ты мне чаю не нальешь? Я выпью да в магазин пойду, а вы уж тут с Володей потом...

Володя тихонько ушел обратно в комнату и сел к столу. Через четверть часа пришла Нина:

– Володя, может быть, пообедаешь? Папа ушел в магазин, а все горячее еще, или я уж согрею.

– Не надо, Нина, – сказал Володя, – послушай... ты прости меня, что я... что я как девчонка тут разревелся.

– Ну что ты, – мягко сказала Нина, садясь рядом и вглядываясь в его лицо, – что ты.

Володя вздохнул:

– Что там с математикой?

– С математикой... Ничего. Я соврала, – призналась Нина.

Володя покачал головой.

– Ну, я же знала, что ты один захочешь побыть, что я должна была делать? – притворно смутилась Нина, – я и сказала твоей маме на всякий случай. Ты знаешь, у меня там дело на кухне, так я пойду...

– Не надо.

– Ну не надо так не надо. Я сейчас уроки сяду делать – русский письменный, там сочинение писать, больше ничего не надо. Сочинение про дружбу. Я про Тонечку буду писать.

– Про Тонечку? – переспросил Володя.

– Да, там задание – про лучшую подругу.

Володя сглотнул.

– Глупо, скажи? – продолжала Нина, – так и задали – про лучшую подругу. Получилось, что я про тебя написать не могу. Ты же мне не подруга! Ты уроки будешь делать тоже?

– Буду, – сказал успокоившийся Володя, – у меня тоже сочинение.

– У тебя про что?

– Про родину и чужую сторону.

Через полчаса Нина ушла в столовую:

– Володя, что ты все бормочешь?

– Сочинение придумываю.

– Что там придумывать?

– Так тема-то какая!

– Обычная тема. Ладно, бормочи! Я пошла, а то ты мне мешаешь.

Володя остался один. Писать сочинения он не любил. Что можно написать про родину и чужую сторону? Он посмотрел на написанное.

Все люди любят свою родину. Все хотят вернуться с чужой стороны на родину. Родина – это самое дорогое, что есть у человека.

Какая ерунда! Володя скомкал листок, бросил его на стол. Сочинения нужно сдавать завтра, уже пять часов... какой бессмысленный, дурацкий день!

Сочинение надо написать, и как можно скорее. Отец приходит в семь, всегда спрашивает, готовы ли уроки. И вряд ли он, как Арсений Васильевич, начнет переживать, что тема глупая, уроков много, главное – здоровье...

Нина неслышно вошла в комнату:

– Ты все? Давай играть? Твоя мама тебя до вечера отпустила, только велела уроки сделать.

– Какое играть? – разозлился Володя, – ты что, уже написала?

– Конечно. А ты?

– Нет, – угрюмо сказал Володя, – не знаю, что писать.

– А про что ты пишешь?

– Я же говорил – про родину и чужую сторону.

– Ерунда какая. Ну и напиши – люблю родину.... Что там еще?

– А что такое родина?

– Где родился.

– Ну вот ты в Галиче родилась, я в Могилеве. Нам Петроград что – чужая сторона?

– Нет, это же все равно Россия.

– Ну а папа твой в Ревеле вырос. Он теперь на чужой стороне живет?

– Ревель – тоже Россия.

– Ну а бабушка твоя? Ты говорила, она шведка? А родилась в Финляндии. Папин брат живет в Германии, ему там нравится очень. Что такое родина?

– Да какая разница? – удивилась Нина, – напиши уж что-нибудь.

– Я не знаю, что писать!

Нина пожала плечами:

– Давай я напишу.

– Ты?

– Конечно. Только ты уйди куда и не мешай мне. Хочешь поесть? Возьми на кухне, там на печке стояло, еще горячее.

Володя пожал плечами и вышел. На кухне он действительно нашел остатки обеда, взял тарелку, налил себе суп и стал есть.

– А ты что на кухне ешь?

Володя едва не подскочил. Арсений Васильевич улыбнулся:

– Напугал тебя? Прости.

– Не напугали, неожиданно просто, – улыбнулся Володя в ответ.

– А Нина где?

– Она... – Володя смутился. Нина пишет ему сочинение, а он сидит у них дома и ест! –

Она...

Арсений Васильевич махнул рукой:

– Я сейчас зайду к ней, ты кушай спокойно.

Володя остался один. Аппетит пропал. Что за день, когда все не так? Больше всего хотелось уйти, исчезнуть куда-нибудь!

Арсений Васильевич вернулся:

– Ты поел?

– Да, – нехотя ответил Володя.

– Пойдем посидим с тобой?

В столовой Арсений Васильевич сел на диван у окна, поманил Володю:

– Иди сюда, маленький.

Володя сел рядом. Арсений Васильевич молча разглядывал его. Володя смутился, опустил голову.

– Нина заканчивает скоро, – сказал Арсений Васильевич, – будем надеяться, хорошо напишет. Она сочинения хорошо пишет, так в гимназии говорят.

– Я плохо.

– Ну, почему же плохо?

– Я не умею на такие темы писать.

– На какие?

– Ну вот как сейчас – про родину и чужую сторону.

– Я тоже не умею.

– А вы писали? В гимназии?

– Я в реальном училище учился, не в гимназии. Мы мало сочинений писали. Или я уж не помню...

– Вы хорошо учились?

– Да как все. По-разному бывало.

– И замечания бывали?

– А как же?

– И родителей вызывали?

– Было.

– А... – Володя замялся, – они очень сердились?

– Да нет, не сказал бы.

Володя неслышно вздохнул. Распахнулась дверь, в столовую вбежала Нина:

– Володя, я написала. Иди читай скорее, тебе переписывать еще!

– А ты нам тут прочитай? – попросил Арсений Васильевич.

Нина открыла тетрадку:

– Ну слушайте. Для каждого человека родина – это нечто особенное. Но, наверное, у всех слово родина связана с родительским домом, садом, первыми теплыми воспоминаниями. Сначала родина маленькая, как и человек. А потом вместе с человеком растет и его родина.

Ребенок становится старше, он видит то место, где живет – город или деревню. Он видит красоты родного края, видит дома, церкви, природу. Ребенок понимает, что родина – это больше, чем родной дом.

Он идет учиться, и благодаря учению узнает, что родина велика и необъятна. В гимназиях изучают историю и культуру родной страны, читают ее великих писателей, рассматривают картины знаменитых художников. Так появляется и растет гордость за свою родину – великую страну Россию.

Интересно, очень интересно посмотреть и чужую сторону – другие страны, другие народы. Я очень люблю путешествовать. Но в любом, даже самом интересном путешествии я всегда думаю и помню о моей стране.

Я с удовольствием и интересом смотрю то, что примечательно в других странах. Путешествия обогащают, делают человека культурнее и образованнее. Но это образование, эту культуру я хочу употребить на благо родной страны.

Нина закрыла тетрадку.

– Вот так!

Володя восхищенно посмотрел на нее:

– Ничего себе!

– Очень хорошо, Ниночка, – подтвердил Арсений Васильевич.

– Не мало?

– Нет, как раз. От нас наоборот требуют, чтобы мы коротко мысли выражали.

– Тогда дома перепишешь, – сказала Нина, – половина седьмого, как раз поиграть успеем.

Будем играть в буквы – берем букву, и на нее пишем город, реку, животное, рыбу и птицу. Папа, какая буква?

– М.

– Пишем!

Володя взял листок бумаги и карандаш, написал – Могилев, потом задумался – какая река на букву М? Ничего не придумав, он написал мышку, макрель, малиновку. Река не придумывалась.

– Давайте читать, – сказала Нина, – я первая. Так, Москва, Москва-река...

– Нельзя одно и то же! – перебил Володя.

– Почему – одно и то же? – удивилась она, – Москва – город, Москва-река – река...

– Нельзя, это одно слово!

Нина заглянула в его листок:

– Да ты ничего не написал просто, вот потому и споришь!

– Это ты больше ничего, кроме Москвы, не знаешь! Один город выучила...

– Прекрати, Володя, – негромко сказал Арсений Васильевич.

Володя замолчал на полуслове, медленно смял свой листок, поднялся:

– Я пойду.

Он взял ранец, вышел в прихожую, оделся. Потом вернулся, открыл ранец, достал тетрадку с сочинением, положил на стол и вышел.

Дверь открыла мама:

– Вернулся? Ну как, помог Нине с математикой?

– Помог, – ответил Володя, – помог.

– А свои уроки сделал? Успел?

– Да. Мама, можно я к себе пойду? Я устал.

– Конечно, иди. Устал? Что, плохо она математику понимает?

Володя сделал вид, что не услышал, и проскользнул к себе. В комнате он сел к окошку и стал бездумно смотреть на улицу.

В дверь отрывисто позвонили. Володя вскочил. Так отец звонил, когда бывал не в духе. Он вышел, поздоровался и снова ушел к себе.

И тут он вспомнил про злосчастное сочинение. Уже почти восемь! Через час спать, а ничего не готово.

Володя достал тетрадку, взял перо. Что там сочиняла Нина – сначала про то, что родина маленькая, потом... он выдал три бедных предложения и в отчаянии отодвинул тетрадь.

Дверь открылась.

– Ты что пишешь? Уроки не готовы?

– Готовы, – поспешно сказал Володя, вставая, – я просто...

– Показывай.

– Что показывать?

– Как что? Уроки.

Отец подошел к столу, сел в кресло.

– Ну?

Володя взял ранец, открыл, потом закрыл.

– Что такое?

Послышался дверной звонок, по коридору пробежала Дуняша – открывать. Отец удивленно встал:

– Кто там может быть?

Дуняша заглянула в комнату:

– Володя, к тебе.

На пороге появилась Нина:

– Володя... Ох, простите, Яков Моисеевич, мое позднее вторжение! Я только сейчас заметила, что Володя забыл у меня тетрадку с черновиком сочинения, подумала, что ему надо скорее переписывать... Вот и поднялась к вам. Володя, возьми скорее! И прости, пожалуйста, это я тебя отвлекла, помешала собирать ранец. Всего доброго, спокойной ночи! Еще раз прошу прощения.

Она сунула Володе тетрадку и быстро вышла. Володя растерянно стоял с тетрадкой в руках. Потом он повернулся к отцу:

– Нам задали сочинение. Я поздно заметил, что забыл черновик, хотел писать заново... Я сейчас все перепишу.

– О чем сочинение?

– О родине.

– Ясно. Переписывай скорее, да смотри не насажай ошибок...

Отец пошел к дверям. Володя окликнул его:

– Папа, что для тебя родина?

– Ты уже закончил с уроками, что болтаешь?

– Сейчас, папа, – пробормотал Володя, скорее садясь за стол.

Заснуть не получалось – слишком много он пережил за этот день. Мысли путались, наскокивали одна на другую, Володя вертелся под одеялом, садился и сидел на кровати, подходил к окну, снова ложился.

Нина помогла ему, а он ее обидел. И она все равно прибежала с этой тетрадкой, как чувствовала!

Ей просто быть хорошей, злобно думал Володя, конечно, отец всегда на ее стороне. Все, что его беспокоит в этом замечании – это как бы доченька не осталась голодной после уроков! Володя глубоко вздохнул, стараясь сдержать слезы, и спрятал голову под подушку.

Неслышно открылась дверь, отец сел на край кровати:

– Спишь?

Володя повернулся:

– Нет.

– Ты к чему про родину спросил? – помолчав, спросил отец.

– Просто так.

– Просто так?

– Ну, нам задали писать сочинение – родина и чужая сторона.

– И что же ты написал?

Володя почувствовал, что силы кончились. Давно он не чувствовал себя таким бессильным и опустошенным. Он сел на кровати:

– Ничего.

– Как – ничего?

– Я ничего не написал. Я не знаю, что писать.

– А что же ты переписывал?

– Нина за меня написала.

– Ты солгал?

– Да.

– В чем дело, Владимир? – повысил голос отец.

Володя пожал плечами:

– Ни в чем. Я же решаю за нее задачи. А она написала мне сочинение. А что солгал... я не солгал, я просто промолчал. Сейчас вот говорю.

– Значит, ты считаешь правильным, что Нина пишет за тебя сочинения, фактически учится за тебя?

– Она за меня не учится. Я не знал, что писать.

– Вот как? Владимир, я запрещаю тебя пользоваться результатами чужого труда, — сказал отец.

– Как это?

– Ты не понимаешь, что такое чужой труд?

– Понимаю. Но как им не пользоваться? Дуняша приготовила обед, кто-то построил этот дом, провел в него водопровод, книги, по которым я учусь, кто-то написал.

– Не строй из себя идиота.

– Я не строю.

– Я должен объяснять тебе очевидное? Твоя учеба – это твоя обязанность, сочинение задали тебе, и писать его должен был ты.

– Почему?

Володя понимал, что нарывается, что отец взбешен, но остановиться уже не мог.

– Остановись, – тихо и яростно выговорил отец.

– Я никуда и не иду.

Отец встал.

– Завтра, – отдельно выговорил он, – завтра я с тобой поговорю. Надеюсь, ты успеешь сделать до завтра все необходимые выводы. Иначе... пеняй на себя.

– Какие выводы? О том, что мне нельзя пользоваться результатами чужого труда?

Отец быстро вышел, дверь закрылась.

Володя лег, завернулся в одеяло. В окно светила луна, мешала. Надо бы встать, задернуть шторы, равнодушно подумал он, поворачиваясь на бок и подкладывая ладонь под щеку.

Ну и пусть, шепотом сказал он. Ну и пусть завтра что угодно, и в гимназии он скажет правду – что не знает, что писать про родину и чужую сторону, что никакого сочинения он не написал. С этими мыслями он уснул.

Наутро все казалось другим. Вспоминая прошедший день, Володя удивлялся – и отчего плакал у Нины, и с чего так разговаривал с отцом, и почему не мог написать сам простейшее сочинение?

Переписанное сочинение он сдавать не стал – попросил, чтобы дали еще два дня, не успел подготовиться. Учитель пожал плечами, но возражать не стал – гимназист Альберг учился отлично, если что-то не успел, то уж всяко не по причине лени.

После уроков Володя пошел встречать Нину.

Из ворот гимназии выходил Арсений Васильевич. Увидев Володю, он рассеянно поздоровался и пошел дальше. Володя догнал его:

– Арсений Васильевич, извините меня, что я вчера так...

Смирнов остановился:

– Да, некрасиво.

– Нина сердится?

– Конечно.

– Она мне вчера сочинение принесла. Я сам не знаю, что вчера был за день. Я не могу объяснить...

– И не надо уже. С Ниной, наверное, помирись, а ты уж на будущее старайся как-то сдерживаться, Володя. Мы ведь в твоих настроениях не виноваты, так?

– Так. Простите меня!

– Хорошо, забыли. Ну, я забыл, а Нина сама тебе все скажет.

– Что вам в гимназии сказали?

– Да что в таких случаях говорят, то и сказали, наверное. Я, сказать по правде, не больно слушал.

– У меня папу пока ни разу не вызывали.

– Я тоже пока не бывал. Вот – с почином...

– Вы совсем не сердитесь?

– На что?

– На кого, на Нину.

– Нет, конечно. А что случилось? Правильно она все сказала, да если б и неправильно?

Она моя дочка, я всегда на ее стороне буду, на то я ей и отец.

– А если она что-то совсем не то делает?

– Все равно, какая мне разница?

– А если вот – человек преступник?

– Это горе для родителей, но все равно они родители и они все равно на стороне своего ребенка. В любом случае.

Володя задумчиво кивнул.

– Ты ждать ее будешь или домой пойдешь?

– Я ждать. Мириться.

– Ну жди. Сразу домой идите потом, а то она голодная.

Арсений Васильевич ушел. Володя стал медленно бродить туда-сюда мимо ворот.

Как он хорошо сказал – все равно на стороне ребенка...

Нина вышла через полчаса. Увидев Володю, она нахмурилась.

– Я прошу прощения, – поспешно сказал он, – Нина, не знаю, что на меня вчера нашло...

Нина пожала плечами:

– Мне не хочется тебя прощать. Мне не хочется с тобой разговаривать...

– Как? – опешил Володя, – но...

– А что такого? – спросил Нина ровно, – вчера ты делал что хотел, ты плакал и не объяснял, что случилось, ты сказал, что я ничего не знаю... что один город выучила...

– Нина!

– Молчи и слушай! Ты что так удивился, что я с тобой разговаривать не хочу? Ты вчера – хотел? Ты вчера взял и домой ушел, и сочинение – которое я тебе писала – на стол бросил!

– Я не бросил! Я положил.

– Какая разница? Я для тебя старалась! Я тебе писала. А ты? Ты что хочешь делаешь – и я что хочу! Не хочу тебя слышать! Не хочу видеть! Иди домой и злись дальше!

И она быстро пошла по улице.

Володя бросился за ней:

– Погоди, Нина!

– Ну что?

– Что мне делать? – тихо спросил он.

– Ждать, пока я захочу с тобой разговаривать! Если вообще захочу! Я ведь жду! Ты обижаешься и убегаешь, я тебя догоняю, мирюсь, утешаю! Надоел! Надоел, слышишь?

– Слышу! Нина, я слышу, я понимаю. Правда. Что мне теперь делать? Домой идти? И вечером прийти, да? Или ты ко мне придешь? Хотя... вечером.. я папе вчера сказал, что сочинение ты писала, он сегодня со мной разговаривать будет... так что я, наверное, не приду.

– Зачем ты про сочинение сказал? – удивилась Нина.

– Да... день вообще какой-то был. Не знаю, Нина! Ну... мне даже сказать нечего.

– Какой ты глупый... – вздохнула Нина, – правда глупый, Володя, ну как с тобой быть? Ты давно тут болтаешься?

– Как уроки кончились – сразу сюда пришел. Я и Арсения Васильевича видел.

– Вот ты натворил! – сердито сказала Нина, – папа сегодня пирожных купит – меня утешать, что после уроков оставляют. А ты? Неужели твой отец тебя к нам не отпустит?

– Нет, наверное. Он вчера очень сердился.

– Ты сам виноват! Ладно, пойдем. Ты замерз, наверное?

– Нет, совсем нет.

Они дошли до дома. По дороге Нина рассказывала, что за эти полчаса в пустом классе она успела прочитать половину книги:

– Про такую героическую девочку!

Володя отвлеченно кивал.

Около дома Нина взяла его за пуговицу:

– Володя, иди домой, веди себя прилично. Поговори с папой, объясни... Ну, что не знал, что писать, что обычно ты мне помогаешь...

– А я не стал сочинение сдавать. Я потом сам напишу.

– Ну вот и это папе скажи. Я тебя все-таки буду ждать вечером.

– Нет, папа же поздно приходит, так что я сегодня точно не приду.

– Хорошо. Завтра увидимся. Ох, я за тебя переживаю!

Дуняша сообщила, что мама придет поздно:

– К подруге пошла, и Эля с ней и Анюта. К девяти только домой обещались. Володенька, ты давай покушай получше – я сегодня ужин готовить не буду: только вам с папой вечером перекусить, так Софья Моисеевна велела.

Отец пришел раньше обычного. Володя выскочил на звонок. Отец холодно посмотрел на него и прошел мимо. Володя пошел за ним, постучал в дверь кабинета:

– Папа, можно?

– Позже.

Володя тихонько убрался к себе.

Через полчаса прибежала испуганная Дуняша:

– Володенька, папа тебя зовет. Сердитый...

Володя, чувствуя холод в груди, поплелся в кабинет. Отец сидел у стола.

– Ну? – сказал он негромко.

Володя глубоко вздохнул:

– Папа... послушай. Я не знаю, что на меня вчера нашло. Я никак не мог написать это сочинение, просто ничего не приходило в голову.

– Не приходило в голову? А если я...

– Папа, погоди, дослушай. Нина написала сочинение, я пришел домой, хотел писать свое... Или не хотел, уж не помню. Я не сдал сегодня Нинино сочинение, мне перенесли на

два дня. Я сам напишу. И еще... я вчера так с тобой разговаривал... так нельзя, я понимаю. Пожалуйста, прости меня... ну... вот.

Отец пожал плечами:

– Я тебя не понимаю. Вчера с тобой невозможно было разговаривать. Сегодня ты нормальный, разумный человек.

– Я не знаю, что вчера нашло, – повторил Володя.

– И что мне с тобой делать?

– Не знаю.

– А как ты считаешь?

Володя поднял голову:

– Давай поговорим? Ну вот про родину, чужую сторону...

– Поговорим про родину? – опешил Яков Моисеевич, – ну давай.

– Для тебя что родина? Можно, я сяду?

– Садись, конечно, – отец задумался, – родина? Ну... дедушкин дом, наверное. Наш город. Моя гимназия...

– Тебе там было хорошо? Не в гимназии, а... ну, на родине?

– Хорошо, конечно. В гимназии мне тоже было хорошо, кстати.

– Почему мы там не остались?

– Потому что тут у меня хорошая служба, хорошая должность. Вы с Элей ходите в хорошие гимназии, тут большой город, культура, другие для вас возможности. Нам было нелегко переехать, Володя, все не сразу получилось.

– А тебе не хочется обратно?

– Нет.

– Но почему?

– Я же тебе объяснил.

– Тогда я не понимаю, что такое родина и что такое чужая сторона.

Отец пожал плечами:

– Мне кажется, это понятно.

– Но как понятно? Знаешь, как Нина написала? Сначала человек маленький, и у него родина – его дом. Человек растёт, и родина тоже как бы растёт – это город, история, культура, потом страна... То есть родина – это страна. То есть родина – это просто границы?

– Нет. Это, как и написала твоя Нина, история, культура... гордость за все это.

– А если моя страна маленькая, и ее захватит другая страна? И нет больше культуры, истории, и нечем гордиться?

– С Россией такого не случится. Ты же пишешь про Россию.

– Я все равно не понимаю.

– Володя, любить родину не значит, что надо всю жизнь сидеть около своей детской колыбели и смотреть на одну и ту же березку. Работать на благо своей страны, быть порядочным человеком... Вот и все, пожалуй.

– А дядя Гриша?

– Что с ним?

– Он всю жизнь живет в Германии.

– И что?

– Он же не работает на благо своей страны. Он тоже инженер, и получается, он работает на благо Германии? А у нас с ней война!

Отец нахмурился:

– Володя, про дядю Гришу лучше никому не рассказывать.

– Я не рассказываю. Папа! Получается, что он работает на ту страну, с которой воюет его родина?

- Германия давным-давно ему родина.
- Как это?
- У него там семья, работа, дом. Он почти забыл русский язык, Софи, Мария и Иоганн почти на русском не говорят...
- Ну а как же его родина? Значит, могут быть две, три родины?
- Яков Моисеевич потер лоб:
- Володя, ты меня запутал... Напиши ты что-нибудь в этом своем сочинении? Что там твоя Нина написала? Вот возьми и перепиши.
- Ты не разрешаешь мне пользоваться чужим трудом!
- Не разрешаю. Володя, на самом деле все намного сложнее, чем ты пишешь в своем сочинении, и в то же время намного проще. У человека есть семья, а где семья – там и дом. Моя родина, мой дом там, где вы. Если вы со мной – я готов жить где угодно. Но, конечно, я хочу для вас лучшего, поэтому мы живем здесь. Все, иди. Тебе еще переписывать сочинение.
- На следующий день Володя встретил Нину около гимназии.
- Пока я сидела одна в классе, сделала все письменные уроки! – подбегая, весело сказала она, – весь вечер свободная, пойдем с папой в гости!
- Нина, а что для тебя родина?
- Родина? Много чего. Наш дом в Галиче, квартира тети Лиды на Охте, домик моей няни в деревне под Галичем... Наша с папой квартира. Петроград. Галич. Городишна. Да вся Россия!
- А ты могла бы жить в другой стране?
- Могла бы, наверное.
- Ты бы скучала?
- Нет. Я сейчас живу в Петрограде, а про Галич всегда помню, и мне нравится туда приезжать. Но чтобы скучать... нет. А что? Ты все про свое сочинение? Глупая тема. У меня было лучше – про дружбу.
- А что ты написала?
- Да я уж не помню. Что в таких случаях пишут? Что Тонечка веселая, умная, смелая, любит учиться, читать, всегда помогает старшим...
- Она рассмеялась:
- Это почти все не так, конечно. Читать она не любит; мама ее просит помочь по несколько раз. Учиться... она учится, конечно, но просто потому, что родители заставляют. А уж смелая! Как она визжала, когда увидела червяка на берегу!
- Ты написала неправду?
- Сочинение – это когда сочиняют. Я и сочинила. Я правду только в конце написала.
- Какую?
- Что мне с ней хорошо и весело.
- А я переписал вчера твое сочинение. И сдал сегодня.
- Молодец. Ты к нам или к себе?
- Так ты же в гости?
- Мы еще через два часа! Папа же думал, мне уроки еще делать. А мне и не надо ничего – только по истории прочитать, а это быстро!
- Тогда я к тебе.
- Арсений Васильевич Володю почти не заметил:
- Ниночка, ты голодная? Сейчас же кушать садись, а то ведь и заболеть недолго!
- Нина отбивалась:
- Да я в буфете чай пила и булочки три съела!
- Что три булочки? Надо же горячее есть! Сейчас все подам. Володя, ты обедать будешь?
- Нет, спасибо, я домой сейчас пойду.
- Я с тобой выйду, мне еще в магазин надо.

Нина села обедать:

– Володя, завтра придешь меня встречать?

– Приду.

Около магазина Арсений Васильевич хотел было попрощаться, но Володя остановил его:

– Арсений Васильевич, что для вас родина?

– Что? – удивился Смирнов, – ну как что? Не знаю. Родина и все.

– Ясно.

Арсений Васильевич долго смотрел мальчишке вслед, потом пошел в магазин.

Родина...

И, пересматривая счета, он вспоминал просторную квартиру в городе у моря, большой магазин, отца у прилавка, вечера в светлой гостиной, маму, свою комнатку с игрушками и книжками. Каждый вечер, когда он уже лежал в постели, приходил отец, садился рядом, они разговаривали, долго, долго, а потом приходила мама, а отец шел к Лиде.

После гостей Нина с тетей Лидой должны были поехать на Охту, а у Арсения Васильевича были дела. Но, расчувствовавшись от детских воспоминаний, он все переменял и забрал Нину домой:

– Ты ляжешь в кроватку, я с тобой посижу и поговорим!

Дома уставшая Нина легла, и когда Арсений Васильевич пришел к ней в комнату, она уже крепко спала. Арсений Васильевич укрыл ее, немного посидел рядом и вышел.

Бродя по квартире, он злился на то, что провел вечер не так, как было задумано. Чертов мальчишка со своими разговорами, думал он, все испортил, и сам же улыбался – при чем тут ребенок, ну спросил, что же теперь!

Он сел к столу, и снова перед глазами встал теплый родительский дом.

Володя шел, останавливаясь на каждом углу. Как хорошо, как светит солнце! И не скажешь, что еще только середина марта, снег уже начал таять, кажется, что тепло.

Володя толкнул тяжелую дверь, вошел и застыл. Штемберг стоял и смотрел прямо на него. Володя посмотрел на стенные часы – все хорошо, пришел он вовремя. Он опустил глаза и оглядел себя – и с формой все в порядке, пуговицы на месте, ботинки начищены... Он неловко поздоровался, не зная, что делать дальше. Штемберг рассеянно кивнул:

– Здравствуйте, Альберг.

Володя прошел мимо и скорее побежал в свой класс. Около лестницы он обернулся. Директор, не меняя позы, смотрел на дверь.

Володя выдохнул.

Не успел он положить вещи в парту, как в класс вошел учитель математики. Класс испуганно примолк. На учителе не было лица – бледный, с покрасневшими глазами, он дрожащими руками поправлял пенсне. Оглядев класс, он тихо произнес:

– Откройте ваши книги на странице сорок и делайте задачи.

Дети, растерянно переглядываясь, зашелестели страницами. Володя смотрел на условие, но ничего не понимал. И тут послышался робкий голос:

– Аркадий Павлович, что-то случилось?

Учитель посмотрел на говорившего, покачал головой, вздохнул:

– Да, дети. Сегодня из полевого госпиталя домой привезли Витю Катаева.

Класс оживился:

– Он что, был ранен?

– Боевое ранение?

– Ой, а у него и медали есть, наверное?

Учитель вдруг издал какой-то странный звук – как будто всхлипнул. Дети испуганно при-
молкли. Учитель оглядел их и с трудом заговорил:

– Да, он был ранен. Он вернулся домой без обеих ног... и он ничего не видит.

Володя почувствовал, как бешено бьется сердце, а в животе противно дрожит. Рядом кто-
то всхлипнул. Учитель отвернулся к стене, его плечи вздрагивали. Потом он овладел собой:

– Вот такая грустная история, дети. Ну что же, решайте задачу.

Урок прошел кое-как. Володя никак не мог унять дрожь, он смотрел на задачу, не пони-
мая смысла. Наконец прозвенел звонок, и учитель быстро ушел.

Дети сидели притихшие. Шурка неуверенно выговорил:

– Зато он герой.

– Но... ничего же не видит. И без ног.

Володя закрыл глаза. Как это – ничего не видеть... никогда, ничего, не видеть родителей,
дом, речку, лес... Темнота, кругом всегда одна темнота! А как ходить – наощупь? И тут дошло
– и ходить Витя тоже не может. Захотелось плакать, но как плакать при всем классе?

Остальные уроки прошли кое-как. О произошедшем уже знала вся гимназия, на переме-
нах перешептывались:

– Но ведь он все равно герой!

– Конечно, герой!

– А на войне всегда ранят.

После уроков Володя побрел домой, не разбирая дороги. Иногда он останавливался и
закрывал глаза, пытаясь представить, как это. Что теперь может делать Витя? Лежать? И не
просто лежать, а в полной темноте? Читать он не может.

Он ничего не может!

Вспомнился им с Шуркой история. А если бы Шурка тогда убежал? А если бы и Володю
за собой потянул?

Война не для детей, сказал тогда Арсений Васильевич. Но ведь сколько взрослых – вот,
на углу Фонтанки, куда они с Ниной иногда носят корзинку – там сидит инвалид, без ног, на
такой маленькой тележке. Но он видит. А тот, другой – у Троицкого собора?

От ужаса все путалось в голове. И Володя, еле сдерживая рыдания, побежал к дому.

Дверь лавки была открыта, и он, толком не понимая, что делает, вбежал внутрь, увидел
Арсения Васильевича, бросился к нему, обхватил обеими руками и расплакался.

Лавочник от неожиданности уронил бумаги:

– Володенька! Что ты, мальчик мой? Господи... ну, что случилось, мой хороший? Нико-
лай, встань вместо меня тут...

Он увел мальчика в контору, усадил на диван, сел рядом, обнял, гладил по голове, при-
говаривая:

– Что случилось с моим мальчиком? Ну, не плакай, никому тебя не дам... ну, маленький
мой...

Наконец Володя оторвался от его груди. Арсений Васильевич осторожно вытер ему лицо:

– Дома что-то, малыш?

Володя помотал головой.

– Обидел кто?

– Нет... Арсений Васильевич! Помните... когда у нас мальчик убежал? Ну, на фронт?

– Помню.

– Он вернулся... он без ног... и он не видит ничего!

Арсений Васильевич сглотнул:

– Боже мой...

Володя снова уткнулся ему в грудь. Арсений Васильевич машинально погладил его по
голове. Володя прошептал:

– Мне страшно.

Арсений Васильевич крепче обнял его:

– Бедный ты мой мальчик... и сказать-то мне тебе – нечего. Что же он наделал, дурачок...

Ну, не плачь больше, сынок. Ничего не поделаешь.

– Как он теперь будет?

– Плохо будет, Володя. Ну, потом приспособится. И слепые ведь живут, и калеки...

Дверь распахнулась, вбежала Нина.

– Папа, что с Володей? Что с тобой?

Володя почувствовал, как к глазам снова подступают слезы. Арсений Васильевич вздохнул:

– Ниночка, потом расскажу. Иди домой, Володя придет сейчас.

– Папа!

– Ниночка, с Володей все хорошо.

Нина кивнула и тихонько вышла из конторы. Арсений Васильевич внимательно посмотрел Володе в глаза:

– Я тебе сказать хочу, Володенька. Береги себя. Когда что затевать будешь – всегда помни, что у тебя папа, мама, сестренки. Понимаешь? И Нина вот за тебя переживает. И я. Подумай сто раз, потом сделай. Хорошо?

Володя кивнул:

– Понимаю.

– Ну, иди к Нине.

Володя поднялся наверх. Встревоженная Нина встречала его в дверях, молча взяла за руку, провела к себе в комнату. Там Володя рассказал Нине про искалеченного мальчика. Нина слушала, всхлипывая.

– Нина, как он теперь будет?

– Я не знаю... – всхлипнула Нина, – не знаю. Это даже представить-то страшно.

Володя с шумом втянул в себя воздух, стараясь сдержать вновь подступившие слезы.

Нина сочувственно смотрела на него:

– Да не стесняйся ты меня!

Володя снова заплакал, Нина тоже.

Наконец, он поднялся:

– Я пойду, мама ждет уже.

Мама была чем-то встревожена и не обратила внимания на заплаканного сына. Володя быстро скользнул в свою комнату, сделал уроки. Мама позвала ужинать, Володя отказался – сказал, что немного болит голова, он лучше пораньше ляжет спать.

Всю ночь ему снились кошмары – вот он после ранения ползет по полю, ничего не видит, не знает, куда ползти. Володя просыпался с бешено бьющимся сердцем, лежал некоторое время, вставал, ходил по комнате, потом ложился снова, засыпал – и снова полз куда-то в полной темноте.

Утром он проснулся совсем больным. Попытался было отговориться от гимназии, но мама, потрогав лоб, решительно отправила его из дома.

В гимназии было еще тревожнее, чем вчера. Повсюду говорили только о Вите. На большой перемене Штемберг созвал учеников в актовЫй зал, коротко рассказал о случившемся.

– Я надеюсь, что все остальные сделают выводы, – сказал он под конец.

– Он герой! – крикнул кто-то из старших.

Штемберг нахмурился.

– Все, кто будет выражать настроение бежать на фронт – будут подвергаться взысканиям, вплоть до исключения из гимназии. Завтра я назначаю общее собрание родителей, в шесть часов. Ваши классные наставники запишут это вам в дневники.

Гимназия бурлила.

– Он хочет запретить нам быть патриотами!

– Да у него самого немецкая фамилия! – крикнул кто-то.

– Да, точно!

– Может быть, он – шпион?

Володя прислушался. У Штемберга – немецкая фамилия? Но и у Володи фамилия вполне немецкая – Альберг... Что за глупость, делать такие выводы по фамилии!

– Точно, шпион! – возбужденно заговорил Шурка, – а в гимназии работает под прикрытием! Ребята, надо за ним следить! Давайте так – после уроков кто-то остается за ним наблюдать... потом меняемся, чтобы он не заметил. Кто первый? Альберг, ты давай первый. Я домой сбегая, потом тебя сменяю.

Володя покачал головой:

– Я не буду.

– Почему? Струсил?

– Нет, – вспыхнул Володя, – просто это... глупость. У меня тоже немецкая фамилия, и что – я тоже шпион?

Шурка прищурился:

– А что? Может, и ты. Поэтому и следить не хочешь!

Володя криво усмехнулся. Шурка не унимался:

– А отец твой – инженер, и фамилия немецкая! Может, и он шпионит? А?

Что случилось потом, Володя почти не помнил. Он кинулся на Шурку. Тот не ожидал нападения, и победа осталась бы за Володей, но тут в класс вошел сам Штемберг.

– Что тут происходит?

Мальчики отскочили друг от друга.

– Альберг? Коган? В чем дело? Вы знаете, что драки в гимназии строгойше запрещены? Оба – ко мне в кабинет.

В кабинете директор сел за стол. Володя с Шуркой молча стояли перед столом.

– Итак, в чем дело? Кто начал потасовку?

Какое глупое, смешное слово – потасовка... Не к месту Володя вспомнил, что это Нина любит вот так вот обмусоливать какое-то слово – говорит его, говорит, рассказывает, что оно ей напоминает, и потом это слово, самое простое, привычное, становится каким-то странным, диким, нелепым. Интересно, что бы она сказала про слово – шпион? Что шипит, что напоминает шипение змеи? И Володя невольно улыбнулся.

Штемберг заметил его улыбку.

– Вы еще и улыбаетесь, Альберг? Расскажите, что вас так веселит? Может быть, то, что я собираюсь вызвать вашего отца отдельно? Или то, что вам будет снижена отметка по поведению?

Володя покачал головой:

– Простите. Я.. я просто улыбнулся своим мыслям. Нет, меня не веселит то, что вы вызовете отца и снижение отметки.

– Из-за чего началась драка? Кто зачинщик?

Мальчики молчали.

– Прекрасно, – вздохнул директор, – прекрасно. Сейчас вы можете идти домой, с завтрашнего дня будете в течение недели оставаться после уроков. С вашими родителями я поговорю завтра отдельно после собрания. Идите!

На улице Шурка схватил Володю за воротник:

– Это из-за тебя все! Из-за тебя! Если бы ты не полез...

Володя стряхнул его руки:

– Из-за тебя. Ты меня шпионом назвал.

– Нет! – крикнул Шурка, – ты не шпион, ты просто трус! Тебе бы с девчонками гулять – то-то ты с малявкой-лавочницей все болтаешься.

Володя устало вздохнул. Очень хотелось врезать Шурке от души.

– Я пойду.

– С девочкой гулять?

– Да.

В воздухе пахло весной, по улицам бежали ручейки. Хорошо бы погулять – но теперь с прогулками покончено... по крайней мере, на ближайшую неделю.

Около лавки Володя увидел Нину. Она сидела на корточках и запускала в ручейке кораблик.

– Володя! – обрадовалась она, подняв голову, – а я кораблик пускаю. Смотри – из бумаги сделала. Хороший? Только промокает быстро.

– Надо бы деревянный...

– У меня нету. Папа хотел купить, но что-то не достать нигде.

– А мы можем у тебя ножик взять? Я сделаю.

– Конечно!

Они забежали в лавку. Арсения Васильевича не было, у прилавка стоял Николай.

– Николай Иванович, у вас ножик есть под рукой? – спросила Нина, – Володя кораблик вырежет.

– Есть, вот, Ниночка, возьмите. Только, ради бога, аккуратней...

Дети вышли на улицу. Нина подпрыгивала:

– А из чего вырезать будем? А какой? А с парусами?

– Да погоди ты, Нина... сейчас покажу все. Пойдем к церкви.

Около церкви рос старый клен. Володя отковырял от него толстый кусок коры:

– Вот, это корабль сейчас будет.

Он продолбил середину, сделал там дырочку и вставил тоненький прут:

– Вот сюда можно парус. Летом листочек, а сейчас...

– А сейчас лоскуток. Пойдем к дому, я на минутку заскочу и лоскуток возьму. Какого цвета?

– Черный. Будет пиратский корабль.

– Ну вот еще! Я красивый выберу.

Понятия о красоте разошлись – Нина принесла белую в красный мелкий цветок тряпочку. Володя возмутился:

– И что это за корабль – с таким-то парусом?

– Очень красивый корабль. Ты только представь – море синее, небо синее, и корабль – с таким парусом...

Володя вздохнул:

– Как хочешь.

Он укрепил сомнительный парус и снова взял ножик:

– Как назовем? Только, ради бога, забудкой или фиалкой не предлагай.

– Ну и называй сам тогда! – обиделась Нина.

Володя задумался. Потом он улыбнулся и начал что-то вырезать, прикрыв корабль рукой. Нина нетерпеливо заглядывала, но ничего не было видно.

– Как ты назвал? Ну как?

Володя убрал руку. На борту корабля было написано – Нина.

Нина покраснела. Володя серьезно смотрел на нее.

– Спасибо... – пробормотала она.

Володя не отводил от нее глаз:

– Да не за что. Просто я подумал – ну как еще можно назвать корабль с таким парусом?

Нина оторопело посмотрела на него. Потом она сделала шаг вперед и изо всех сил топнула по луже, окатив себя и Володю с ног до головы.

– Вот тебе!

Володя расхохотался:

– Так ты и сама мокрая!

– Это из-за тебя все! Теперь заболею... и умру.

– Ну уж нет, – возразил Володя, – ну что? Кораблик-то пойдем пускать?

– Пойдем. На Клинском ручей хороший.

– А что ж ты там не пускала?

– Так я тебя ждала!

Ручей на Клинском и вправду был очень хорош – глубокий, бурлящий. Дети спустили туда кораблик и побежали следом. Кораблик плыл хорошо, но Володе казалось, что может быть и лучше.

– Нина, дай-ка я его поправлю с этой стороны.... А теперь вот тут немного подточу. И парус криво.

Наконец Нине это надоело:

– Слушай! Хватит уже. Давай играть. Пусть наш корабль плывет по Даугаве – это река в Риге. Ты был в Риге?

– Нет.

– А я была. Давай строить плотину. Я, правда, на Даугаве плотину не видела... но это неважно. Давай, копай!

– погоди! Надо же рассчитать...

– Ну ты считай, а я раскопаю.

Через полчаса ручей был раскопан в целое речное хозяйство – с плотинами, запрудами, несколькими портами. Володя попытался было построить даже маленький шлюз, но у Нины не хватило терпения.

Корабль с забавным парусом послушно проходил свой речной путь. Всякий раз случалось какое-нибудь приключение – то нападали пираты, то начинался ураган. Особенно интересно было устраивать бурю – дети топтали по воде, создавая волны. Один раз они чуть не поссорились – Нина топнула слишком сильно, и корабль перевернулся. Володя рассердился:

– Ну и что ты делаешь?

Нина обиделась:

– Что я делаю? Это ты такие корабли строишь, что они при первой же крошечной волне тонут!

Володя тоже было разобиделся в ответ, но Нина быстро перевернула корабль:

– Все, все! Дальше поплыли.

На улице уже темнело. Нина поежилась.

– Что-то холодно.

Володя очнулся:

– Да ты мокрая все!

– Так и ты...

Они оглядели себя. Володя медленно спросил:

– А сколько времени?

Нина отогнула насквозь мокрую манжету пальто:

– Ого... половина восьмого.

Володя присвистнул:

– Вот это да...

– Пойдем домой скорее? Холодно.

Володя достал из воды кораблик. Надо же так забыть про время... Отец, наверное, уже дома. И как теперь являться – насквозь мокрому, с невыученными уроками, с запиской от директора?

Нина вздрогнула. Володя очнулся:

– Тебя что, знобит? Вот еще не хватало! Ну что же ты? Пойдем скорее, тебе бы чаю надо горячего.

– Да и ты замерз...

– Да что я! Вот ты заболеешь еще.

Около лавки стоял встревоженный Арсений Васильевич:

– Ниночка, ну где ты? Господи! Мокрая вся! Пойдем домой скорее, моя маленькая... Володя, и ты беги, смотри, аж в ботинках хлопает... Ну нельзя же так, доченька! Так ведь и заболеть недолго...

Володю дома встретили по-другому. Пока он переодевался, мама выговаривала ему за беспечность и безответственность. Отец не вышел – работал в кабинете. В другое время Володя поразился бы, что папа не заметил его позднего прихода и внешнего вида, но в портфеле лежала проклятая записка.

Переодевшись, он нерешительно постучался в кабинет. Отец едва поднял глаза:

– Тебе что?

Володя собрался с духом:

– Папа, завтра в гимназии общее собрание родителей, и еще я сегодня подрался в гимназии, вот записка.

Яков Моисеевич непонимающе смотрел на него.

– Что?

– Ну... завтра собрание. И я подрался.

– Из-за этого – общее собрание?

– Да нет же... просто Штемберг хочет с тобой говорить – после собрания. Обо мне. Меня из-за драки оставляют на неделю после уроков – на час. И еще отметку снизят по поведению.

Инженер покачал головой:

– Как ты не вовремя, Володя... Во сколько завтра собрание?

– В шесть.

– Хорошо, я буду. У тебя еще что-то?

– Нет.

– Иди.

Володя побрел к себе в комнату и сел на подоконник. Все-таки хорошо, что у папы много работы

Как там Нина?

Не заболела бы... Хотя у нее крепкое здоровье. Как и у него.

Ну, теперь с корабликами покончено на целую неделю. А за это время, может быть, уже и ручейки все кончатся! Ну ничего – можно попросить Нину приходить к гимназии, и по дороге домой они смогут позапустить кораблик!

Отец вернулся после общего собрания расстроенный и встревоженный. Володя сидел в своей комнате не дыша, но отец не заглянул к нему. Они о чем-то долго говорили с мамой в гостиной.

Вечером мама зашла к сыну:

– Володя, папа запретил тебе гулять неделю... впрочем, тебе и некогда – еще после уроков час в гимназии сидеть...

Она подошла к окну и поправила шторы.

– Ты знаешь про мальчика из твоей гимназии?

Володя вздохнул:

– Знаю, мамочка.

– Какой ужас... – прошептала мама.

Володя задумался. Он не вспоминал про Витю со вчерашнего дня, с самой гимназии – сначала драка, потом вот кораблик пускал...

Витя будет лежать дома, а на улице все будет так, как будто ничего не случилось – будут пускать кораблики, потом распустятся листья, потом... лето и дача, море...

Володя отчаянно посмотрел на маму. Хотелось рассказать, но он не знал, какими словами выразить то, что носилось в голове. Мама пошла к дверям:

– Спокойной ночи, сынок. Подумай о своем поведении.

– Спокойной ночи, мамочка.

Общее собрание в гимназии обсуждали как-то вяло. Даже Шурка притих. На уроках писали упражнения, решали задачи, учили немецкие и французские правила.

После уроков Володя один сидел в пустом классе. Шурку увели в другой – чтобы они не развлекали друг друга. Володя приготовил уроки и подошел к окну.

Думать о Вите не хотелось, но избавиться от этих мыслей он не мог.

Как было бы хорошо, если бы ничего этого не было! Или если бы он не знал...

Ведь он толком и не помнит, как этот Витя выглядит!

Неделя пролетела быстро. В первый же день Володя заскочил в лавку, все рассказал Нине, и она стала исправно встречать Володю около гимназии с корабликом. По дороге домой они успевали поболтать и попускать кораблик, попутно придумывая ему какие-то приключения.

Мысли о Вите отходили куда-то на задний план. В глубине души Володю точили тревога и совесть, но думать об этом по-прежнему не хотелось.

Отец постоянно был занят, мама перестала сердиться очень быстро.

Неделя кончилась, и Володя после уроков зашел к Нине. Она сидела около стола и разбирала какую-то задачу.

– Ничего не получается!

Володя подсел к столу:

– Ну что тут? Господи, Нина, да тут делать нечего...

– Это тебе нечего, а я не понимаю!

– Давай я объясню? Смотри – тут про поезда. Так, поезд А вышел из одного города в другой, а навстречу ему... ага... ну вот, когда они встретятся...

– Ну и какая разница? – сердито спросила Нина, – кому это надо?

– Ну как? А если – например, я еду в этом поезде, – и Володя быстро нарисовал поезд, – а ты в этом? – и он нарисовал второй.

– И что?

– Ну вот... когда тебе в окно выглядывать, чтобы меня увидеть?

Нина засмеялась.

– Я у проводника спрошу!

– Ну конечно – как там – извозчики всюду довезут?

– Конечно! А ты что думаешь – вот сажусь я в поезд, и мне сразу все – и какая скорость, и какое расстояние между городами... и я сижу, считаю на салфетке... да я пока посчитаю – всю Россию можно несколько раз проехать! Нет, я знаешь как сделаю – я так и сяду у окна, и буду твой поезд ждать...

– Три часа будешь ждать ...

– Откуда ты знаешь?

– Решил. Давай объясню? Тут правда нетрудно.

Через четверть часа до Нины дошло:

– Ах вот как! Ну тогда тут – вот умножить...

– Да, да, правильно!

Нина записала решение.

– Поняла. Спасибо тебе! Слушай, а ты на поезде любишь кататься?

Володя улыбнулся:

– Кто ж не любит?

– Да, кто ж не любит... Володя, слушай... ты... ты часто про этого мальчика думаешь?

Володя опустил голову:

– Да. Часто. Только, Нина... я не хочу про него думать. Ну, как тебе объяснить?

– Я понимаю. Я тоже – часто и не хочу.

– И все так?

– Не знаю. Наверное.

– И его забудут...

– Давай с папой поговорим?

– Давай! – обрадовался Володя, – давай так: я домой сбегая, уроки сделаю и к вам на вечер отпущусь? Меня уже отпустят, наверное.

Придя домой, Арсений Васильевич застал дома непривычно тихих детей.

– А что вы такие? – встревожился он.

– Папа, нам надо с тобой поговорить, – серьезно сказала Нина.

– Что такое?

– Папа, мы знаешь о чем говорили сейчас? – сказала Нина, – про того мальчика. Ну, который ранен на войне... его забудут все – нам так кажется. Да и мы сами – я про него думаю все время, и Володя вот тоже, но только нам не хочется – мы про кораблик, про книжки... понимаешь? Это же стыдно? Что нам делать?

– Почему стыдно? – удивился Арсений Васильевич.

– Ну как? Он там лежит – один. В темноте... – у Нины прервался голос.

Арсений Васильевич задумался:

– Я вот и не знаю, что вам сказать, детки. Если бы вы дружили с ним... а то ведь – ты, Нина, его вообще ни разу не видела, Володя еле помнит небось... а так... горя много в жизни, обо всех не передумаешь, не пережалеешь. А вы маленькие, радуйтесь, играйте... ему от вашей радости хуже уже не будет.

– Может, им помощь какая нужна?

– Может. Ты знаешь, Володя, где он живет?

– На Обводном, кажется. Могу узнать.

– Узнай, а я зайду. Ну, не печальтесь.

Дома капризничала Аня – не хотела ложиться спать. Мама сначала уговаривала ее, потом повысила голос:

– Сейчас же спать!

Аня разревалась уже серьезно. Володя заглянул к ней:

– Мама, давай я с ней посижу? Сказку расскажу.

– Ах, делайте что хотите! Ты неслух, и она такая же...

Володя подсел к сестре на кровать.

– Аня!

Аня отвернулась, горестно всхлипывая.

– Хочешь, я тебе про собаку на поезде расскажу? Аня?

Сестра дернула плечами, но потом повернулась:

– Да!

Володя не имел никакого представления о собаке на поезде, но все-таки медленно заговорил:

– Жила-была одна собака, и ей очень нравилось ездить на поезде. Вот едет она как-то раз, едет, а навстречу ей поезд. И наша собака смотрит – а в нем едет другая собака, ее знакомая! Собаки обрадовались, начали друг другу платками махать, лаять. А поезда быстро друг мимо друга прошли, и собаки каждая в свою сторону поехали.

Он задумался, потом продолжил:

– И стало им так грустно...

– А почему они тогда не в одном поезде ехали? – сонно спросила Аня.

– А я и не знаю... наверное, в голову не пришло.

– А куда собаки ехали?

– Одна – в Америку, вторая не знаю.

Сестренка давно спала, а он все сидел около ее кроватки. Правда, ведь можно ехать в одном поезде, в одну сторону... Володя тихонько рассмеялся – и тогда Нине не придется вообще думать про эти задачки, не надо будет высчитывать, когда помахать ему рукой.

Адрес Вити Володя узнал легко – забежал на перемене в его класс, и мальчики сказали, что Витя живет на Обводном, на углу с Рузовской. После уроков Володя зашел в лавку.

Арсений Васильевич был занят:

– Что-то срочное, Володя?

– Да нет... Я Витин адрес узнал.

– Вот умница! Напиши на бумажке вот, а я потом зайду.

Володя переписал адрес и пошел бродить по Можайской – ждать Нину.

Через полчаса появился Арсений Васильевич. В руках у него была большая корзина. Он заметил мальчика:

– Гуляешь, Володенька?

– Нину жду. А вы уходите?

– Да я к Вите вашему зайду.

– Можно я с вами?

Арсений Васильевич замялся:

– Ты со мной до дома дойди, а в квартиру не надо. Нечего тебе там делать, сынок.

Володя кивнул. Ему и хотелось увидеть Витю, но в то же время было страшно. Как это – без ног? И не видит?

Они прошли через двор на Рузовскую, повернули направо. Володя взялся за ручку корзины:

– Давайте помогу?

– Помоги.

– А что там?

– Да всего по мелочи. Ты расскажи мне, как в гимназии дела?

Про гимназию говорить не хотелось.

– Да так... по-прежнему.

– А летом куда поедешь?

– Папа хотел, чтобы мы поехали в Германию – к его брату. Но война, не поедем, наверное.

В Оллила. На дачу. А Нина?

– Ох, не знаю еще. Мы с ней в Ревель хотели, если магазин получится оставить.

– А у вас в Ревеле кто-нибудь есть?

– Друзья, приятели. Хотел их повидать, но не знаю, как выйдет. Ладно, сынок. Вот мы и пришли. Ты погуляешь или домой пойдешь?

– Вас подожду. Можно?

– Конечно. Ближе к воде не подходи, а то навернешься еще.

Володя улыбнулся:

– Не буду.

Арсений Васильевич ушел в дом. Володя побродил вокруг, прошелся до Можайской.

Как там – у Вити? Володя вздохнул. Невозможно, страшно такое представить – тут весна, такой чудесный свежий воздух, хочется гулять, бродить, бегать!

Глаза защипало. Володя глубоко вздохнул, стараясь сдержать слезы.

Арсений Васильевич появился через полчаса – вышел, огляделся. Володя бросился к нему, хотел спросить, как там Витя, но не знал – как и какими словами. Арсений Васильевич нес корзину, Володя потянулся помочь.

– Не надо, малыш, она теперь пустая.

– Как Витя? – выдавил Володя.

Арсений Васильевич пожал плечами:

– Плохо, Володенька. Он же постарше тебя – ему четырнадцать, уже понимает, что это навсегда. Зачем он это натворил, господи? А родители? У него сестра еще маленькая, десять лет. Сейчас вбегает в комнату, кричит – я гулять пойду? А он дернулся так...

Володя поспешно отвернулся. Арсений Васильевич обнял его:

– Прости, мальчик мой! Ну не надо, давай мы с тобой вот лучше – хочешь – по Обводному пройдем? И по Можайской – давай?

В молчании они дошли до дома. Арсений Васильевич остановился:

– Володенька, я тебя попросить хочу. Ты Нине лишний раз про Витю не напоминай. И... знаешь... сам не думай. Маленькие вы.

– А вы будете заходить?

– Буду. Ну до свидания, сынок.

При Нине Володя Витю не вспоминал, и она ничего не говорила. Как-то раз они видели, как Арсений Васильевич вышел из лавки и направился в сторону Рузовской, но ничего друг другу не сказали.

По окончании учебного года Арсений Васильевич устроил детям праздник – сам договорился с Софьей Моисеевной и повез детей на острова. Там он сводил их в маленькое кафе, которым владел его знакомый, потом нанял лодку, и они долго катались на лодке по Невке, даже выехали в залив. Нина была в восторге:

– Володя, ты море любишь? Я больше всего. Папа, мы каждый день будем сюда приезжать?

– Не знаю про каждый день, Ниночка – мне же работать надо.

– Ну, тогда хоть по выходным.

– И мы же поедем – и в Гельсингфорс, и в Ревель! Там всюду море есть. Около Ревеля места красивые – там с тобой дачку снимем, поживем. Ну что, ребятки? Пора лодку отдавать и домой ехать? На извозчике поедем, чтобы побыстрее?

– Да ну, давай на трамвае, папа! – воспротивилась Нина, – кто сейчас на извозчике ездит? Вот бы на автомобиле!

– В другой раз, Ниночка. Отсюда мотор не достать... Ну, пойдете?

Счастливые и усталые, они добрались до дома.

– Ладно, ребята, прощайтесь – а я пойду. До свидания, Володенька! Если не увидимся до твоего отъезда – хорошо тебе отдохнуть, погулять, сил набраться.

– Спасибо, Арсений Васильевич! И вам хороших путешествий.

– Спасибо, мальчик мой.

Смирнов ушел.

– Завтра буду собирать вещи – мы послезавтра в Гельсингфорс едем. На поезде! – сказала Нина.

– А мы на дачу послезавтра.

– Мне завтра некогда будет – не увидимся, наверное.

– Наверное.

Нина взяла Володю за руку:

– Хочешь, я тебе письмо напишу?

– Хочу!

– Какой у тебя там адрес будет?

– Финляндия, Оллила, дача Стремфорса.

– А ты мне сюда пиши – кто-то в магазине все равно будет и мне перешлет. Хорошо?

– Хорошо.

Володю точила какая-то неясная тревога. Они расстаются на три месяца. У Нины куча планов, путешествий, будут старые и новые знакомые. Да и у него – друзья на даче, двоюродные сестры, дети маминых подруг, которые будут приезжать в Оллила. Как они встретятся через три месяца?

Нина вдруг улыбнулась:

– Володя! А я знаю, о чем ты думаешь!

– О чем?

– Я знаю о чем. Я сама об этом думала. Но это ерунда все, подумаешь, три месяца – потом все расскажем друг другу. А если еще и писать будем! Так что не переживай.

– Откуда ты поняла?

– Не знаю, – удивилась Нина, – какая разница? Я побегу теперь. До встречи?

– До встречи!

Нина, здравствуй!

Как ты поживаешь и как Арсений Васильевич? Я живу хорошо. Наша дача совсем рядом с морем, и вода такая теплая! Дача стоит в сосновом лесу.

Вообще я неправду сказал, что я живу хорошо. Сначала было хорошо, а потом случилась такая история! Я тебе расскажу, только ты больше никому не говори, ладно?

Мне папа сразу, как на дачу приехали, подарил мячик – очень красивый, половина красная, половина синяя. Такого ни у кого нет. И вот мы с моим товарищем Колей сначала в лесу играли, а потом решили пойти на футбольное поле, которое за железной дорогой. Мне мама не разрешает ходить через железную дорогу, но я подумал, что она не узнает. Мы пришли, играли, а потом просто бегали и мячик потеряли. Пришли домой, я маме сказал, что мячик в лесу потерялся. Она не сердилась, сказала, бывает. Потом папа приехал, и тут идет Коля с отцом. Оказывается, одна девочка видела, как мы в этот мяч играли, а потом забыли. Она Колю знает немного, и они мячик ему принесли. А Коля сразу сказал, что мячик мой. Так и выяснилось, что мы за железную дорогу ходили.

Папа так рассердился! Еле дождался, когда Коля со своим отцом уйдут. Не буду дальше рассказывать. Я не думал никогда, что он так со мной может. Не хочу на него смотреть. Хоть бы он уехал куда-нибудь – навсегда!

Напиши мне письмо тоже.

Володя.

Володя, здравствуй!

Я очень рада, что ты написал мне письмо!

Володя, я так расстроилась – из-за этой истории с мячиком!

Я даже плакала ночью, но это секрет!

Мы с папой были в Гельсингфорсе – мне очень понравилось! У папы тут друг, дядя Мартин, и я подружилась с его дочкой Райей, мы гуляли, а потом вместе поехали в Иматру. Там папа с дядей Мартином сняли номер в гостинице, и рано утром мы пошли смотреть водопад. Как мне понравился водопад! Потом мы вернулись домой, но уже через две недели поехали в Ревель. Даже не знаю, где и интереснее! Потом мы с папой сняли две комнаты на маленькой даче недалеко от Ревеля – у самого моря. Было пасмурно, но тепло, и мы купались и гуляли пешком. Как мне нравится Ревель! И море! И путешествовать!

А потом мы вернулись домой.

Дома у нас все по-старому. Я гуляю по бульвару, и, конечно, каждое воскресенье мы с папой куда-то ездим или ходим – сейчас чаще на Острова. Я там тоже купалась, вода очень теплая! И там тоже море. Мы с папой написали тебе письмо, запечатали в бутылку и бросили в море! Лови наше письмо! Напиши и ты мне еще?

Мне приходится повторять арифметику, и это очень расстраивает. Я тебе немного завидую – ты такой умный, тебе все дается легко! А мне надо заниматься и летом. Еще я много читаю, но, конечно, не такие сложные книги, как ты.

Через неделю я с тетей Лидой поеду в Городиццу, это север, Великоустюгский уезд, там родина моего дедушки, у нас там домик, и приеду только к самому началу учебы. Жалко оставлять папу, конечно, но он считает, что мне надо в деревню, подышать воздухом и попить молока.

Ну вот и все, написать больше нечего! Напишу только, что соскучилась по тебе и очень жду осени, чтобы тебя увидеть.

Передай, пожалуйста, мои теплые приветы твоим родителям и сестрам. Арсений Васильевич вам кланяется, а тебе передает отдельный привет и говорит, что отложил для тебя зеленых леденцов!

До встречи!

Нина.

Как все изменилось, кажется, потолки стали ниже, и комнаты уже. После дачного простора городская квартира казалась пыльной и маленькой.

Мама с Дуняшей разбирали привезенное с дачи. Володя быстро расставил свои книги, запахнул в ящики стола камни и ракушки, рисунки и тетрадки. Вечером он наведет тут полный порядок, а пока – на улицу.

Вот она, знакомая дверь в лавку. Внутри было полно покупателей, и Володя встал в очередь.

Арсений Васильевич отпустил последнему покупателю гречневой крупы и, еще не подняв глаз от счетов, спросил:

– Чего изволите?

Володя, сдерживая смех, сказал:

– Зеленых леденцов. Побольше!

Арсений Васильевич наконец увидел его:

– Володенька! Мальчик мой, ты вырос-то как! Загорел! Совсем взрослый! Ну здравствуй, здравствуй!

Он обеими руками потряс руку мальчика:

– Рад тебя видеть... ну как ты? На даче? Как родители? Сестренки?

– Все хорошо... Нина ведь завтра приедет?

– Завтра. Сам жду ее не дожусь... соскучился! Она хоть и писала часто, да все равно...

– А мне – только одно письмо, – пожаловался Володя.

– А ты ей?

– И я одно, – со смехом признался он.

– Ну вот то-то же, – улыбнулся Арсений Васильевич.

Володя устроился рядом с ним и начал рассказывать, как купался, как на море был шторм, а два мальчика на лодке решили поплавать и едва не утонули, какие книжки он прочитал, чему научилась Аня.

Арсений Васильевич, успевая обслуживать покупателей, внимательно слушал его рассказы, задавал вопросы, смеялся.

– А как вы тут, Арсений Васильевич?

– Да что я? Вот, торгую. Все вроде ладится, а то уж в начале лета хотел все закрыть и в Галич перебраться с Ниной.

Володе показалось, что в лавке потемнело.

– Вы хотели уехать в Галич? Насовсем?

– Да, подумывал. Дохода не было совсем, плохо дела шли. В Галиче проще устроиться. Да и воздух лучше все-таки, считай, деревня.

Володя встал.

– Я пойду.

Арсений Васильевич хотел что-то сказать, но Володя выскочил на улицу. По Можайской он добежал до Обводного и остановился на набережной, глядя на темную воду.

Они хотели уехать. И ничего ему не сказали.

Он скучал по ним летом, а они хотели уехать!

Он понимал, что это какая-то глупая, придуманная, детская обида, но никак не мог успокоиться.

Уехали и не думали бы, растревлял он себя. Он им не нужен.

Нина о нем и думать забыла!

Володя сел в пыльную траву около воды. Господи, как тоскливо! Даже если они и не уедут, он все равно будет знать, что им не нужен.

Нина написала всего одно письмо.

Ну и ладно, думал он яростно. Ну и ладно, навязываться он не будет. Ни за что. Пусть едут куда хотят. Его это больше не интересует.

На следующее утро Володя проснулся поздно. Его никто не будил – пусть мальчик выспится перед учебой. Володя выглянул в окно и замер: напротив лавки Смирнова стояла пролетка. Арсений Васильевич вынимал чемодан, а рядом с ним прыгала Нина. Тетя Лида держала корзинку и что-то оживленно говорила брату.

Нина вдруг подняла голову и посмотрела на окна их квартиры. Володя отпрянул.

После скучного завтрака он вернулся в комнату. Гулять не хотелось, и к тому же на улице можно встретить Нину.

В дверь позвонили, Дуняша пошла открывать. Володя не прислушивался. Наверняка кто-то пришел к маме. А может быть, к Эльке пришла подруга.

На пороге появилась Дуняша.

– Володенька! К тебе Нина пришла.

Нина уже стояла на пороге.

– Можно войти? – спросила она медленно.

– Входи... – пробормотал Володя, не зная, как себя вести.

Дуняша прикрыла дверь. Нина стояла у входа и внимательно смотрела на Володю. Он покраснел, по-прежнему не зная, что говорить.

– Извини, что я пришла без предупреждения, – сказала Нина, – но мне надо знать, что случилось. Говори.

Володя растерянно молчал. Нина твердо повторила:

– Говори!

Володя махнул рукой:

– А что говорить? Вы хотели уехать в Галич? И мне ничего не сказали? Да? Просто – уехали бы?

Нина вдруг засмеялась:

– Я сразу папе сказала, что ты какую-то глупость придумал! Он так переживает... говорит, не понимаю, что я ему такого сказал... Какой Галич? Ну да, папа переживал, что торговля плохо идет, говорил, что там будет лучше... воздух, деревня... так он каждый год это говорит! Володя! Ну что ты за человек! Ну подумай сам, разве может такое быть – мы бы уехали, а тебе бы – ни слова? А? И адреса бы не оставили, и писать бы не стали? Володя? Ты что, правда так думал?

Володя опустил голову. Господи, какой он дурак!

– Арсений Васильевич... очень на меня сердится? – спросил он.

– На тебя? Да что на тебя сердиться? И не думает даже... – весело ответила Нина, – это я на тебя сержусь! Я же видела тебя в окно! Ты мне даже не помахал! От окна отошел! Знаешь что? Пойду я, раз ты мне не помахал...

И она повернулась к дверям. Володя схватил ее за руку.

– Подожди меня. Я сейчас маме скажу и пойду с тобой к Арсению Васильевичу – прощения просить!

Арсений Васильевич отпускал покупателью сахар. Володя с Ниной подошли к прилавку. Покупатель вышел, и Нина бросилась к отцу:

– Ты знаешь, папа, что с ним случилось?

Арсений Васильевич перебил ее:

– Не знаю... и неважно уже, наверное?

Володя смущенно опустил голову:

– Неважно... простите меня, Арсений Васильевич!

Лавочник осторожно поднял его голову за подбородок и посмотрел ему прямо в глаза:

– Я на тебя не сержусь. Но я тебе скажу – на будущее... Ты, Володя, так не делай. Ты говори – словами. Ты вот в тот раз убежал – а я и думать не знал, что сделалось с тобой. Чем обидел, что сказал? А может, у тебя что на душе такое, а я напомнил... переживал за тебя. Понимаешь? Ты ведь нам не чужой?

Володя кивнул:

– Не чужой...

– Так вот. А то – пришлось вот Нину ждать. А если бы она только через месяц приехала? Так нельзя, мальчик мой. Если друзья – так друзья. Хорошо?

– Хорошо, Арсений Васильевич... Извините, – повторил Володя.

– Все, все, забыли. Нина, угощай Володю чаем. На столе там коробка конфет стоит – ешьте за встречу...

Нина схватила Володю за руку:

– Пошли!

В гостиной она быстро накрыла на стол. Они сели, и Нина стала оживленно рассказывать про путешествие, соседскую девочку, с которой они вместе ходили в лес, необыкновенных куриц, красивое летнее платье, которое ей сшила тетя Лида, про то, что завтра очень сложный день – надо покупать учебники и тетради, а форму ей сшила тетя Лида, и передник в этот раз очень, очень красивый, а папа на начало ученья обещал купить ей котенка!

Володя жадно слушал ее, забыв про чай. Вот она улыбнулась, вот нахмурилась, вот быстро сунула в рот конфету. Развела руки, показывая, какую рыбину выловили рыбаки на реке, посмотрела, засмеялась, немного свела руки – не такую, поменьше, конечно...

– А ты что чай не пьешь?

– Я не хочу, чтобы вы уезжали, – вырвалось у Володи.

Нина внимательно посмотрела на него.

Володя не сводил с нее смущенных глаз.

– Не хочу, чтобы вы уезжали, – повторил он.

– Мы никуда не уезжаем, Володя, – сказала Нина, – но даже если такое случится... если я уеду или ты... это совсем не значит, что я тебя забуду. Понимаешь?

Володя отчаянно пытался найти слова. Как объяснить ей то, что он сейчас чувствовал? Как сказать, что хочет видеть ее всегда, каждый день, разговаривать с ней, смеяться, гулять? Как объяснить, что эта квартира стала ему вторым домом?

Нина взяла его за руку:

– Я тебя понимаю, кажется. Да, понимаю! А теперь пей чай и пойдем гулять.

Они медленно шли по Клинскому.

– Смотри, клены уже начали желтеть, как рано в этом году! Какая ранняя нынче осень... пойдем дальше, Володя? А давай дойдем с тобой до большого собора? До Троицкого, со звездами? А потом вернемся по Фонтанке... ну, что ты молчишь? О чем ты все время думаешь? Поговори со мной, мы целое лето не виделись! Ну что, мне помолчать? А если я не могу? А, Володя?

В конце сентября у Нины был день рождения. Отмечала она его всегда у тети Лиды и в этот раз решила тоже не изменять своим привычкам. Как-то, придя домой из гимназии, Володя увидел на столе маленький конвертик, подписанный – Владимиру Альбергу. Он нетерпеливо открыл его, достал плотный картонный квадратик и прочитал:

Володя, приглашаю тебя на мой день рождения в эту субботу. Праздновать будем у тети Лиды! Заходи к нам в час дня.

Володя бросился к маме:

– Мамочка, послушай! Нина меня приглашает на день рождения, только праздновать она будет у тети Лиды... Ты меняпустишь? Да? Это в субботу. Можно?

– Можно, конечно, – сразу согласилась мама.

– А что мне подарить?

– Не знаю. Поговори с Элей, что любят девочки в этом возрасте?

С Элей советоваться не очень хотелось, но пришлось. Сестра скривилась, но все-таки обещала подумать.

Вечером в пятницу мама позвала Володю к себе:

– Я тут была в магазине, купила твоей Нине подарок.

И она показала Володе изящную коробочку.

– Что там, мамочка?

– Швейный набор. Она же вроде любит шить?

– Ну так... да, шьет. Куклам платья. Спасибо, мамочка! Я тоже сделал подарок.

– Какой? Покажешь?

– Конечно! Вот смотри.

И Володя достал из ящика стола двух кукол – кота и лису.

– Что это? Ты сам сшил?

– Ну да... Это сказка, я ей покажу спектакль, а потом подарю. Это еще не все, посмотри, как я придумал.

И Володя начал рассказывать свою задумку. Кот и лиса – это была только часть. В сказке шел настоящий снег, для этого Володя подготовил картонные кругляши, которые должны были падать за простыней, подсвеченные лампой, тут же был и театр теней, для него он нарисовал и вырезал фигурки, и в конце концов на сцену выезжал настоящий поезд – не настоящий, конечно, а игрушечный, но ехал он сам – Володя вычитал в учебнике про силу инерции и вечерами тренировался запускать поезд так, чтобы казалось – он едет сам.

Мама пришла в восторг:

– Володенька, ну какой ты умница! Как хорошо все придумал...

– Мама, я покажу Анюте сначала?

– Покажи, конечно. Перед сном.

Сестренке спектакль понравился ужасно, она даже не хотела отдавать кукол. Володя сказал, что сошьет и ей. Элька посмотрела швейный набор и сказала, что такой надо бы купить Володе тоже – раз он шьет, как девчонка. Володя на ее слова не обратил внимания. В своей комнате он упаковал подарок в коробку, а мама перевязала коробку красивой лентой.

На следующий день они на извозчике поехали к тете Лиде. Арсений Васильевич попросил провезти их по Рождественским улицам. Около желтого дома на углу Мытнинской и 8-й Рождественской пролетка притормозила.

– Вот тут мама с папой жили. Сначала они на Охте, а потом уже сюда перебрались. А что это там, папа?

– Это чайная будет. Ниночка, я тебе сюрприз хотел сделать. Мы с Лидой арендовали, наша теперь... вот ремонт будем делать.

– Вот это да! – обрадовалась Нина, – чайная... папа, ты еще ничего не покупал? Я сама хочу и посуду, и мебель выбрать.

– Да выбирай, маленькая моя, что же... ну, поедем дальше.

Стол у тети Лиды ломился от яств – тут были и любимые Нинины пельмени, и картошка с грибами, и ветчина, и мясо. Нина сбегала на кухню:

– Володя, там пирожки всякие! И пирожные – из Норда. Папа купил, только мне не сказал, когда. И лимонад – финский, как я люблю.

В дверь позвонили, Нина побежала открывать и вернулась с хорошенькой девочкой. У девочки были короткие толстые темные косички и веселые карие глаза.

– Это Тонечка, – представила Нина, – моя подруга. А это Володя, мы сейчас рядом живем. Ну, раздевайся, Тонечка!

Пока Нина помогала Тоне, Володя вышел в маленький коридор между столовой и кухней. Лида говорила брату:

– Ты уж недовольным-то не будь, я ведь так не могла. Она спросила – я и позвала. Да не хмурься! И мальчику повеселее будет.

В дверь снова позвонили, Нина выскочила в прихожую:

– Папа, а там кто?

Арсений Васильевич хмуро улыбнулся:

– Еще гости.

Володя ушел в столовую, где Тонечка ходила, разглядывая стол.

– Сколько вкусного, Володя! – радостно сказала она.

Володя, почувствовав родственную душу, расслабился.

В комнату вошла высокая молодая дама с мальчиком немного постарше остальных детей. Арсений Васильевич представил:

– Это Таисия Николаевна, компаньонка тети Лиды, и ее сын Миша. А это Тонечка, Володя – Нинины друзья. Ну, давайте к столу?

За обедом было привычно-весело, как всегда с Ниной и ее отцом. Он и тетя Лида вспоминали смешные детские Нинины слова, как она любила кататься на поезде, как первый раз

увидела пароход и очень удивилась. Тонечка вспомнила, как она с Ниной познакомилась – она пришла с родителями в кондитерскую, а за прилавком стояла девочка. И Тонечка подумала, что девочка сама торгует пирожными.

– Ну, наелись? – спросила тетя Лида, когда стол был основательно подчищен, – теперь идите играйте, а потом и чай пить.

– Я помогу тебе, Лида, – встала Таисия Николаевна.

– А подарки когда будем дарить? – спросила Тонечка.

– Давайте сейчас, – решила Нина, – правда, папа мне уже подарил. Ох, сколько он мне подарил! И сумочку театральную, и два платья, и билеты в театр, и цепочку! И куклу вот еще. И тетя Лида подарила – вот это платье, красивое, да? И туфли еще, и кошелечек.

– А я тебе вот что подарю! – закричала Тонечка и достала из-под стола маленькую коробку, – открывай скорее.

Нина открыла коробку и вытащила оттуда красивую чашечку.

– Красота какая! – обрадовалась она, – там еще чашка и чайник, и маленькая сахарница!

– Это сервиз на двоих, – важно сказала Тонечка, – когда я приду к тебе в гости, будем из него чай пить.

– Хорошо!

– А вот от нас, – сказала Таисия Николаевна.

Нина взяла в руки аккуратно завернутый сверток, открыла и достала оттуда точно такой же набор, какой купила Володина мама.

– Это швейный набор, – говорила меж тем компаньонка тети Лиды, – мы же с тобой собирались учиться шить.

Володя почувствовал себя невероятно глупо – что же, теперь доставать точно такой же набор и театр? Никто больше не подарил самодельных подарков. И как показывать этот спектакль, он-то думал, что будут только Смирновы и тетя Лида... Но делать было нечего, и он, поколебавшись, вытащил коробку с театром.

– Нина, с днем рождения. Там... там театр. Я хотел показать спектакль и потом тебе подарить. Давай я дома покажу?

Нина, кажется, все поняла. Но тут заговорила Таисия Николаевна:

– А почему дома? Мы тоже с удовольствием посмотрим. Арсений говорил, ты очень любишь театр, устраиваешь теневые представления... Покажи и нам, пожалуйста.

– Да, покажи, пожалуйста! – обрадовалась Тонечка.

Володя покраснел, но делать было нечего. Будь что будет, подумал он.

– У вас есть белая простыня? – обратился он к тете Лиде.

– Сколько хочешь, мой мальчик, – сказала она, – сейчас принесу.

Нина оказалась рядом:

– Тебе помочь?

– Давай, Ниночка, я помогу, – подошел Арсений Васильевич, – это же тебе подарок. Что делать, Володенька?

– Куда-то надо простыню прикрепить.

– Вот к этой стене – пойдет?

– Пойдет.

Арсений Васильевич прикрепит простыню, потом, слушая Володины указания, расставил стулья и стол. Потом пригласил публику:

– Пожалуйста, пожалуйста! Все на представление!

Зрители расселись. Володя натянул кукол на дрожащие и вспотевшие руки. Представление началось.

Шел снег, а в домике жил котик. И вот как-то раз пришла лиса, и обманом выманила котика из дома, и ему пришлось идти под снегом одному по страшному лесу, где виднелись

тени волков и медведей. И пропал бы котик, если бы не вышел к железной дороге. Приехал поезд, и котик уехал на поезде и стал сам водить поезда.

Представление закончилось. Володя вытер взмокший лоб. Зрители захлопали.

– Мальчик мой, какой ты умница! – растроганно говорил Арсений Васильевич, – это же надо – и придумал, и сделал, и голосами разными говорил!

– А мне как понравилось! – вторила ему тетя Лида, – как в настоящем театре побывала!

Тонечка говорила о том, что сказка понравилась бы ее папе – ведь он машинист! Миша держался немного отчужденно, но зато Таисия Николаевна радовалась за двоих.

Володя смущенно улыбался. Нина подошла к нему, взяла за руку:

– Володенька, какой подарок прекрасный! А как поезд двигался – он же сам ехал? Он заводной?

– Нет, я сначала хотел подтолкнуть, а потом – вот видишь? Тут палка такая, я его и двигал.

– Со снегом ты здорово придумал! – сказал Миша басом.

– Ты мне потом еще раз покажешь? – спросила Нина, – дома уже?

– Конечно. Давай я сейчас все в коробку сложу?

– Давай. Помочь?

– Нет, спасибо!

Тонечка убежала к Нине в комнату, Миша пошел следом. Нина осталась и внимательно смотрела, как Володя укладывает театр.

– Мне очень понравилось, Володя, – сказала она, – очень, очень!

– Нина, послушай, – сказал он, решившись, – у меня еще есть подарок— моя мама купила. Только... такой у тебя уже есть.

– Как это?

– Вот смотри.

И он достал швейный набор.

Нина развернула сверток:

– Ой, такой же! Володя, как я рада! Посмотри – таких прекрасных, и будет два! Я зайду завтра к твоей маме – поблагодарю ее?

– Тебе понравилось? Правда?

– Конечно! Два лучше, чем один. Спасибо! Папочка, тетя Лида! Посмотрите – у меня такой же набор!

– Ну вот! Теперь можно шить и шить! – сказала Таисия Николаевна.

Володя совсем успокоился и пошел в Нинину комнату. Там Миша и Тонечка достали лото.

Потом пили чай, еще раз играли в лото – все вместе, потом еще попили чаю и собрались расходиться.

Таисия Николаевна, прощаясь в дверях, сказала:

– Завтра увидимся, Арсений?

Смирнов покачал головой:

– Завтра нет, Тая. Я с девочками завтра.

Извозчика нашли сразу, быстро доехали до дома и вышли, но извозчик не уезжал.

– Пойдем, проводим тебя.

– А вы?

– А мы обратно к Лиде поедem. Нина так захотела.

– Зачем же вы меня отвозили? – смутился Володя, – я бы попросил папу, если бы знал...

– Ну, вот еще! Нам с тобой покататься в радость, – сказала Нина.

Они поднялись по лестнице, мама открыла дверь. Нина поблагодарила ее за прекрасный подарок:

– Вы как будто знали, что мне именно такой и хотелось! Большое, большое спасибо. А какой прекрасный спектакль подарил мне Володя! Я такого никогда не видела, и всем другим гостям очень понравилось. Всего доброго, Володя, всего доброго, Софья Моисеевна!

– Спасибо за подарок и за общество вашего сына, – улыбнулся ее отец.

И они ушли.

Володя счастливо улыбался.

– Весело было? – спросила мама.

– Очень... мамочка, и спектакль! Правда всем понравился, а с набором знаешь как вышло – такой же Нине подарили. Но ей все равно понравилось!

Засыпая, он сказал:

– Как весело было, мамочка!

Подаренных билетов в театр было два, и Арсений Васильевич предложил Нине позвать Володю:

– Со мной в другой раз, хорошо, деточка? У меня дела в субботу, и с Альбергом мы договорились – он вас встретит, и ты у Володи побудешь, пока я не приду. Хорошо?

Нина обрадовалась. Ей так понравилось в театре именно с Володей, что и потом они чаще всего стали ходить вдвоем. Арсений Васильевич театр любил, отец Володи тоже считал, что театр для образования очень важен, и оба отца попеременно покупали детям билеты на утренники.

Из театра возвращались пешком. Оба любили гулять по городу. Иногда встречал Арсений Васильевич, иногда Альберг, но со временем родители стали разрешать им возвращаться самостоятельно.

– Володя, смотри, какие снежинки! Смотри, смотри!

Нина подставляла варежку и ловила снежинки.

– Что ты все молчишь? Подставь тоже варежку!

Володя вздохнул:

– Нина, не мешай мне. Я думаю.

– О чем ты думаешь?

– Да как тебе сказать? Обо всем на свете. Ты путешествовать любишь?

– Еще как! А ты?

– И я. Когда вырасту, буду все время путешествовать.

– А мы с папой...

– Нина, ты меня извини... ты помолчать можешь? Я додумать хочу.

– Могу, конечно! Скажи, когда додумаешь.

И Нина снова стала ловить снежинки.

Они дошли до дома. Володя остановился:

– Мы к тебе пойдем?

– А ты додумал? Можем еще погулять.

– Нет, не хочется больше. Пойдем игрушки клеить?

– Давай! Пойдем? Папа дома уже.

Арсений Васильевич уже беспокоился:

– Ну и где вы ходите? Володя, ты у нас будешь? Мне уйти надо на пару часиков.

– Ну вот, папа! – расстроилась Нина, – а мы игрушки клеить хотели.

– Так клеите! А я завтра с вами поиграю. Правда надо уйти, доченька.

– Ну хорошо, – согласилась Нина.

Арсений Васильевич ушел, Нина стала доставать все для работы. Володя походил по комнате, подошел к буфету. Там лежал какой-то толстый томик, Володе захотелось посмотреть, он потянул его на себя и нечаянно уронил фарфоровую собачку. Она упала на пол и разбилась вдребезги. Володя застыл. Нина повернулась на шум:

– Упало что-то?

– Да... Нина, я собачку, кажется, разбил.

Нина подошла ближе:

– Точно.

Она присела, взяла осколки:

– Нет, тут уже не склеишь... погоди, сейчас совок принесу – замету. Руками не трогай, порежешься!

Она вышла. Володя в отчаянии смотрел на осколки. Любимая собачка Арсения Васильевича, подарок жены! Иногда по вечерам он брал собачку в руки, гладил и ставил обратно. А теперь собачки больше нет.

Никогда еще Володе так не хотелось повернуть время вспять. Зачем он полез за этой книгой?

Нина вернулась с совком и веником.

– Отойди чуть-чуть.

Она сосредоточенно подмела осколки, огляделась:

– Все вроде?

– Нина, что Арсений Васильевич скажет? – отчаянно проговорил Володя.

– Что? О чем?

– О собачке.

– Что скажет?... Володя, вроде там еще осколок!

Она подняла осколок и вышла. Володя, ничего не соображая, вышел из комнаты, схватил свое пальто и выскочил на черную лестницу, а оттуда во двор.

Что он наделал?

Конечно, Арсений Васильевич никогда не жалеет никаких вещей – Володя как-то разбил чашку, Нина разорвала летом новое платье, и всегда лавочник их утешал:

– Ну, ерунда какая! Нешто не из чего чай пить? Платье – купим новые, доченька, еще и получше. Вот в гостинном дворе – пойдешь с тетей Лидой да выбери!

Но это же просто вещи – а тут собачка, подарок жены. Первый подарок, между прочим! Володя, сгорбившись, через двор вышел на Рузовскую и побрел к Обводному.

Никогда он больше не сможет к ним прийти, такого не прощают.

Нина, конечно, не побежала его искать. Это же собачка – ее мамы!

От одиночества хотелось плакать, но не являться же домой с заплаканными глазами.

Кое-как собравшись с силами, Володя пошел домой. У мамы была приятельница, Элька тоже крутилась в гостинной. Володя поздоровался и, отговорившись завтрашним диктантом, ушел к себе.

Он сел на окно и стал смотреть на улицу, на редких прохожих. А вот и Арсений Васильевич – переходит дорогу, наверное, идет от трамвая. Сейчас Нина скажет ему про собачку. Что он подумает?

Володя спрыгнул с подоконника. Его всего окатило холодным потом – как он мог так уйти, надо было хотя бы попросить прощения! Ну да, лавочник его не простит, и Нина тоже, но извиниться все-таки надо. Извиниться и уйти.

Да никто и не будет его удерживать!

Сейчас Нина рассказывает отцу о собачке и о том, что Володя просто убежал.

Надо пойти и попросить прощения. Но как? Сейчас никто из дома уже не выпустит – поздно. Можно объяснить все родителям, но... что-то не хочется, и так они всегда ругают его за неловкость.

А что, если выбраться тайком? Через черный ход, через кухню.

У мамы все еще приятельница, Анята спит, отец работает в кабинете, Дуняша у себя. На кухне никого.

Володя взял свое пальто, по коридору пробрался на кухню, открыл дверь и побежал вниз. Через двор вышел на улицу, подергал дверь лавки – заперто, конечно. Придется звонить в квартиру.

Он поднялся по ступенькам, позвонил. Арсений Васильевич открыл дверь и удивился:

– Володенька! Ты что так поздно, случилось что?

– Нет...

– Нина уже спать легла, но ты проходи. Ты что убежал сегодня? Нина говорит, осколками порезался, может? Так она бы перевязала, зачем домой-то сразу?

Володя поднял голову. Лавочник что, смеется над ним?

– Я не порезался.

– Нет? А что тогда?

Володя набрал воздуха:

– Арсений Васильевич, я собачку разбил! Я прощения пришел попросить, я знаю, что эта собачка подарок, и что вы не простите.... Но я все равно пришел...

Арсений Васильевич недоуменно перебил его:

– Подожди, я за тобой не поспеваю... ты что, из-за собачки убежал?

Володя опустил голову:

– Я виноват.

– Да что сделалось-то? Безделушка разбилась?

– Это не безделушка, это же вам Нинина мама подарила!

– И что?

– Так... ведь собачка... подарок... первый. Вы сами рассказывали! И вы гладили ее...

Володя сбился и замолчал.

– Нет, ты мне сложный все-таки, – вздохнул Арсений Васильевич, – ну что сделалось, скажи ты на милость? Собачка фарфоровая разбилась? Ну так она бы позже разбилась, на то это и фарфор...

– Это Нининой мамы подарок!

– Ох, Володя... – вздохнул Арсений Васильевич, – как тебе объяснить-то? Да никак, не сумею я, а ты маленький – понять... У меня Нина. И память. Вот это... А собачка... она... просто собачка. А тебя как из дома-то выпустили так поздно?

– Я сам убежал. Через черный ход.

– Ах ты господи...

Арсений Васильевич поспешно оделся:

– Пойдем – провожу тебя.

– Вы правда не сердитесь за собачку?

– Да господь с тобой, Володя. Я сержусь, что ты так поздно один по улицам бегаешь. И ладно я сержусь, а вот если дома заметили, то папа твой не так сердиться будет...

Володя об этом почти не думал. Пусть дома будет что угодно – главное, решилась эта дурацкая история с собакой.

На счастье, черный ход был открыт, и Володя скользнул на кухню. Из своей комнатки выглянула Дуняша:

– Володенька, ты? А ты что в пальто?

Володя бросился к ней:

- Дунечка, вы ничего не говорите... так надо было. Хорошо?
- Ладно, ладно...
- Ты что тут делаешь? Почему ты в пальто?
- Володя похолодел. В дверях стояла мама, за ней отец.
- Это я, Софья Моисеевна, его попросила пальто накинуть! – заговорила Дуняша, – пуговица сегодня оторвалась, я пришила, а потом и покажись мне, что широко они – он же худенький у нас такой... Думала переставить, а Володенька попить на кухню вышел, вот и накинул.
- Мама покачала головой:
- Ночь на дворе, а вы с пуговицами. Иди спать, Володя. Пальто не забудь повесить.
- Спасибо за пуговицу, Дуня, – сказал Володя, уходя.
- В своей комнате Володя сел на кровать и выдохнул. Кажется, обошлось.
- Дверь приоткрылась. Отец остановился на пороге:
- Не спишь?
- Нет еще.
- Отец подошел и сел с ним рядом:
- На пальто пуговицы широко, значит?
- Володя вздохнул:
- Папа, я ходил к Арсению Васильевичу. Такое случилось...
- И он рассказал всю историю.
- Отец кивнул:
- Молодец, что пошел и извинился... Но какой ты неловкий, Володя, даже в гостях умудрился хорошую вещь разбить!
- Володя засмеялся:
- Помнишь, как дедушка меня называл?
- Помню... Только, Володя, такое слово вслух произносить не смей!
- Нет, конечно... А ты тоже в детстве был неловкий?
- Не такой, как ты, конечно, но был. Чашки разбивал... тарелки. Как-то старинную вазу разбил – за конфетой полез и уронил.
- Что дедушка сказал?
- Да вот то и сказал... что про тебя говорил.
- Володя расхохотался, зажимая руками рот.
- Тихо ты! Сейчас мама придет, попадет и тебе и мне.
- Расскажи, как ты был маленьким?
- Так и был... Сначала дом другой был, потом тот, в котором сейчас бабушка и дедушка. Учился много... Тогда нелегко было, Володя, из маленького города, да и... Ну да это я тебе потом все расскажу. И сейчас нелегко, ты старайся, учись, тем более ты умница такой у нас.
- А как ты играл в детстве?
- Ну как играл? Так и играл, как все, и по улицам бегал, и дома. Все, сынок, тебе спать пора.
- Папа, посиди еще немного!
- Ну давай. Ты ложись, я тебя укурю и посижу.
- В полудреме Володя чувствовал, как папа гладит его по голове. Как хорошо было так засыпать, и какой хороший все-таки сегодня день, несмотря на разбитую собачку. Володя поднял голову:
- Папа, паровоз будем клеить в этом году? У Нины тот порвался.
- Будем, будем. Спи ты уже.

Володя постучал, никто не ответил. Он пожал плечами и толкнул дверь. Нина стояла посреди комнаты, Арсений Васильевич сидел в кресле. Вид у него был смущенный.

– Еще раз? – спросила Нина.

– Ну давай, – обреченно вздохнул отец.

Володя замялся на пороге.

– О, Володя пришел! – обрадовался Арсений Васильевич, – Ниночка, мне бы это... уйти, короче. Ты Володе покажи, а я еще вечером...

– Помучаюсь, – закончила за него Нина, – папа, делать-то что?

– Вот с Володей поговори? – предложил отец, – а я правда пойду уж.

И он поспешно вышел из комнаты.

– Что делать будем? – спросил Володя.

– Ох, что делать... сейчас расскажу.

Нина села к столу, Володя устроился напротив.

– Ну слушай, – начала она, – у нас в гимназии собрались устроить представление – благотворительное. Там про рождество, елку, сиротку – ну, интересно. Стали роли раздавать. Я хотела сиротку играть или уж там фею – но и сиротка, и фея поют. А я в смысле пения... Сижу, молчу. И что вышло? Мне дали играть – злую мачеху!

Володя кивнул головой:

– Интересно.

– Интересно? Что там может быть интересного? Она злая, никому не понравится... вот слова мне дали, роль. Я выучила, стала перед папой представлять. А он – видишь – дела придумал и ушел.

– Ну почему сразу дела придумал...

– Что я, папу не знаю?

Дети помолчали. Нина горестно развела руками:

– Ну вот и не знаю, что делать...

– А какие там слова?

– Вот, на столе.

Володя взял маленькую тетрадку:

– Тут только твои слова?

– Да, я переписала.

– А остальное – помнишь?

– Конечно.

– Расскажи?

Нина неохотно начала пересказывать – жила-была девочка, и матери у нее не было, и злая мачеха посылала ее в лес...

– Нет, Нина, не так, – перебил Володя, – с чего все начинается? Ну, на сцене?

– Идет снег, – снова заговорила Нина, – появляется бедная сиротка, поет грустную песенку, собирает хворост, тащит все это с собой.

– Так. Дальше?

– Потом она приходит домой. Там ее встречает злая мачеха.

– Как встречает? Что говорит?

– Вот в тетрадке написано: где тебя так долго носило? Почему мало хвороста?

– Давай попробуем? Я буду сироткой, а ты меня ругай. Вот смотри – я вхожу и тащу хворост.

Володя вышел за дверь, потом вернулся, прижимая к груди воображаемую охапку хвороста. Нина растерянно посмотрела на него и сказала:

– Где тебя так долго носило? Почему мало хвороста?

– Нет, Нина, погоди, – перебил Володя, – ты же на меня сердисься. Меня долго не было, хворосту мало. И вообще ты меня не любишь, я тебе не нужен... не нужна. У тебя, наверное, своя дочка есть?

– Есть, только она спит все время. Она только в самом конце появится.

– Ну вот. Своя, любимая. А тут я... я тебя раздражаю, да? Ты меня только как служанку используешь.

Нина засмеялась:

– Ну да, наверное.

– Ну вот! Ты со мной так и обращайся. Давай еще раз?

Он снова вышел за дверь, вернулся. Нина стояла, повернувшись спиной. Володя растерялся, и тут она обернулась:

– Явился наконец! Сколько можно, – холодно сказала она, – а хворосту-то, хворосту... чем тут топить? Бездельник! Выгнать тебя из дому...

– Здорово, Ниночка! – воскликнул Володя, – правда, отлично! Вот только...

– Что – только? Опять не так? Я представила себе все, как ты сказал...

– Да, да... только ты мне говоришь – явился, бездельник... А я же как будто девочка.

– Ой, – расхохоталась Нина, – и точно! Давай еще попробуем?

Второй раз все получилось еще лучше. Стали разыгрывать следующие сцены, и вот тут-то все повторилось – Нина, глядя на падчерицу, упорно называла ее в мужском роде. Под конец Володя разозлился:

– Да ты нарочно!

– Честное слово, Володенька, нет... я как вижу, что ты в штанах – так и не могу поверить, что ты девочка. На сцене все лучше будет – там передо мной Машенька будет стоять, она сиротку играет.

– А если и там собьешься? Нет уж, давай еще повторять.

– Давай, но я все равно не могу.

– Что же нам делать?

– А давай тебя в платье нарядим? – осенило Нину.

– Что?

– Ну в платье? В мое.

– Ну не знаю, – растерялся Володя.

Вернувшийся Арсений Васильевич был немало удивлен, когда из дверей его гостиной выскочил одетый в Нинино платье Володя, следом вылетела подушка, потом выглянула Нина:

– И чтобы домой не возвращалась!

Володя всхлипнул и побрел прочь. Нина крикнула:

– Давай еще раз?

Тут Володя заметил Арсения Васильевича и смутился:

– Ой... а мы тут...

– А мне покажете?

– Да, папа, давай, – обрадовалась Нина, – ты будешь публикой.

Арсений Васильевич с удовольствием посмотрел представление – дети показали не только сцены сиротки и ее злой мачехи, но и весь спектакль.

– Почему мы никогда в театр не играли? – спросила Нина, когда спектакль закончился и Володя переоделся в свою одежду, – я и не думала, что так интересно!

– Я часто сам с собой играю, – задумчиво сказал Володя, – книгу прочитаю – а потом представляю, как бы это на сцене. А еще лучше – в кино.

– Почему лучше?

– Потому что сцену зритель все время видит, а на пленке можно разное показывать – и время, и места. Понимаешь?

– Да, – неуверенно сказала Нина, – Володя, давай теперь все время в театр и в кино играть?

– Давай.

– Я сегодня, как засыпать буду, тоже попробую книжку представить, – решила Нина, – я сейчас как раз Чарскую читаю!

– Нина, а ты в каком костюме будешь?

– В платье – пышном, и подушку подвяжем, чтобы я толстой была.

– А зачем? Давай ты будешь худая. И злая. И прическу... такую... ну, такой как шиш на голове сделай. А платье... давай я нарисую и завтра принесу?

– А тетя Лида сошьет! – обрадовалась Нина.

– А успеем?

– Конечно! Еще целых десять дней.

Нина вышла проводить Володю.

– Ты придешь на мой спектакль? – спросила она.

– А можно?

– Конечно! Сказали, можно приглашать всех желающих. У меня папа будет и тетя Лида.

И ты.

– Я спрошу маму.

– Конечно. Надеюсь, она отпустит. Мне так хочется, чтобы ты пришел! Я без тебя бояться буду.

– Ты? – засмеялся Володя.

Нина засмеялась в ответ.

Эскиз платья Володя придумал в тот же вечер – ярко-красное, нелепое, примерно в таком в Могилеве ходила одна знакомая бабушки – злая, вредная тетка, все время донимала его. В выходные Смирновы отпросили Володю и поехали к тете Лиде – шить костюм.

Погода стояла ужасная – дул ветер, в лицо летел мокрый противный снег. От трамвая почти бежали. Тетя Лида, встретив гостей, заохала:

– Да что ж такое, Арсений! Что за дело такое, что детей в такую погоду притащил?

– Это я придумала, тетя Лида! – заступилась Нина, – мне платье надо шить.

– И что же? Я бы сама приехала! А то Арсений по телефону мне – Лида, дело важное, мы втроем приедем.

– Тетя Лида, да ладно, – перебила Нина, – давайте поедим сначала?

– Давайте, давайте! У меня готово все. Володенька, ты суп куриный любишь?

– Он все любит, – сказала Нина, – а пирожки есть?

– Как не быть, Ниночка!

После вкусного обеда сели кроить. Арсений Васильевич отпросился:

– Лидочка, я детей оставлю на пару часов, а сам по делу отойду. Ну... пока вы тут шьете?

– А ты, надо думать, тоже по швейным делам?

– Лида! – покраснел Арсений Васильевич.

– Иди, иди...

Володя разложил на столе свои эскизы:

– Вот, Лидия Васильевна, смотрите... узкое, красное.

– У тебя красная ткань есть? – спросила Нина.

– Найдем... Погоди, Володя – тут сверху ты как хочешь?

Володя объяснил свою задумку. Тетя Лида достала большой лист бумаги:

– Так, давай-ка тут рисуем...

Нина сначала лезла с советами, но ее никто не слушал, и она ушла к себе. Облокотившись на подоконник, она стала смотреть в окно.

Интересно, каким будет спектакль? Понравится публике, как она будет играть?

– Нина!

Володя стоял на пороге.

– Я тебя отвлек? – смущенно спросил он.

– Отвлек? От чего? – засмеялась Нина, – я просто в окно смотрю и про спектакль думаю.

А вы?

– Мы закончили. Тетя Лида выкройку сделала, завтра в мастерской ткань возьмет и шить будет.

– Вот хорошо! Папа не пришел?

– Нет еще.

– Давай играть?

– Во что?

– Как во что? В театр!

– Давай в театр теней. Бумага нужна и ножницы, и белая простыня еще.

– Сейчас все принесу.

Арсений Васильевич вернулся как раз к спектаклю.

– Внимание, внимание! Начинается представление! – объявила Нина.

Арсений Васильевич прошел было к расставленным стульям, но дочка преградила ему дорогу:

– Вы без билета, месье?

– Без билета, – сконфуженно произнес отец, – а где купить билет?

– Вот касса, пожалуйста. Если вам в первый ряд – то шоколадка.

– Я должен буду, можно? Куда я сейчас за шоколадкой побегу?

– Можно! Садитесь.

Тетя Лида села рядом.

– Ну что, должник? – упрекнула она брата, – я вот за билет сразу заплатила.

– Ну, а я завтра – к чаю им...

Зажглась лампа, и на белой простыне появилась целая вереница зайчиков. Они танцевали под звуки старой музыкальной шкатулки, и тут появилась девочка – в шубке, платочке. Она грустно сказала о том, что злая мачеха выгнала ее в холодный лес за хворостом, метет метель, кругом волки, но никто ее не пожалеет...

Лампа потухла, зажглась снова. Девочка стояла теперь перед худой женщиной в узком платье с бантом сбоку. Та ругала ее, а под конец выгнала из дому.

Но на помощь девочке пришла добрая фея – забрала к себе во дворец, а потом послала учиться.

Арсений Васильевич и тетя Лида долго хлопали.

– Ты, Володенька, талантливый какой! – сказала тетя Лида.

– А я? – обиделась Нина.

– И ты талантливая, – поспешно сказал Арсений Васильевич.

Нина рассмеялась:

– Да ладно, папа... а Володя правда умница.

Володя смутился и стал складывать бумажные фигурки.

– Сам ведь все нарисовал? – спросила тетя Лида.

– А Нина вырезала! – сказал мальчик.

– Ну, без Нины бы какой театр, – согласилась та, – ладно, ребята, давайте-ка поужинаем и по домам.

– По домам только папа и Володя, – сказала Нина, – я до завтра останусь!

Тетя Лида обрадовалась несказанно:

– Ох, Арсений, я так рада, что тебе и не скажу ничего!

– Ну слава богу, – отозвался тот.

После чая Володя с Арсением Васильевичем пошли к остановке трамвая. Погода не унималась.

– Иди-ка сюда, встань против ветра, – сказал Арсений Васильевич и обнял Володю.

Наконец подошел трамвай. Арсений Васильевич купил билеты, посадил Володю:

– Замерз ты, мальчик мой?

– Нет, ничего. А вы?

– Да что я-то...

Трамвай, звеня, несся по улицам.

– Вы завтра Нину будете забирать?

– Завтра.

– Она меня на представление пригласила.

– А как же без тебя? Придешь ведь?

– Приду, мама уже отпустила. Вы из дома пойдете? Давайте вместе?

– Давай, конечно. А ты умница, Володя! Мы, правду сказать, с Ниной измаялись. Она пришла и говорит – вот, роль дали. Я в театре-то, сам понимаешь, не шибко, но тут уж и я вижу – она же просто стоит, слова читает. А я понимаю, что не так, а подсказать не могу. Слава богу, ты пришел.

– Да я ничем и не помог.

– Как же? Все подсказал – и как говорить, и вот с платьем придумал... Ты сам-то на сцену не хочешь?

Володя покачал головой:

– Нет, совсем нет. Я... не знаю, как сказать. Ну вот кто в театре придумывает – где актеру встать, как говорить?

– Режиссер?

– Да, точно! Вот я бы, может быть... хотя тоже не знаю. Я больше всего фильмы хочу снимать. Я – знаете что? – иногда иду по улицам, а вижу – как в фильме. Понимаете?

– Как будто да.

– Я тут видел на Загородном – торговка уличная кричала на другую торговку. Я подошел ближе, смотрел, а потом придумал, что вот сейчас бы всю улицу показать, и как прохожие останавливаются, смотрят, и нескольких поближе... а потом – торговку, которая кричит – лицо ее показать, близко-близко, а уж потом – вторую, а потом рядом их. И снова улицу, и как прохожие смеются...

Он замолчал. Потом смущенно улыбнулся:

– А сейчас я знаете что подумал? Вот в трамвае... мужчина и мальчик едут, и разговаривают...

– А дальше? – спросил Арсений Васильевич.

Володя неловко пожал плечами.

– Ну вот...

Трамвай остановился на углу Можайской. Арсений Васильевич проводил Володю до дверей:

– Поднимешься – крикни мне, что дошел.

– Конечно. До свидания, Арсений Васильевич!

– До свидания, мальчик мой.

Володя поднялся наверх, дверь его квартиры распахнулась:

– Я дошел, Арсений Васильевич!

– До свидания, Володя.

Арсений Васильевич вышел на улицу, вдохнул холодный воздух и огляделся в поисках извозчика. Надо было все-таки сказать родителям мальчишки, чтобы приехали забрать его – сейчас снова такую дорогу! Альберг ведь предлагал:

– Арсений Васильевич, давайте я сам приеду, заберу Володю? Вдруг вы остаетесь у сестры захотите?

Да кто знал? Ведь думали с Ниной сегодня возвращаться...

Извозчик нашелся только около вокзала, зато экипаж был крытый. Смирнов сел, закутал ноги и откинулся назад.

Что он там придумал, про мальчика и мужчину в трамвае? Трудно, наверное, родителям с ним – непростой, все придумывает что-то.

Извозчик остановился на углу Большой Пороховской и Среднего проспекта. Арсений Васильевич расплатился, выскочил и открыл дверь подъезда рядом с дверью швейной мастерской.

Спектакль отрепетировали еще три раза – последний раз даже в сшитом тетей Лидой костюме. Платье получилось отличное, а когда Нина, тоже при помощи тети Лиды, накрутила на затылке шиш, Володя пришел в восторг:

– Нина, слушай! У нас с Элей вот такая гувернантка была – точно!

Нина прошла по комнате, бросила на Володю холодный взгляд, и он поежился:

– Мне даже неуютно стало...

Платье повесили на вешалку, Нина заплела привычные косы. Тетя Лида стала собираться:

– Пора мне, Ниночка. Теперь уж на представлении увидимся.

– Мы тебя проводим, тетя Лида.

Погода наладилась – потеплело, не было ветра, шел снежок.

– Пойдем погуляем? – предложила Нина.

– Пойдем.

– Ты уроки приготовил уже?

– Почти, устные остались. Ну, да я быстро прочитаю.

– Расскажи мне про гувернантку?

Володя нахмурился:

– Что рассказать?

– Все. У меня не было, только нянька, а потом учительница домашняя приходила.

Володя покачал головой:

– Да нечего рассказывать.

– Ну как нечего? – приставала Нина, – она у вас жила? Вы гулять ходили? Она тебя французскому учила? Ну расскажи!

– Она злая была, – сказал Володя хмуро, – меня не любила. Ей Элька нравилась. Элька всем нравится.

– Придиралась она к тебе?

– Да.

– Вот негодяйка!

Володя, помолчав, продолжил:

– Она с нами чистописанием занималась. Я писать рано научился, в четыре года, наверное, но я писал печатными буквами, а так не умел. Она напишет целую строчку каких-то закорючек и заставит переписывать. У Эльки все эти закорючки ровные, аккуратные, а у меня... напишу – она строчку перечеркнет, говорит – новую пиши... рука знаешь как уставала! Я говорю – не получается, а она – старайся, учись. Гулять ходили? Да, ходили... бегать нельзя, камни брать нельзя. Ничего нельзя! Родителям все время жаловалась. Ну, мама как-то ее не очень слушала, она как раз тогда сама училась, а папа... ты знаешь, как он к учебе и дисциплине относится. Она пожалуется – он не разбирается, сразу говорит – в угол! А как-то раз она все жаловалась-жаловалась, и папа совсем рассердился, взял меня и в комнате темной запер – у нас на Таврической комнатка была маленькая такая, вроде кладовки... а я...

Володя замолчал. Нина сочувственно вздохнула.

– Я темноты боялся, – наконец сказал Володя, – Нина, слушай, я тебе признаюсь: я и сейчас темноты боюсь.

– Кто ж ее не боится, – нашлась Нина, которую темнота не пугала никогда, – все боятся.

– Правда?

– Конечно, – сказала она уверенно, – папа тоже, мне кажется, только не сознается.

Володя покачал головой:

– Мой папа не боится, иначе не запер бы меня. Я плакал, плакал... а потом... не буду рассказывать. Элька смеялась...

– Если я когда-нибудь ее встречу, – задумчиво сказала Нина, – я ей отомщу.

– Кому?

– Твоей гувернантке.

Володя смущенно усмехнулся. Нина серьезно посмотрела на него:

– Ты мне не веришь? Знаешь – вот ты сейчас рассказываешь, а я ее ненавижу.

Она смутилась и отвернулась. Потом повернулась обратно и сказала сердито:

– Потому что я так с тобой подружилась, что мне плохо, когда тебе плохо!

Володя кивнул:

– Я тоже.

– Давай на горку пойдем?

– Нина, поздно уже. Пойдем, может быть, домой?

Нина неохотно согласилась. Вечером она рассказала про Володину гувернантку отцу. Тот перепугался:

– А тебя, боже их сохрани и помилуй, нянька да учительница не обижали?

– Да нет, папа, неужели бы я не сказала? – удивилась Нина.

– Сказала бы, а все равно мне тревожно. Не усну теперь!

– Мне Володю жалко.

Но Арсений Васильевич стал вспоминать няньку и учительницу и про Володю уже не слушал.

Володя дома спросил маму:

– Мамочка, а ты помнишь нашу гувернантку?

– Лидию Ивановну? Первая которая была? Помню, конечно. Очень была толковая, хорошо вас подготовила – и по французскому, и читала вам, и гуляла. А что ты ее вспомнил?

– Просто так, – ответил Володя и пошел к себе.

Лежа в кровати, он представлял себе, как они выросли, и Нина где-то встречает гувернантку. Как она ей мстит, он не придумал, но в Нине не сомневался. И от этого было как-то необыкновенно тепло на душе.

Платье всем понравилось, даже классная дама Синька пришла в восторг. Зал постепенно заполнялся народом. Нина, уже наряженная, подсматривала сквозь дырочку в занавесе.

Вот тетя Лида, какая красивая в своем новом синем платье! И папа – какой все-таки красивый у нее отец! А вот Володя!

– Я так волнуюсь, – зашептала Машенька, игравшая сиротку, – так волнуюсь, так волнуюсь, божечки! А ты?

– Я нет, – удивилась Нина, – что такого-то?

– Да как же... Нина, у тебя кто пришел?

– Папа, тетя и мой друг.

– Друг?

– Ну да, мальчик из нашего дома.

– Ты с мальчиком дружишь?

– Да, очень. Он очень хороший, самый лучший! Мы с ним и репетировали вместе, он придумал, какой я мачехой буду.

Маша смотрела на Нину и явно не знала, что сказать.

– Девочки, открываем занавес, – прошептала Синька.

Занавес, шурша, пополз вбок. Маша пискнула и вышла на сцену. Послышался ее дрожащий голос:

– И холодно-то, и страшно! Послала меня злая мачеха...

Сиротка спела грустную песенку, набрала хворосту и пошла домой. Настал выход Нины.

Гости в зале с умилением смотрели на сиротку, но Нина захватила все внимание. В ярком нелепом платье, со смешной прической, холодно-раздраженная, язвительная, мачеха была неподражаема. Она брезгливо выговаривала сиротке за лень и трусость, дергала носом, поджимала губы. Зрители в зале покатывались со смеху. А когда злая мачеха, вытянув палец, раздельно выговорила, чтобы сиротка убиралась прочь, зал разразился аплодисментами.

На поклонах Нине хлопали больше всех. Она, улыбаясь, кланялась и махала рукой.

Занавес закрылся. Арсений Васильевич откинулся на спинку стула:

– Уффф... Ох и насмеялся! Молодец Ниночка.

Володя улыбался. Какая она умница!

Родители не расходились – ждали дочерей. Вот выбежали зайчики, которые танцевали вокруг елки, потом выскочила Маша, потом фея. Нина прибежала последней – в своем школьном платьице, а прическа прежняя – шиш. Отец обнял ее:

– Умница моя!

Тетя Лида вторила:

– Как смешно было, Ниночка! Мы и не знали, что ты у нас артистка.

– Какая бы я артистка, если б Володя не говорил, как и что! – весело сказала Нина, – Володенька, ну как? Все я так сделала?

Володя смутился:

– Конечно! Ты такая умница, Нина!

– Какое! Все сделала, как ты сказал. А иначе так и бы и читала как по бумажке!

– Ты очень талантлива, Ниночка! – сказала высокая нарядная женщина, – так повернуть характер мачехи! Конечно, моя Маша тоже играла хорошо, но ты сегодня просто лучше всех!

– Спасибо, Ирина Михайловна! – ответила Нина, – я старалась, но вообще-то у меня был помощники, без них я бы не справилась. Прошу познакомиться, моя тетя – Лидия Васильевна, а вот мой друг, мы живем в одном доме – Володя.

Володя поклонился.

– Вот как? – удивилась Машина мать, – как же твой друг тебе помогал?

– Он все придумал – какой должна быть мачеха, я просто сделала так, как он говорил.

И наряд для мачехи придумал тоже он.

– И сшил он? – язвительно спросила Маша.

Нина бросила на нее удивленный взгляд:

– Нет, сшил не он, сшила моя тетя. Но, уверена, Володя справился бы и с шитьем.

Подходили другие родители, и Нина, принимая поздравления, не забывала сказать, что сама она ничем не смогла бы так сыграть и придумать и сделать такой прекрасный костюм.

Володя тоже оказался в центре внимания. Девочки рассматривали его с откровенным любопытством. Володя услышал, как одна шепнула другой:

– Какой красивый мальчик!

Володя смутился. Хотелось уйти, но это было невозможно. Лучше бы Нина молчала об его участии...

Арсений Васильевич тронул его за плечо:

– Пойдем на улицу? – тихонько спросил он, – жарко тут.

Володя благодарно кивнул.

Они успели изрядно замерзнуть, прежде чем из гимназии вышла Нина с тетей Лидой.

– Папа, а ведь каникулы! – закричала Нина, подбегая к отцу, – каникулы!

– Каникулы. Пойдемте к нам сейчас? Отметим. И у меня для вас подарки есть небольшие...

Володя отпросился у мамы и прибежал к Смирновым. У них уже стояла огромная елка.

– Когда вы успели?

– Вчера – целый вечер наряжали. Красивая?

– Очень!

– Смотри – там и твои камеры, и паровоз!

– А вот штаны и рубашка!

Они ходили вокруг елки, отыскивая знакомые игрушки.

– А вот и птичка!

– Точно, птичка.

– А что под елкой? – спросил Арсений Васильевич.

– Ты под елку положил? Так еще же не рождество!

– Ну и что, а у нас такое – маленькое. Мама говорила – как она говорила, Лида?

– Pikkujoulu, кажется.

Нина полезла под елку:

– Володя, давай со мной! Тут два свертка маленьких, а вот еще два больших.

– Маленькие от меня, большие от Лиды, – сказал Арсений Васильевич.

Володя осторожно вынул из кармана маленькую коробочку и положил под елку. Нина, сидя на полу около елки, рассматривала маленькие свертки:

– «Ниночке», «Володеньке»... Так, что у меня тут?

В ее сверточке оказалась маленькая куколка с набором одежды. Володя открыл свой.

– Ты у нас умница, Володя, так я тебе такую игру купил – как китайская головоломка, что ли... там и одному можно играть, и вдвоем, – сказал Арсений Васильевич.

– Спасибо большое!

– А в больших свертках что?

– А там от меня, – сказала тетя Лида, – доставай аккуратно, Ниночка – там пироги. С клубникой сейчас съедим, а с творожком Володя домой возьмет.

Володя смутился:

– Спасибо... так неловко!

– Что же неловко? – улыбнулась тетя Лида.

– А тут еще свертки! – крикнула Нина, – кому это?

– Это тебе, Нина, – сказал Володя, – ну, или всем... не знаю.

Нина открыла коробочку, оттуда выпала длинная лента.

– Это фильма, Нина, я нарисовал, – объяснил Володя.

– По Пушкину?

– Нет, это Чарская. Про Миру, помнишь?

Нина растерянно смотрела на мальчика:

– Ты мне такую фильму сделал?

– Да. Я потом покажу ее, через волшебный фонарь. Ну, или без меня посмотрите.

– Да как же без тебя! А давайте сейчас и смотреть? Мне очень хочется, – сказал Арсений Васильевич.

– И мне! – хором сказали Нина и тетя Лида.

Через несколько дней настал тысяча девятьсот семнадцатый год. На все каникулы Нина уехала в Галич – отец хотел проверить, в каком состоянии дом, повидать старых друзей, подышать воздухом.

Дом в Галиче был небольшой, но удобный. Арсений Васильевич сдавал его бездетной паре, когда приезжал, останавливался тут же в свободной комнате.

Сразу началась круговерть рождественских каникул. У Нины в Галиче была целая куча подружек – к каждой надо было забежать, пообедать, посидеть. Арсений Васильевич тоже собирался ходить в гости, и в первое же утро они взяли бумагу и расписали – куда и когда пойдут. Иногда расписание сбивалось – вдруг не хотелось идти в гости, Арсений Васильевич и Нина брали санки и шли кататься на валы, или просто сидели дома, пили чай, разговаривали или спали.

Как-то раз, возвращаясь от подружки, Нина заметила, что за ней идет высокий мальчик. Она остановилась и помахала ему рукой:

– Здравствуйте! Почему вы за мной идете?

– Мне кажется, я вас знаю, – смущенно улыбнулся мальчик, – вы же Нина, дочка Арсения Васильевича?

– Да, – улыбнулась Нина в ответ, – а вы?

– Я Алеша Иконников. Вы, наверное, меня не помните.

– Нет, – рассмеялась Нина, – простите, но совсем нет.

– Ваша мама дружила с моим отцом, – сказал мальчик, – мой папа – инженер здесь на заводе, а раньше работал в Петрограде, тогда еще Петербурге. Когда-то давно вы с вашим отцом приходили к нам в гости.

Нина задумчиво покачала головой:

– Не помню... Но это неважно, я буду рада снова начать наше знакомство. Вы тут так и живете?

– Да. А вы приехали на каникулы?

– Да. Вы спешите? Если нет, пойдите к нам – повидаетесь с папой.

– Даже не знаю. Удобно ли это?

– Конечно, почему нет?

Арсений Васильевич Алешу сразу узнал:

– Алешенька, мальчик! Ну, как я рад... ты вырос, да немудрено – сколько же прошло лет?

– Три, – смущенно сказал мальчик, – да, наверное, три...

– Три года? А как же я вас не помню? – удивленно сказала Нина, – мы приезжали сюда три года назад, и я точно не была у вас в гостях, и вы не приходили.

– Я был один, – перебил ее Арсений Васильевич, – зашел к Алешину отцу по делу. А ты была у них четырехлетней, поэтому и не помнишь, наверное. Ну, Алеша, расскажи, как родители, как ты, учеба?

– Папа по-прежнему служит на заводе, я в гимназии, уже в четвертом классе.

– Сколько же тебе?

– Тринадцать.

– Быстро бежит время, вот и Нине уже десять. Ну, что же? Давайте чай пить.

– Благодарю, но мне пора домой. Я не спросил позволения у папы.

– Понимаю, – кивнул Арсений Васильевич, – может быть, ты зайдешь к нам как-нибудь?

– С удовольствием, сегодня же поговорю с родителями.

– Ну вот и славно.

Алеша забежал на следующий день, сказал, что родители очень рады были бы видеть и Нину, и Арсения Васильевича, кроме того, они не возражают против того, чтобы он показал Нине Галич, покатался с ней на санках. Нина обрадовалась и собралась было в гости, но Арсе-

ний Васильевич виновато сказал, что в другой приезд непременно, а в этот раз уже не хватит времени. Нина удивилась, но спрашивать не стала.

На следующий день они с Алешей сговорились пойти кататься.

Погода стояла прекрасная – морозно, солнечно, безветренно. На валу было полным-полно детей. Накатавшись, Алеша с Ниной бежали домой, пили чай, играли в разные игры. Иногда к огромному удовольствию детей ходил кататься и Арсений Васильевич.

Каникулы закончились, Нина с Арсением Васильевичем собрались домой. Алеша пришел проводить их на вокзал.

– Мне было очень весело с вами, Нина, – сказал он серьезно.

– Мне тоже, Алеша! Может быть, вы приедете к вам в Петроград? Вы же не были там?

– Пока нет. Я спрошу у папы... А вы – когда вы приедете в Галич?

– Не знаю! Может быть, летом. Третий звонок, Алеша. Мне пора. До свидания!

Нина долго махала в окно, потом села на лавку:

– Очень хороший, – сообщила она отцу, – тебе тоже нравится?

– Да, хороший мальчик.

– А почему мы не пошли к ним в гости?

– Ну... – замялся Арсений Васильевич, – как-то не сложилось.

– Да если бы ты хотел, сложилось бы, папа! – воскликнула Нина, – ты говорить не хочешь?

– Да нет, почему... Мне не очень нравится его отец.

– А откуда ты его знаешь?

– Твоя мама с ним дружила с самого детства.

– Он, наверное, был в нее влюблен, – предположила Нина.

– Был, – согласился Арсений Васильевич.

– А она вышла замуж за тебя.

– За меня. Мы встречались, когда жили в Галиче, ходили к ним в гости, они к нам, все было хорошо. А потом... Саша умерла, и он изменился. Стал другим. Жестоким... И мне как-то расхотелось с ним встречаться.

– Ясно, – кивнула Нина, – папа, а тебе кто больше нравится – Алеша или Володя?

– Какой Володя?

– Наш!

– Ах ты господи, я и забыл про него, – спохватился Арсений Васильевич, – не знаю, кто больше, мне-то не все равно? Оба хорошие.

– Мне Алешка больше, – задумчиво сказала Нина, – он... спокойный, веселый... с ним просто – гуляй, катайся... Только...

– Что?

– По Алеше я скучать не буду. А Володя... как он там, папа?

– Да хорошо, что ему сделается?

– Скорее бы приехать! – сказала Нина.

Нина стояла около лавки. Володя подбежал:

– Ты гулять?

– Нет, мы с папой только от его подруги вернулись. Помнишь – от Таисии Николаевны. Папа новые варежки мне подарил. Красиво?

Нина была одета в белую шубку, белую шапочку, белые варежки с синей звездочкой.

– Нарочно перед гостями. Варежки хорошо, да только как в гостях скучно было!

– Скучно?

– Ужасно! Все про войну, да про волнения, да про рабочих... Даже папа – и то заладил: что-то будет, что-то будет... мне альбом дали с карточками, я его десять раз пересмотрела. Потом пошла пирогов поела, а они все о своем! Потом с катка сын Таисии Николаевны вернулся – Миша, ему четырнадцать лет, ну, ты его помнишь, наверное. Я обрадовалась, думала, мы с ним поиграем или порисуем, он сначала лото достал, домино, а потом тоже начал – вот у них в гимназии комитет хотят создать, вот у них там партия... господи! Я чуть с тоски не умерла! Мне в прошлый раз так с ним понравилось, он веселый, красивый! Мы с ним даже как-то на катке были – я тебе говорила?

Володя нахмурился:

– На катке? Нет.

– Ну вот. Папа с его мамой дружит, отца у него нет – умер, как и моя мама. Мы теперь часто у них бываем, он умный, тоже читает очень много, как и ты. А ты знаешь – у него уже борода растет немного и усы.

Володе совсем не хотелось слушать про красивого и умного Мишу, которому целых четырнадцать лет и у которого уже растут усы и борода. И он угрюмо сказал:

– Мне домой пора.

– Жалко, – вздохнула Нина, – ну ничего, я сейчас чай с пирожными буду пить. Папа целую коробку принес. Ты не хочешь? Пошли со мной?

Володя заколебался. Арсений Васильевич толк в пирожных понимал и всегда приносил домой самые вкусные. Он нерешительно пошел за Ниной. Дома она принялась накрывать на стол.

– Так вот, и Миша...

Володя вспыхнул:

– Я пойду домой! Не буду пирожных.

– Ну как хочешь, – согласилась Нина, – я только договорю, и ты пойдешь. Я что сказать хотела – Миша умный, конечно, но иногда смешной. Мне раньше с ним так весело было, а все равно всего веселее с тобой. Я вчера о тебе целый вечер думала! Хорошо все-таки, что мы с тобой подружились. Ну что, пойдешь домой? Или пирожное все-таки? Тут и трубочки с белым кремом есть, как ты любишь.

Арсений Васильевич вернулся, как и обещал, через два часа. Детей он застал за столом – Нина зевала над Володиной игрой, а он старательно объяснял ей, почему ходить так, как она, нельзя:

– Ты просто сразу подсказываешь мне, какая у меня цифра!

– Играете?

– Он в лото не хочет! – пожаловалась Нина.

– Ну Нина, мы же шесть раз в лото играли! – сказал Володя.

На столе стояла пустая коробка из-под пирожных. Арсений Васильевич усмехнулся:

– Вкусные?

– Ой, мы все съели! – воскликнул Володя, – и вам не оставили, Арсений Васильевич...

Это я виноват – задумался и все съел...

– Ничего не все ты, – отозвалась Нина, – мы пополам... ты тоже хотел, папа?

– Нет, Ниночка, ты знаешь, я сладкого мало ем... Володенька, уже поздно, тебя дома не хватятся?

– Ой! – опомнился мальчик, – мне уже давно пора... Я побегу, Нина, Арсений Васильевич.

Володя выскочил за дверь. Дома сегодня ждали в гости Нильсона, он, конечно, уже пришел... если уже не ушел! Как он мог так забыть про время?

Дома было тихо. Володя разочарованно вздохнул. Если Нильсон и был, то уже ушел. Володя открыл дверь в гостиную. Мама с отцом сидели за маленьким столиком, пили кофе.

- Вернулся? – спросил отец, оборачиваясь к сыну.
- Да... Извините, что я поздно! Нильсон ушел уже?
- Ушел. Он недолго был. Ну, а ты как? Весело было у Нины? – спросила мама.
- Да, мы играли.
- Ужинали?
- Пили чай с пирожными.
- Ну хорошо.

Володя сел в глубокое кресло. Мама с отцом продолжали разговаривать.

- Зря он так, – задумчиво сказал отец.
- А как надо? Ты что, боишься их?
- В какой-то мере, – серьезно сказал отец, – и на месте Микаэля я бы поостерегся.
- Но он совершенно прав! – возмущенно сказала мама, – какие собрания? Какие комитеты? Он правильно разогнал эту компанию, правильно пошел к руководству...
- Как бы ему это не аукнулось, Соня.

Володя прислушался.

- Папа, мама, что-то случилось? Вы о Нильсоне?
- О Нильсоне, – рассеянно сказал отец, – ничего не случилось.
- На заводе у папы рабочие устроили собрание, а Нильсон отправил их работать, пригрозив доложить начальству. Они не послушались, и он рассказал директору.
- И правильно, – сказал Володя.

Отец встал:

- Ладно, мои дорогие, я пойду поработаю.

Володя проводил его взглядом, потом встал и подошел к столику:

- Mamочка, можно мне кофе?
 - Можно, конечно. Принеси чашку, я тебе налью. Не знала, что ты любишь кофе!
- С полной чашкой Володя сел в кресло, где только что сидел отец:
- Mamочка, похож я на папу?

Мама пригляделась:

- Даже не знаю... Ты ни на кого из нас не похож, Володя, даже не знаю, почему... Глаза голубые...

Володя улыбнулся и отпил из чашки.

- Ну что, в гимназию скоро? – сказала мама сочувственно.
- Да... Не хочется!
- Как же не хочется, Володя. Ну да ладно. Ты отдохнул за каникулы?
- Да, конечно. Весело было... Mamочка, почему папа тревожится?

Мама пожала плечами:

- Папа говорит, что время сейчас непростое.

Нина в это время весело рассказывала отцу:

- Ты, папа, зачем ему эту игру подарил? Он в нее все время играть хочет, а я не понимаю ничего! Фишки, карточки!

Арсений Васильевич улыбнулся:

- Ну, уж как-нибудь.
- Ты где был, папа?
- Да к приятелю заходил.
- Опять про скучное говорили?
- Про скучное?
- Как вчера! Что будет, что будет...
- Да правда тревожно, Ниночка... Не люблю я перемен!

- Давай чай пить? – перебила Нина.
- Давай, – согласился Арсений Васильевич.

На душе у него было беспокойно. В политике Арсений Васильевич не понимал ровным счетом ничего, но, как любой коммерсант, чувствовал какую-то опасность.

И оказался прав.

Утром Володя проснулся от встревоженных голосов. Дуняша громко говорила в коридоре:

– И вот, Софья Моисеевна, нету хлеба. Очереди уже с утра! Я уж все обегала, нигде нету. Зашла к Смирнову, у него муки купила, сама буду печь. Я печь-то не больно искусна, вы уж простите, если не получится...

– Да о чем ты говоришь, Дуня! Такие события.

Володя вышел в коридор:

– Случилось что-то, мамочка?

Мама мельком глянула на него:

– Собирайся в гимназию.

На улицах бродили толпы, около лавок и магазинов толпился народ. Володя удивленно оглядывался.

В гимназии тоже было беспокойно. Старшеклассники громко что-то обсуждали, учителя почти не делали им замечаний. Штемберг не показывался.

Дома ругалась Дуняша:

– Ну вот не умею я печь хлеб, не умею! Что это вышло такое? Хоть об стол стучи... Володенька, ты голодный пришел? А мне тебя и покормить нечем – ничего не варила, все с хлебом вожусь...

– Вы печете хлеб?

– Пеку! Одно название, что пеку, и одно название, что хлеб! Это ж уметь надо. Пирог – могу, думала, считай одно и то же... на-ко, Володенька, попробуй вот кусочек.

Володя взял еще горячий кусок хлеба, прожевал.

– Вкусно, Дунечка, очень.

– Тебе, Володя, все вкусно, такой ты непритязательный. Да и уважительный такой... еще будешь? Маслицем помазать?

Володя взял резиновый кислый хлеб с маслом и пошел к себе в комнату. Мамы дома нет, замечания никто не делает.

Раздался звонок, Володя поспешно сунул остатки хлеба в рот, облизал пальцы. Мама заглянула в комнату:

– Ты уже дома? А Эля вернулась?

– Нет еще. Мамочка, где ты была?

– Прошлась по магазинам... Анята гуляет?

– Да, наверное. Я их не видел... Мамочка, а что такое на улицах?

Мама, не расслышав, закрыла дверь. Володя достал учебники, сел за уроки. Услышав в коридоре папин голос, он выскочил в коридор:

– Папа! А ты почему так рано?

Отец мельком глянул на него:

– Из дома не выходить. Соня, пойдем поговорим.

Володя посмотрел вслед родителям и пошел к себе. Из дома не выходить... что такое с папой, даже не поздоровался!

Он потолкался по комнате, потом вышел в коридор и столкнулся с отцом.

– Папа, что случилось?

– Волнения в городе, сынок. Нет хлеба.

Володя пожал плечами. Что значит – не хлеба? Не привезли, так привезут завтра. И потом – есть мука, вот Дуняша сегодня испекла хлеб.

Отец посмотрел на него:

– Другое дело, что все это, конечно, надо менять.

– Что?

– Да ничего. Иди к себе, Володя, читай. Уроки сделал?

– Конечно, – уныло ответил мальчик и поплелся к себе.

На следующий день после уроков он заскочил в лавку. Арсений Васильевич сидел около прилавка, Николай стоял рядом и горячо говорил:

– Вот и подними цены, Арсений! Что такого? Сейчас за любые деньги муку твою купят, тебе что, денег не надо?

Арсений Васильевич молчал. Володя поздоровался, Николай повернулся:

– Володя, ты бы шел, погулял. У нас тут разговор взрослый.

– Нет у нас никакого разговора, – сказал Арсений Васильевич, вставая, – какой тут разговор? Цены установлены, ничего я менять не буду.

– Боишься?

– Отстань, – отмахнулся Арсений Васильевич, – надоел... Посмотри лучше, что там с сахаром?

Николай ушел.

– А Нина где? – спросил Володя.

– Дома. Конфету хочешь?

– Нет, спасибо, – смутился Володя.

Лавочник достал большую шоколадку:

– На, иди к Нине, чайку попейте.

Володя поблагодарил, взял шоколадку и через лавку прошел в квартиру. Нина сидела в гостиной и что-то читала.

– Володя, – обрадовалась она, – хорошо, что пришел.

– А мне Арсений Васильевич шоколадку дал и послал к тебе чай пить.

– А, давай. Ты сам можешь на стол накрыть? Мне чуть-чуть дочитать.

– Конечно...

Володя достал чашки, потрогал большой термос – огромную удобную штуку, в которой вода оставалась горячей. Нина отбросила свою книжку и села к столу.

– Как там у папы настроение?

Володя задумался:

– Да ничего, вроде. А что? Он переживает, что в городе хлеба нет?

– Нет. Из-за меня.

– А что – из-за тебя?

Нина вздохнула:

– Ох, Володя. Неловко вышло. Расскажу сейчас. Ты же помнишь, на моем дне рождения Таисия Николаевна была? И Миша?

– Помню.

– Так вот. Эта Таисия Николаевна с моей тетей Лидой – совладелицы, у них швейная мастерская, ну ты знаешь. Когда Таисия Николаевна только ее открывала, папа ей денег дал, потому что они друзья. Мы у них часто в гостях бываем. И вот Таисия Николаевна вздумала учить меня шить. Мы пришли как-то – она мне как в гимназии: Ниночка, вот тебе урок – изна-ночный шов проработать. Я сначала думала, она шутит. Пришла я в другой раз в мастерскую, к тете Лиде, а Таисия эта мне – Нина, где изнаочный шов? А я и думать забыла! Говорю, я не

делала ничего. А она нахмурилась и мне пальцем грозит: что это такое, ведь тебе задано было... Вот дожили? Задано! И говорит – чтобы к следующему разу три шва таких сделала. А сейчас садись за машинку, я тебе покажу... что показать хотела, я забыла уж, тоже шов какой-то. Я, конечно, говорю, Таисия Николаевна, я не буду ни шов изнаночный делать, и за машинку сейчас не сяду. А она – распустил тебя отец! Я развернулась и ушла, на улице тетю Лиду дождалась и ей рассказала. Ох, как она разозлилась! Мы с ней домой пришли, а там папа. Тетя Лида меня в мою комнату отправила, сказала, с папой поговорить надо. Она с ним, наверное, про Таисию Николаевну говорила, папа такой смущенный был потом и мне сказал, что Таисия Николаевна больше со мной так разговаривать не будет, а он виноват. А чем он виноват, я не поняла.

– Я тоже не понял. Давай шоколадку откроем?

Арсений Васильевич, подслушивавший под дверь, услышал про шоколадку и успокоился. От сестры ему досталось основательно:

– Это что же, каждая твоя мадам так с девочкой говорить будет? Ох, я завтра ей скажу, чтобы себя помнила!

– Лидочка! – взмолился Арсений Васильевич, – не надо, милая, я уж сам.

– Сам ты только одно можешь! Молчи! Устрою завтра дуре, на всю жизнь запомнит.

Он открыл дверь, вошел:

– Вкусная шоколадка? Ну что, ребятки? В лото поиграем?

– Я, наверное, пойду, – сказал Володя, – мама не знает, куда я пошел. А вы в воскресенье пойдете гулять?

– Мы в гости в субботу и на воскресенье там останемся, Володенька.

– А куда, папа?

– В Рыбацкое.

– Это где такое?

– Все увидишь, моя маленькая. Давай я тебя провожу, Володя, а мы поиграем, что ли.

– Нет, папа, ты мне про Рыбацкое будешь рассказывать!

Володя с удовольствием послушал бы про Рыбацкое, но на самом деле было пора домой. Как хорошо было бы поехать с ними в гости! Где это Рыбацкое, что это такое? Наверное, это какое-то село под Петроградом, значит, трамвай туда не идет. На извозчике?

В субботу Нина с утра приготовила уроки, отец приводил в порядок счета. В два часа он зашел к ней в комнату:

– Давай кушать, Ниночка, и в дорогу.

Они пообедали и стали собираться. Нина долго наряжалась – в шубке было уже жарко, она достала новое синее пальто, выбрала платье – тоже синее, с вышивкой. Отец одобрил:

– Ты у меня красавица!

Подумал и добавил:

– И умница.

Потом оглядел себя в зеркало:

– А я как?

– И ты красавец! – весело сказала Нина.

Дорога до Рыбацкого оказалась настоящим путешествием – сначала ехали на трамвае, потом взяли извозчика. Нина укрылась накидкой, а Арсений Васильевич рассказывал обо всем, что они проезжали:

– Вот Невская застава, тут рабочий район. Тут вот церковь красивая, и столовая при ней для рабочих, и клуб... А вот сейчас – смотри, Ниночка – будет церковь, знаешь как в народе называется? Кулич и пасха.

– Правда, похоже! – удивилась Нина.

Вокруг стояли двухэтажные деревянные дома. Нина оглядывалась:

- Папа, на Галич похоже.
- Да, есть немного... Завтра тут погулять сможем, я тебе памятник покажу, расскажу.
- А мы к кому едем-то?
- Товарищ у меня тут, – сказал Арсений Васильевич и покраснел.

Наконец извозчик остановился у двухэтажного нового дома. На крыльце стоял высокий мужчина:

- Арсюшка! Мы заждались уж. Ты что не с утра?
- Дела разные, – сказал Арсений Васильевич, доставая деньги.

Мужчина сбежал с крыльца:

- Оставь-ка. Я пригласил, я и плачу.
- Ну вот еще...
- Не возражай, не возражай! Иди в дом, а то девочка замерзла небось...
- Я не замерзла, – сказала Нина и улыбнулась.

Мужчина улыбнулся в ответ:

– Отец твой говорил, что ты красавица, а сейчас и сам я вижу. Меня Федор Алексеевич зовут. Проходи!

Нина с отцом поднялись на крыльцо, сняли пальто и прошли через коридор в большую столовую.

У круглого стола сидела женщина. Услышав звук открываемой двери, она встала. Арсений Васильевич улыбнулся:

- Здравствуй, Варя.
- Здравствуй! – обрадованно сказала женщина, – здравствуйте... проходите! Замерзли с дороги?

– Вот моя дочка.

– Ниночка, давно хотела с тобой познакомиться. Я Варвара Степановна, а то и просто тетей Варей можешь звать.

Нина улыбнулась:

– Мне очень приятно.

Вошел Федор:

– Варвара, давай уж на стол подавай. Гости голодные!

Варвара кивнула и вышла, через несколько минут вошла горничная, стала накрывать.

На столе были в основном рыбные блюда – уха, рыба с хреном, пирог с рыбой, жареная рыба с картошкой. Арсений Васильевич засмеялся:

– Слушайте, а вам мяса не хочется?

– Хочется – покупаем, – улыбнулся Федор, – а вас решили рыбкой покормить. Свежая – только поймали!

– А, я поняла! – сказала Нина, – вы рыбак. И живете в Рыбацком!

– Да.

Еда была вкусная, Нина наелась от души. Потом был чай из самовара и большой пирог – теперь уже с вареньем.

Нина чувствовала, что слипаются глаза. Спать хотелось ужасно, и она боялась заснуть. Отец нагнулся:

- Ты засыпаешь, моя девочка? Варя, как бы нам Нину на кроватку устроить?
- Сейчас, Арсений!

Варвара взяла Нину за руку:

– Пойдем, деточка.

В маленькой спальне стояла высокая кровать с кучей подушек.

– Раздевайся, деточка. У тебя и рубашечка с собой? А то я приготовила. Постелька свеженькая – белье в реке полоскали, в саду на морозе висело, аж хрустело, как стелила... оде-

яльце, Арсений сказывал, ты легкое любишь? Вот тебе такое дам, а рядом на стуле – теплое и вот покрывало еще. Ниночка, что надо будет – стукни в стенку, я приду сразу. Ты темноты-то не боишься? Оставить лампу тебе или свечку?

– Нет, ничего не боюсь.

– Ну спи, моя маленькая. Посидеть с тобой?

– Посидите. А вы как рыбу ловите?

– Артель у мужа моего. Ловим, продаем.

– А Нева рядом?

– Завтра выйдешь – и сразу спустишься. Ты вот к нам зимой приехала, а еще приезжай весной, летом. У нас тут ведь село, не город. Отпрошу тебя у Арсения у нас пожить, отдохнешь, побегашь, я тебе место покажу, где купаться можно. У тебя совсем глазки закрываются, Нина. Спи, дитяtko, спи, доченька. Дай перекрещу...

Нина проснулась от тихих голосов. Дверь в столовую была приоткрыта.

– Ты, Арсюшка, думать не хочешь, а я бы задумался. Это я рыбак, ничего другого не умею, и паспорта нет, никогда нигде не бывал – вот только на Ладого да на Волхове... А ты? Путешествовать, как сам говоришь, любишь, немецкий знаешь, какой еще? Торговать все едино где.

– Рыбачить тоже везде можно, паспорт получить не штука. Если ты боишься, так тебе всяко проще – ты да Варя. А у меня? Девочка в гимназии, у Лиды мастерская, да мы тут еще с ней чайную открыли – на Песках. Если б и хотел – все собрать и переехать... Тебе проще.

– Варьке не напоминай.

– Да боже меня сохрани, Федя. А... так и ничего?

– Ничего. Я тебе соврал – что не были нигде. Ведь как ловля заканчивается, так мы – по монастырям, по источникам, по лекарям. Где только не были! Я не больно богомольный, а весь лоб себе в церквях истучал. Эх... дом какой, она хозяйка сам знаешь, добрая, ласковая... ты, Арсений, вдовец, а все равно счастливый.

– Счастливый, – согласился Арсений Васильевич, – да если бы не Нина, я бы тогда следом за Сашей.

– Грешно так говорить! – послышался женский голос.

– Грешно, не грешно, а если правда?

– А нам тогда что делать?

– Федя, Варя, – нерешительно заговорил отец, – а вы взять ребеночка не хотите? Ведь в приютах есть сиротки, и постарше, и совсем малыши.

– Я вот говорю Варьке про это, – оживился Федор, – а она...

– А почему нет, Варя?

– Не знаю, Арсений. Вернее, знаю, объяснить смогу ли... ты вот за Нину свою на любое дело пойдешь, жизнь отдашь не задумавшись. А за чужого ребенка?

– Да как же он чужой? Если при тебе вырастет?

– А все-таки? Ты бы – смог чужого любить? Вот так, чтобы на всю жизнь?

– Начиталась ты, Варька, – недовольно сказал Федор, – «жизнь отдать»... тем жизнь и отдают, что растят, ночей не спят.

– Чужого полюбить... – задумчиво сказал Арсений Васильевич, – не знаю, Варя. Наверное, смог бы. Смог бы, да.

– А я боюсь не полюбить, Арсений.

– Ну, тогда бойся, – сердито сказал отец, – ездите по богомольям.

Варя всхлипнула. Шаркнул стул, хлопнула дверь. Федор шумно вздохнул:

– Вот и поговорили...

– Это я виноват.

– Ничего ты не виноват. Может, к тебе прислушается – по старой-то памяти.

– Какая там уж память...

– Такая, Арсений... Пойдем спать? Тебе вот там, в боковой комнате постелено.

– Пойдем.

Следующий раз Нина проснулась уже утром. Она встала, подошла к окошку и ахнула – прямо перед ней, за небольшим заснеженным садом, лежала покрытая льдом Нева. Девочка застыла у окна. А какая тут красота весной и летом, подумала она радостно. Варвара Степановна приглашала – обязательно надо будет приехать.

Варя как раз входила в комнату:

– Ты проснулась, доченька! А что ж босиком? Вот тебе я тапочки подам... ой, ножка-то маленькая! Ну ничего... чаек пойдем пить? Завтрак я накрыла, все готово.

– А папа встал?

– Встал давно, с Федором ушли погулять. Мужчины отдельно, а мы с тобой уж тут.

– А папа со мной гулять хотел!

– И с тобой потом ходит – перед обедом-то.

Нина кивнула, быстро оделась, заплела косы и вышла в столовую. Стол снова ломился от яств.

– Я, пока у вас в гостях, растолстею! – весело сказала она.

– Да где тебе толстеть – стройная такая. Садись поближе к печке? Не замерзла ночью? Я несколько раз зашла, смотрела, не раскинулась ли?

– Я не мерзну. У нас дома прохладно, папа жары не любит.

– Вот и морозит девчонку!

– Я тоже жары не люблю. Мы раньше даже в Крым ездили в сентябре. А теперь вот гимназия...

– Хорошо учишься?

– Чаще хорошо, вот математику не понимаю. Я читать люблю.

– А что ж Арсений математику не объяснит?

– Папа сам не понимает. Он же так, в уме видит, не считает... я не понимаю, как он так. Я ему говорю – задача из трех действий. А он мне – как из трех? И ответ мне говорит. Три-то зачем, спрашивает.

– Это он всегда таким был, – засмеялась Варя.

– А вы давно знакомы? Мне папа про вас не рассказывал.

– Давно, Ниночка. Еще до того, как папа на маме твоей женился. Я ведь на Песках жила, а папа в магазине торговал – на Мытнинской. Я к нему за покупками ходила.

– А Федор Алексеевич?

– А с ним-то мы уж потом познакомились – и папа твой, и я.

– А маму вы знали?

– Знала, как же. Она при читальне кружок вела, вот я туда ходила. С папой твоим.

– Ясно, – сказала Нина и занялась пирогом.

– А уж потом мы с Федором познакомились, – продолжила Варя.

– А где?

– Да в том же магазине. Там хозяин рыбный отдел открыл, с другого входа, Федор к нему приехал договариваться. Тут меня и увидел. А как отец твой женился, так и я замуж вышла.

– Очень вкусный пирог! – сказала Нина, – я тоже печь немного умею, но у меня так вкусно не получается.

– А ты любишь готовить?

– Люблю! У меня тетя Лида, мы с ней всегда готовим. А вы и тетю Лиду знаете?

– Нет, о ней слышала только. А хочешь – мы с тобой пирог испечем?

– Хочу!

– Тогда допивай чай и пойдем.

На большой кухне Нина огляделась:

– Я такую печь и не видела никогда!

– Так ты в квартире живешь!

– А дом в Галиче? И в Городишне – это откуда дедушка был родом? Нет, я деревенские дома видела, но тут просто огромная печка!

– Туда много можно что поставить. Ну, давай пирог делать. Вот тесто у меня уж подошло, я с утра ставила, а рыбу разделаем. Умеешь?

– Нет... никогда не делала. Как?

– Ну вот смотри.

На небольшом столе в углу лежала огромная рыба, жабры слабо шевелились. Нина боязливо подошла:

– Зубы какие...

– Это щука, с ней самый лучший пирог. Ну, смотри. Вот берем нож, взрезаем...

Нож вонзился в рыбье брюхо, хлынула какая-то жидкость – то ли кровь, то ли вода. Жабры стали шевелиться чаще.

Она что, живая? Нина с ужасом смотрела на нож в ловких руках Вари. Та доставала из живота рыбы и кидала на стол какие-то ошметки.

Нина почувствовала, что темнеет в глазах, а к горлу подступает тошнота. На ослабевших ногах она отошла от стола и прислонилась к стене.

– А ты что отошла? Ниночка!

Нина сползла по стенке.

Очнулась она в столовой, на диване. Варя обтирала ей лицо мокрым полотенцем, рядом стояла горничная, махала руками.

– Ниночка! Ну как ты? Очнулась?

Нина потрясла головой. В глазах снова потемнело.

– Где папа?

– Не знаю, Ниночка, гуляют где-то!

Нина отвернулась:

– Я поплюю.

Варя укрыла ее одеялом, занавесила окна, села рядом, шепотом говоря горничной:

– Иди уж готовь – я рядом посижу.

Нина проснулась от прикосновения прохладной руки. Отец стоял на коленях около дивана:

– Маленькая моя, что ж такое?

Нина потянулась к нему:

– Она как будто живая была...

– Нет, Ниночка, не живая. У рыб просто долго жабры шевелятся, а так она не чувствовала ничего, что ты.

– Точно?

– Конечно, кто ж живую рыбу чистить будет...

– Я никогда рыбу готовить не буду. Ты, если рыбы захочешь, в ресторан иди.

– Как скажешь, Ниночка. Ты как? Домой поедем? Или погулять сходим, на обед останемся?

– Останемся, – решила Нина, – давай сейчас гулять пойдем?

– Давай. У них санки финские, я тебя покатаю.

Федор и Варя, встревоженные, стояли в дверях:

– Как ты, девочка? – спросил Федор.

– Хорошо, – улыбнулась Нина, – оказалось, что я неженка, рыбу боюсь чистить! А хваталась – что сама готовлю!

– Ну хоть ладно, от сердца отлегло. Идите погуляйте, Арсений, покажи ей памятник, да сети, может...

На воздухе Нине сразу стало лучше. Она села на санки, и отец покатил ее по берегу.

– Вот памятник, Нина, смотри: Петр Первый велел поставить жителям Рыбацкого за то, что они в войне со шведами помогли. А вот там – не так и далеко – Ижорская битва была, но это раньше.

– Папа, почему у них детей нет?

– Не знаю, кто ж такое знает.

– Я ночью разговор слышала. Правда, почему они взять ребеночка не хотят? Тетя Варя меня доченькой зовет, а так была бы у нее своя.

– Ну, это им решать. Я тоже так считаю, что надо бы взять. Замерзла ты?

– Немного, давай на лед спустимся?

– Давай, только далеко не пойдем.

Они побродили по льду, немного поиграли в снежки, потом вернулись домой. Нина попробовала прокатить отца на санках, но уехали недолго – оказалось тяжело. Арсений Васильевич расстроился:

– А все Варька вчера – съешь еще кусочек да съешь... вот и наелся.

Домой вернулись к обеду. Варя скорее усадила Нину:

– Я тебе суп с грибами сварила – может, рыбного-то не захочешь?

Нина засмеялась:

– Я все попробую – все прошло уже, не бойтесь!

– И тебе, Арсений, и грибного, и рыбного...

– Ну уж нет! – решительно отказался отец, – я и так у тебя тут растолстел, вон, жилет не застегивается...

На второе была картошка с запеченным мясом, на десерт Варя принесла маленькие круглые пирожки с малиной. Арсений Васильевич присмирел и тихонько спросил Нину:

– А пуговицы чуть переставить можно?

Нина кивнула.

После обеда гости стали собираться домой. У крыльца уже стоял извозчик, Варя ставила в санки большую корзину с гостинцами. Федор протянул Нине большой сверток:

– А это тебе от нас – от рыбаков!

Нина развернула бумагу – и увидела огромную шоколадную рыбку.

– Вот это да! – воскликнула она, – это же сколько есть!

– Ты ешь скорее и приезжай снова – опять тебе такую из Невы выловим.

Нина засмеялась.

Снова мелькали деревянные домики Рыбацкого. Отец обнял Нину:

– Не мерзнешь?

– Нет. Почему мы раньше к ним не ездили? И они к нам?

– Да как-то не знаю, Ниночка. Давно не виделись, а тут случайно Федора в городе встретил, поговорили... ну вот и позвал.

– Еще поедem к ним?

– Поедем. Только ты уж в обморок больше не падай, я чуть с ума не сошел.

– Да это из-за рыбы все! Мы потом на трамвай?

– Нет уж, до дома на извозчике поедem.

Дома Нина устроила рыбу на холод, разобрала гостинцы. Она чувствовала себя усталой и разбитой.

– Папа, я что-то не очень, – сказала она, – я, пожалуй, спать пойду.

– Что такое, Ниночка, еще ж восьми нет! – перепугался отец, – дай-ка голову потрогаю, да не сбегать ли мне за доктором?

– Да не надо, папа!

Она ушла в свою комнату, стала переодеваться, остановилась, бросилась обратно:

– Папа! Нет, не входи. Мне завтра тетю Лиду надо.

– Хорошо, доченька, хочешь – сейчас вызовем?

– Нет. Спокойной ночи!

На следующий день Арсений Васильевич на извозчике ехал к сестре. Все мысли были заняты исключительно дочерью, и он, хоть и замечал скопление народу и общую взволнованность, внимание на это не обратил.

Улицы были полны народа – люди празднично бродили, что-то пели, переговаривались. У многих на груди висели красные банты.

– Свобода!

В гимназии тоже случилась революция – старшие собрали всех в актовом зале, парень из выпускного класса взобрался на сцену и сказал, что отныне – свобода, директора свергли, теперь самоуправление и демократия. Штемберг постоял в дверях, посмотрел на происходящее, потом повернулся и ушел. Старшие еще покричали и разошлись по домам. Около вокзала Володя немного потолкался в толпе, потом побежал домой.

Главное – что в гимназии тоже революция и свобода. Кончилась муштра, кончились несправедливые нападки преподавателей, инспектора и директора.

Счастливый Володя ворвался в дом. Сестра сидела в гостиной и читала. Володя бросился к ней, обнял и расцеловал:

– Элька, знаешь, что у нас было? Я тебе сейчас все расскажу! У нас директора свергли! А где мама? А папа еще не пришел? Мне столько надо рассказать, столько всего случилось!

Эля удивленно посмотрела на обычно сдержанного, замкнутого брата.

– Директора свергли? Что ты болтаешь?

– Я не болтаю, правда – свергли. У нас теперь будет самоуправление, никаких инспекторов, никого не будут оставлять после уроков без обеда! Все! Мы теперь свободные!

Эля вздохнула.

– Опять какая-то глупость, Володя. Вот погоди – придет папа, он с тобой поговорит.

Радость Володи угасла. Отец к дисциплине относился очень строго и, казалось, только приветствовал, когда строптивого сына оставляли в школе после уроков или задавали переписать тетрадь. Он всегда пресекал Володины жалобы на учителей:

– Если ты умнее – встань на их место. А пока ты гимназист, недоучка, мальчишка. Поэтому изволь слушать и делать, что тебе говорят.

Но, может быть, и папа теперь поймет? Ведь революция! Свобода!

Вернулась мама, и Володя бросился рассказывать, что произошло в гимназии. Мама выслушала и кивнула:

– Да, интересно.

Настроение мальчика снова поднялось. После обеда он ушел в свою комнату и принялся играть в свержение директора. За каждого участника сегодняшнего собрания он сказал речь, а потом, шаркая ногами, шел к дверям, изображая изгнанного Штемберга.

Заигравшись, он не расслышал звонка в передней. И только потом, когда хлопнула входная дверь, он понял, что вернулся отец.

Володя остановился у дверей и стал напряженно прислушиваться. В каком настроении пришел папа? В эти дни и без того нелегкий его характер совсем испортился, бывало так, что Володя, выскочив ему навстречу и увидев раздраженное, мрачное лицо, тихонько здоровался и быстро уходил к себе. Ничего хорошего от революции отец не ждал:

– И в чем же выражается эта свобода?

Отец прошел по коридору. Володя не узнавал его шаги. Обычно отец проходил бодро и энергично, что-то громко говоря по дороге. Теперь же он шел как старик, волоча ноги.

Подождав немного, Володя тихонько вышел в коридор. Остановившись около дверей в гостиную, он хотел было войти, но тут услышал дрожащий голос матери:

– И что же теперь будет?

Отец глухо ответил:

– Я не знаю, Соня.

Володя замер у дверей. Отец откашлялся и снова тихо заговорил:

– Вы не представляете... что они кричали. Что я кровопийца и палач. Что я заодно с теми, кто их мучил. Что теперь будет самоуправление и они прекрасно обойдутся без главного инженера. Нет, вы только подумайте – я их мучил! Когда я напомнил, что только благодаря мне не выгнали трех рабочих за пьянство, они... они кричали мне – заткнись, кровосос, убирайся, прошло твоё время... Не вытолкали только потому, что я сам ушел.

Володя, потрясенный, застыл у дверей. Он толком ничего не понимал. Решившись, он тихонько вошел в гостиную.

– Здравствуй, папа.

Отец повернулся, невидяще посмотрел на сына и продолжил:

– И самое страшное, Соня, что это повсюду. Комитеты, самоуправления, депутаты, парламентарии...

– У Володи сегодня директора свергли в гимназии, – вставила Эля.

Отец криво усмехнулся.

– И кто гимназией будет управлять? Володя?

Володя вдруг почувствовал жгучую обиду. Зачем отец так говорит? И, толком не понимая, что он говорит, он выкрикнул:

– А может, и я! Потому что свобода! И революция! А если тебя выгнали с завода, то ты плохо... ты... с рабочими... ты за режим!

Отец резко встал и сделал шаг к сыну:

– Молчать!

Володя не понял, почему огнем вспыхнула правая щека. Поднеся руку к лицу, он недоумевающе посмотрел на отца.

– Пошел вон, – брезгливо бросил тот.

Володя бросился прочь.

Весь вечер Володя просидел в своей комнате. Из гостиной слышались голоса, но он не прислушивался.

Обида точила его, не давая успокоиться. Но к этой обиде примешивалось что-то еще, что Володя сам не мог себе объяснить. Каким уставшим, погасшим, непривычным был отец. Что там говорили рабочие – убирайся, прошло твоё время? Папа – мучил рабочих? Да, он дома он требовательный, строгий, наверное, такой и на заводе, но он никого не мучает.

Вечером Володя подошел к отцовскому кабинету и постучал. Услышав глухое «да», он вошел и остановился на пороге.

– Спокойной ночи, папа.

– Спокойной ночи.

Мальчик повернулся, чтобы выйти, но остановился. Немыслимо было вот так уйти, оставив отца и не выяснив того, что так мучило.

Отец поднял голову.

– Ты что-то хотел?

Володя помолчал. Наконец он решился.

– Да. Папа... я хочу попросить у тебя прощения.

Яков Моисеевич удивленно поднял голову. Заставить сына извиняться было практически невозможно.

– За что?

– Я тебя обидел.

Инженер горько усмехнулся.

– Ну так революция же... свобода. Все говорят что хотят, делают, что хотят.

– Папа, не надо так, – попросил Володя, – я не понимаю. Правда не понимаю. Ты знаешь, директор... он же нас грыз! Если пуговица оторвалась – неделю остаешься час после уроков! Если опоздал хоть на минутку – в журнал записывают! А мы ведь тоже люди! Маленькие, но тоже люди, папа!

Альберг серьезно посмотрел на сына.

– Ну хорошо, а что теперь? Теперь ты будешь ходить без пуговиц и опаздывать на уроки? В этом твоя свобода?

Володя молчал. То, что казалось таким ясным на собрании, сейчас выглядело ерундой.

– Что вас не устраивало? – продолжал отец, – ты учишься в одной из лучших гимназий города. Тебе не нравится, как тебя учат? У тебя плохие педагоги? Чем провинился перед тобой директор? Тем, что требовал приходить вовремя и в подобающем виде? Ты за это требовал его свержения?

Отец встал и прошел по кабинету.

– Я тоже требовал дисциплины. Я требовал хорошей работы. Я отстранял от работы пьяных и бездельников. Штрафовал. И даже выгонял их. Да, да! Завод – это не игрушка. Без дисциплины, рабочей дисциплины – никуда! Иначе будут травмы, несчастные случаи, а и нет, так в любом случае упадет производительность труда и тогда у рабочих понизится заработная плата... то же самое в гимназии. Если ты опоздаешь на урок хоть на пять минут, то ты потеряешь то, что выучили в классе за эти минуты, да еще и навредишь своим товарищам тем, что отвлечешь их... Хотя зачем я все это говорю? Ты что, сам этого не понимаешь?

– Понимаю, – прошептал Володя.

– Ну вот. Понимаешь. Тогда о чем наш разговор?

Володя молчал.

– Послушай еще. Ты извинился, и я тебя прощаю. Но и я хочу попросить у тебя прощения, что тебя ударил. Я сорвался, прости. А ты же еще совсем маленький... Но я прошу тебя, Володя, очень прошу – думай. Пожалуйста, думай!

Володя подошел к отцу:

– Папа... а почему ты не сказал им этого на заводе? То, что сказал мне? Это же понятно, папа!

Инженер усмехнулся:

– Они не услышат. Ну все, иди спать, сынок.

Володя несмело подошел ближе. Отец встал и обнял его.

Прижимаясь к отцу, Володя тихо спросил:

– Что ты теперь будешь делать?

– Посмотрим. Иди спать.

В детской Володю ждала мама. Не дожидаясь ее вопросов, Володя быстро сказал:

– Я извинился. Я был неправ. И ты прости меня, мама.

Мама вытерла слезы:

– Я так боюсь, что теперь будет, Володенька.

Володя сел рядом:

– Не бойся, мамочка. Я всегда буду тебя защищать. От всех, от всего!

Мама улыбнулась:

– Спасибо, сыночек. Надеюсь, защищать меня не придется. Что там у вас в гимназии?

Володя задумался, потом заговорил:

– Знаешь, мамочка? Какая-то глупость. Правда, глупость. Папа все правильно сказал.

– Не обижаешься?

– Что стукнул меня? Нет, уже нет. Он просто устал. Мамочка, давай не будем говорить про гимназию? Давай про лето? Куда мы поедем, мамочка?

– Ох, Володя, не знаю! На дачу...

– А в Берлин?

– Это вряд ли.

– Ну вот, – расстроился Володя, – в том году не ездили, и в этом тоже! Когда же все это кончится!

Скоро пришло известие – царь отрекся от престола. Это обсуждали всюду – в гимназии, дома, в лавке Арсения Васильевича. Нина тоже переживала:

– Володя, а тебе жалко царя?

– Что?

– Ну, царя тебе жалко?

Володя неуверенно улыбнулся:

– Царя? Да нет...

– А мне жалко. Немного. Я раньше в журналах любила смотреть портреты. Особенно цесаревича... красивый, правда?

Володя удивленно покачал головой:

– Красивый? Да не знаю. Обычный... он болеет, ты знаешь?

– Да, папа рассказывал, у него какая-то страшная болезнь, что ему даже оцарапаться нельзя. Бедный... мне так его жалко!

Володя озадаченно смотрел на Нину. Жалко царя, цесаревича... о чем она говорит? Царя свергли, теперь Временное правительство, теперь... что теперь? Дома обо всем этом говорили много, иногда Володя прислушивался, но мало что понимал. После того разговора с отцом все стало еще непонятнее. Толпы народа на улицах, веселье Нильсона, мрачное молчание отца, беспокойство мамы...

Нина тем временем продолжала:

– Если он болеет... раньше он жил во дворце, а теперь где живет? Где они теперь? И как они будут жить?

– Не знаю. Как все, наверное. В квартире или в доме.

– А врач... когда он был царевичем, у него были лучшие врачи. А сейчас?

– Слушай, не хочу я про него думать! – вдруг вспыхнул Володя, – это все из-за царя – и война, и то, что народ бедно жил! Если бы царь был хороший, то революции бы не случилось, понятно! Ты что, за то, чтобы все было так, как прежде?

– Не кричи на меня!

– А ты глупости не говори!

– Знаешь что? Иди один гуляй и кораблики пускай. Вообще не хочу с тобой разговаривать, понял?

– Да пожалуйста!

Нина развернулась и побежала к дому. Володя пошел в другую сторону. Царя ей жалко!

Нина прибежала домой. Отец был в лавке.

– Ты что такая? – удивился он.

– С Володей поссорилась, – угрюмо ответила Нина.

– Ну, помирись, – рассеянно ответил Арсений Васильевич, – помирись... ты домой сейчас?

Нина обиженно вышла. С этой дурацкой революцией все стали какие-то не такие!

Арсений Васильевич спохватился и побежал за дочкой:

– Ниночка! Ты только не обижайся – не до тебя сейчас.

– Как это не до меня?

– Ну вот так... не нравится мне время, все не нравится!

– А тебе царя жалко?

– Мне себя жалко, – сердито признался Арсений Васильевич, – только чайную завел, только тут торговля наладилась – и на тебе... а ты с Володей-то из-за чего поссорилась?

– Так вот из-за царя!

Арсений Васильевич с трудом удержался от смеха.

– Даже не из-за царя, а из-за цесаревича, – продолжила Нина, – мне его жалко... Он же просто мальчик! Ты знаешь – он всего на два года нас старше. Ему тринадцать лет, значит....

Она задумалась и села к столу.

– Знаешь, папа, о чем я думаю?

– О чем?

– Вот он же всегда думал и знал, что будет царем... а теперь он царем не будет. Думаем одно – а получается другое!

– Ну, так всегда, – пожал плечами Арсений Васильевич, – что будет – никто же не знает...

– Почему?

– Ну как почему? То война, то болезни. Я вот думал, что с мамой твоей всю жизнь жить буду, детей будет много, умрем в один день, как в сказке. И что вышло?

Нина кивнула головой:

– Да...

– Но это ничего, Ниночка. Если все наперед знать – так оно тоже...

– Папа, а ты счастливый?

– Да.

– А без мамы?

– Она же была у меня. И ты есть.

– Все равно мне царя жалко, – решительно сказала Нина.

– Ну жалко и жалко. А Володя что?

– Он сказал, что все из-за царя было. Если бы царь хороший был – то и революции бы не было!

– Господи, и он туда же, – нахмурился Арсений Васильевич, – болтайте-ка поменьше, а?

– Сейчас свобода и все можно!

Арсений Васильевич махнул рукой:

– Ладно.

Нина ушла к себе, вытащила из ящика стола журнал с портретом царской семьи и задумалась. Красивый все-таки мальчик этот цесаревич. Красивый!

С Володей Нина помирилась на следующий день – встретила его около гимназии:

– Пойдем кораблики пускать?

– Пойдем! – обрадовался он.

Они добежали до дома.

– Нина, я домой забегу на минутку, ранец брошу и у мамы отпрошусь?

– Давай скорее!

Володя убежал. Нина достала листок бумаги, стала складывать кораблик – в кармане уже четыре, но кораблей много не бывает, они размокают быстро. Володя, наверное, принесет тот, который вырезал в прошлый раз. Будет целый флот!

Мимо, задев ее и едва не сбив с ног, проскочил человек и скрылся в лавке. Нина удивленно наклонилась, чтобы поднять упавший листок. Куда это он так торопится?

Складывая кораблик, она придумывала, как к этому человеку неожиданно пришли гости – может быть, дама, и он побежал купить вкусенького к обеду. Или, может быть, жена поручила ему купить крупы – варить кашу. Или кончился сахар, а ему хочется пить чаю?

Из лавки вышел Арсений Васильевич, за ним бежал тот самый человек. Нина бросилась отцу навстречу, но резко остановилась.

– Папа, что? – прошептала она.

Отец заметил ее:

– Ниночка, маленькая, иди домой скорее.

– Что случилось?

– Домой иди!

– Я Володю...

– Нина!

Нина нахмурилась и побежала в лавку, оттуда прошла в квартиру, сняла пальто. Что случилось? На отце лица не было. Может быть, что-то с тетей Лидой? Кто этот человек?

Нина выглянула в окно. Володя стоял около лавки. Арсений Васильевич что-то сказал ему, Володя кивнул и ушел. Нина не выдержала, снова накинула пальто и выскочила в лавку. Она хотела выбежать на улицу, но увидела отца. Он стоял около кассы и поспешно выгребал оттуда деньги.

– Папа, что ты делаешь?

– погоди, Ниночка, – отмахнулся он.

Из глубины лавки выскочил Николай:

– Арсений, что дальше делать?

– Да что делать? Ничего. Сволочи! Давай закроем, Николай, деньги возьми и домой иди.

А я туда...

– Не надо, Арсений. Убьют...

Нина вскрикнула. Арсений Васильевич повернулся:

– Ниночка! Что ж ты не дома-то...

– Что случилось, папа? – крикнула она.

– Чайную разгромили, Семена избили.

– Кто?

– Да кто... Ниночка, тебя-то куда...

– Давай я к себе ее возьму? – предложил Николай.

– Давай... Нина, оденься побыстрей и иди с Николаем.

– Папа, я с тобой!

– Нет. Ниночка, послушай меня. Делай, что я говорю? Ладно? Не до тебя сейчас. Собери быстро что там тебе надо, и уходите.

Нина сидела на диване в квартире Николая Семеновича. На ковре играл его пятилетний сын, тоже Коля. Нина немного поиграла с ним, потом села на диван и задумалась. Из кухни слышались голоса. Нина прислушалась:

– И нечего было девчонку сюда тащить! – говорила жена Николая Семеновича.

– Что значит – нечего? – негромко возражал Николай Семенович, – одну ее оставить?

– И оставить! Коля, ты вот что – деньги он тебе все отдал? Он ведь не считал поди, так ты отложи себе сколько там...

– Ты что говоришь, Даша! – повысил голос Николай Семенович.

– Что я говорю? А то и говорю – отложи! Ты сколько на него работал? Ведь не выходил из лавки этой чертовой, еще и на Охте когда служил... а он знай себе жилеты меняет да девчонку наряжает! Сколько он тебе платил? Всяко мог бы и больше!

– Перестань, Даша!

– Не перестану! Прошло его время! И правильно, что чайную разгромили! Эксплоататор! Нина решительно толкнула дверь. Дарья повернулась:

– Ты что вышла? Где тебе сидеть сказали?

Нина, не обращая на нее внимания, пристально смотрела на Николая Семеновича. Он, не выдержав ее взгляда, опустил глаза. Нина спокойно вышла в прихожую, взяла пальто, оделась. Николай Семенович выскочил за ней:

– Нина, куда ты?

Нина повернулась:

– Я пойду домой. Всего доброго.

Он схватил ее за руку. Нина нахмурилась:

– Отпустите.

Дарья выскочила следом:

– Иди, жалуйся папеньке! Если его не пристукнули еще!

Николай Семенович отпустил ее руку и повернулся к жене. Нина спустилась по лестнице. Сверху слышалась перебранка супругов.

Нина добралась до дома и вспомнила, что ключа нет. Ну ничего, не холодно, можно дождаться папу на улице. Может быть, зря она ушла? Надо было дождаться отца там, рассказать ему все? Теперь деньги, наверное, пропали. Папа говорил что-то о том, что у них есть деньги в банке, но можно ли их получить?

– Гуляешь, Нина?

Она очнулась:

– Здравствуйте, Яков Моисеевич!

Альберг улыбнулся:

– Здравствуй. А Володя где, дома?

– Не знаю. Я папу жду.

– А где он? И магазин закрыт? Все хорошо у вас?

Нина поколебалась, потом решила:

– Кажется, нет. К папе пришел человек, сказал, что чайную нашу разгромили. Папа ушел смотреть, а у меня нет ключа, потому что...

Она сбилась. Рассказывать про Николая Семеновича с женой не хотелось.

Альберг нахмурился:

– Вот как... Нина, тебе лучше к нам пойти.

– Я беспокоюсь, что папа не будет знать, где меня искать.

– Напишем ему записку, что ты у нас. Пойдем, девочка.

Прикрепив к дверям записку, они поднялась наверх. Володя выскочил навстречу отцу:

– Папа!

Увидев Нину, он смутился. Яков Моисеевич нахмурился:

– Ты бы помог гостье пальто снять. Что ты как дикий?

Володя неловко принял пальто. Вышла Софья Моисеевна:

– Ниночка?

– Соня, обедать скоро?

– Хоть сейчас, Яков, ждали тебя.

– Очень хорошо.

Нина с Володей пошли мыть руки. В ванной Володя шепотом спросил Нину:

– А ты – как с папой? Ну...

– Володя, потом расскажу, – перебила Нина, – потом, не обижайся только.

– Не буду, конечно! А где папа твой?

– Володя!

– Все, все, молчу.

За обедом было невесело. Альберг, видимо, все рассказал жене, и она, хоть и старалась быть приветливой, больше хмурилась. Нина, как обычно, держала себя спокойно-сдержанно, но внутри все кипело. После обеда Альберг сказал:

– Володя, поиграйте с Ниной.

В комнате Володи Нина села в кресло у окна. Володя растерянно подошел и встал рядом:

– Ниночка, что случилось?

Нина устало махнула рукой:

– У нас разгромили чайную. И еще...

И она рассказала Володе все, что слышала у Николая Семеновича.

– Какая негодяйка! – крикнул мальчик.

– Да... может быть, я неправильно сделала? Надо было остаться? Теперь и деньги обратно не получим.

– Хочешь, я к ним пойду и потребую деньги обратно?

Нина улыбнулась:

– Нет... папа сам разберется. Я что-то так устала, Володя... когда папа придет?

Володя сел на корточки около кресла:

– Не знаю... Нина, может быть, сбегает туда? Посмотрим, что там?

С Нины мгновенно слетела усталость.

– Пойдем! А нас выпустят?

– А почему нет? Скажем, что пойдем погуляем. У меня немного денег есть – на трамвай.

– Пойдем!

Софья Моисеевна посмотрела на них с сомнением, но гулять отпустила:

– Только, дети, где-то рядом.

– Конечно!

Они оделись и выскочили на улицу. Им повезло – почти сразу подошел нужный трамвай.

Володя улыбнулся:

– Сейчас быстро доедем и посмотрим.

Нина кивнула. Ею снова овладели сомнения – что-то не то она делает. Папа сказал – ждать, а она куда-то едет. Он придет к Николаю Семеновичу, ее там нет. Он побежит домой – и там ее нет, и у Альбергов!

Трамвайная остановка была в квартале от чайной. Дети выскочили из трамвая и побежали. Завернув за угол, они остановились.

Уютное помещение было разгромлено – разбиты витрины, около входа валялся стол, длинная скамья и кресло. На ступеньках лежали счеты. Нина глубоко вздохнула.

– Нина, постой тут? Я подойду поближе, посмотрю, там ли Арсений Васильевич? – предложил Володя.

Нина покачала головой и взяла его за руку:

– Пойдем вместе.

Они подошли ближе. Нина нерешительно поднялась по ступенькам, толкнула дверь. Она легко поддалась, и Нина вошла внутрь.

Все разбито, разгромлено. Стойка повалена, разбиты чайники, чашки – все то, что они с отцом вместе покупали... со стен сорваны картинки, с карнизом – шторы. Как тут было красиво, она сама придумывала оформление, сама выбирала посуду, и эту картинку, которая валяется на полу – вешала сама...

Володя тихо стоял рядом. Нина глубоко вздохнула, пытаясь сдержать слезы.

– Пойдем? Папы нет здесь.

Володя кивнул. Они двинулась к двери, как вдруг та приоткрылась.

На пороге появился здоровенный мужик. В чайной было полутемно, и он, прищурившись, оглядывался по сторонам. Увидев Володю с Ниной, он выхватил из-за пазухи нож. Нина вскрикнула, Володя сделал шаг вперед, закрывая ее собой.

Мужик увидел, что перед ним дети. Пожевав губами, он спрятал нож.

– Вам тут что, мелюзга? Пожиться пришли? За конфетками, за пряниками? А матка с баткой ваши где? Вот я вам сейчас покажу...

Он пьяный, поняла Нина. Пьяный, пьяный в дым, ничего не соображает, Володя схватил ее за руку и потянул назад, пытаясь закрыть собой. Мужик двинулся вперед:

– Ну-ка подойдите, сейчас я вам...

Володя оттолкнул Нину. Мужик схватил его за руку:

– Воровать? Сейчас тебя дядя Прокоп отучит...

Нина с ужасом увидела, как пьяная тварь, одной рукой держа Володю, второй замахивается и бьет его по спине. Не помня себя, она бросилась вперед и зубами вцепилась в волосатую руку.

Дядя Прокоп взвыл, отшвырнул Володю в сторону и попытался схватить Нину, но она увернулась. Мужик бросился за ней, Володя метнулся ему под ноги, и дядя Прокоп свалился, задев остатки стойки. Володя схватил Нину за руку:

– Бежим.

Они выскочили на улицу и изо всех сил помчались прочь. На Суворовском Нина остановилась, задыхаясь:

– Погоди, не могу больше...

Володя огляделся:

– Он не бежит за нами, не бойся.

Нина прислонилась к стенке дома, тяжело дыша.

– Он не задел тебя?

Нина покачала головой:

– Нет... а ты как? Больно тебе?

– Нет, совсем нет. Пройдет.

– Ты зачем меня отпихивал? Мы бы вдвоем быстрее справились, и он бы тебя не ударил.

– Что ты говоришь, Нина... я же мужчина.

Нина заплакала. Володя обнял ее за плечи:

– Ниночка, не плачь... Ну не надо...

– Мне чайную жалко, и тебя... И где папа? Может, они убили его...

Володя молча обнимал ее. Наконец Нина успокоилась:

– Пойдем... Темнеет уже. Остановка вот там.

Володя опустил голову:

– Нина, у тебя есть деньги?

– Нет. А у тебя?

– У меня только на билеты сюда были.

Нина отчаянно огляделась, потом посмотрела на часы.

– Володька, восемь часов!

– Да ты что...

– Пойдем скорее. Может быть, отсюда на Охту быстрее? У тети Лиды денег возьмем на трамвай или извозчика... а если ее дома нет? Володя, что делать?

– Пойдем домой. Если по Бассейной, а потом по Литейному и Загородному, то быстро получится.

Быстро не получилось. До дома они добрались только к девяти часам. Лавка по-прежнему была закрыта, поэтому дети поднялись к Альбергам. Володя зажмурился и позвонил, дверь открылась почти сразу же. На пороге стоял инженер.

– Вот они! – крикнул он, – Арсений Васильевич, пришли!

Арсений Васильевич выскочил в коридор.

– Нина... – прошептал он, – где же ты была, господи?

Яков Моисеевич схватил Володю за ухо:

– Где вы были?

– Мы ходили смотреть чайную, – сознался тот.

Арсений Васильевич охнул:

– Зачем? Кто позволил?

Инженер по-прежнему выкручивал Володино ухо.

– Яков Моисеевич, отпустите его! – взмолилась Нина, – это все я виновата – я упростила Володю туда пойти, я волновалась за папу...

Инженер отпустил сына.

– Это не она, это я предложил, – сказал Володя, потирая ухо.

Альберг задохнулся:

– Да что ж такое...

Нина влезла между отцом и сыном:

– Он придумывает все, это я, вы его не ругайте!

– Пойдем домой, Нина, – устало сказал Арсений Васильевич, – Яков Моисеевич, спасибо вам за все и еще раз – прошу прощения. Я сам не ожидал... простите. Нина, я думаю, потом извинится сама.

Арсений Васильевич и Нина поднялись к себе. Арсений Васильевич вошел в столовую, тяжело сел к столу. Нина села напротив:

– Папа, столько случилось...

– Погоди, Нина, – перебил ее отец.

Помолчав, он заговорил:

– Ты видишь, что творится? Так вот... я прошу, нет, я требую – веди себя разумно. Я боюсь думать, во что вы там вляпались около чайной... пожалуйста, сделай выводы.

Нина вздохнула:

– Да... прости, папа.

– Я к Николаю пришел – тебя нет. Ушла, говорят. Я к лавке побежал – нету, записку прочитал. Поднялся к Альбергам – ну, слава богу, просто гулять ушли. Пошел домой, подождал. Темнеет – нет и нет! Поднялся снова – они тоже с ума сходят. Где вы? Где вас искать? Мы с Альбергом все Семенцы обегали, всех спрашиваем, никто не видел...

– Я знаешь почему ушла от Николая?

– Нет.

Нина рассказала отцу о жене Николая. Тот усмехнулся:

– Во баба...

– Мы теперь деньги обратно не получим?

– Получим, завтра пойду и заберу.

– Все? Она говорит – ты не считал.

– Как это не считал? Нешто я не знаю, сколько у меня в кассе?

– Папа, чайную всю разгромили.

– Я видел.

– Там до сих пор грабят. Вошел мужик, страшный такой...

Нина закрыла глаза:

– Вошел, ножик выхватил... Володька меня прикрывал. А тот пьяный, увидел, что мы маленькие, говорит – грабите? Сейчас я вам покажу... Володьку ударил. А я его за руку укусила! И мы убежали, и у денег на трамвай обратно не было. Мы пешком шли, почти бежали... я так устала, папа!

– Ох, Нина. Ладно, доченька, давай спать ложиться. Иди умывайся.

– Ты посидишь со мной?

– Конечно.

Нина улеглась в кровать. Арсений Васильевич сел рядом, нагнулся, поцеловал ее:

– Люблю тебя, моя маленькая.

– Папа, он так меня защищал! Все отодвигал назад, а сам вперед, вперед... ничего не боится.

– Не боится... лучше бы не тащил тебя никуда, бестолочь!

– Это я придумала!

– Да не ври-ка хоть... прям ты. Вот я поговорю с ним еще...

– Где ты болтался, неслух, негодяй? Куда ты потащил девчонку? – кричал Альберг, тряся сына за плечи, – говори! Немедленно рассказывай!

– Яков, не трогай его! Где вы были, Володя?

– Мы ходили смотреть чайную.

– Кто тебе позволил?

– Никто. Я сам придумал.

– Что с ним делать, Соня? – крикнул инженер.

– Володя, это Нина придумала?

– Нет! Это я.

– А может, она?

– Нет, мамочка.

Он видел, как мама отрицательно качает головой, глазами показывая на отца, но упрямо продолжил:

– Это я!

Две звонкие оплеухи оглушили его, и он тихо заплакал, уткнувшись в стенку. Мама встала между ним и отцом:

– Хватит, Яков! Он жалеет, что так вышло. Пойдем, Володя.

– Жалеет? Он – жалеет? Да он вообще ни о чем не думает! Негодяй! Я возьмусь за тебя! Из дома – ни шагу! Никаких гулянок! Гимназия, дом! Все! И только посмей ослушаться – я с тобой по-другому поговорю!

Мама увела Володю в комнату:

– Немедленно спать!

Всхлипывая, мальчик разделся и забрался в кровать. Щеки горели, руки дрожали. Завернувшись в одеяло, он тут же уснул.

... Пьяный мужик шел на него с ножом. Нина стояла рядом, Володя пытался оттолкнуть ее, но она не слушала, стояла прямо перед ножом. Володя пытался закрыть ее собой, но не мог пошевелиться. И тогда он закричал.

– Тихо, тихо... успокойся.

Володя дико оглядывался вокруг. Мужик и чайная исчезли, это же его комната, он сидит на своей кровати, и отец удерживает его за плечи.

– Тихо, тихо... тебе приснилось. Успокойся.

Володя дрожащей рукой вытер пот со лба.

– Иди сюда.

Володя обхватил отца за шею и прижался. Отец обнял его:

– Что же ты творишь... ну, успокойся.

Володя не заметил, как снова уснул. Проснувшись утром, он посмотрел на часы – ничего себе, уже одиннадцать! Хорошо, что сегодня выходной. Он оделся и вышел. Мама была в гостиной. Она сурово посмотрела на сына:

– Иди к отцу.

Володя постучал в кабинет и вошел.

– Как спалось?

Володя растерянно покачал головой:

– Не знаю... хорошо.

– Больше ничего не снилось?

– Нет, кажется.

– Так кто придумал идти к чайной?

– Я.

– А твоя Нина утверждает, что это ее идея, а ты просто не отпустил ее одну. Она уже приходила.

Володя невольно улыбнулся. Отец нахмурился:

– Тебе что, смешно?

– Нет... папа, это правда я. Она меня... защищает, что ли. Но это я.

Альберг вздохнул:

– Володя, я очень недоволен. Не знаю, что там было, около этой чайной... подозреваю, что ничего хорошего. Но ты же не расскажешь. Мы едва не сошли с ума вчера!

– Папа! – перебил Володя, – я неправ, я прошу прощения. Я правда прошу прощения. Я виноват. Я больше так не буду... Пожалуйста, разреши мне сходить к Нине? Я хочу попросить прощения у Арсения Васильевича.

Инженер кивнул:

– Хорошо.

Володя выскочил в коридор и бросился одеваться. Из гостиной появилась мама:

– Куда это ты?

– Я зайду к Нине...

– Нет.

– Но...

– Будешь сидеть дома.

– Mamочка, я хочу извиниться! И папа разрешил!

– Я сказала – нет.

– Но папа...

– Сейчас же в свою комнату!

– Нет, – упрямо сказал Володя.

– Что ты сказал?

– Я не пойду в комнату. Я пойду к Нине. И папа мне разрешил!

– Яков! – крикнула мама.

Отец появился на пороге:

– Что у вас тут?

– Куда он собирается?

– Пусть сходит к Смирновым, извинится.

– Нет уж! Пусть сидит дома. И дружбу эту надо прекратить.

– Нет! – крикнул Володя.

– Ты слышишь? Ему эта девчонка дороже родителей!

– Mamочка, что ты говоришь? Папа?

Мама махнула рукой и вышла. Володя умоляюще смотрел на отца:

– Папа...

– Извинись и быстро домой.

Володя вышел на лестницу. Лучше бы папа сердился, но не мама...

Арсений Васильевич встретил его неласково. Володя только открыл рот, готовясь выговорить извинения, как лавочник набросился на него:

– Ты чем думаешь? Куда ты потащился? Вас убить могли эти уроды! Что ты делаешь? Еще что-то вытворишь – на порог не пушу!

Для измученного Володи эта угроза оказалась последней каплей. Он поднял голову и дерзко сказал, глядя лавочнику в глаза:

– Ну и пожалуйста, не пускайте! Я все равно буду с ней дружить, мы гулять будем, а к вам я не приду! Мы на улице будем гулять!

Он уже забыл, что шел извиняться, мысли путались, и, не понимая, что говорит, Володя продолжал твердить:

– Я все равно буду с ней дружить, все равно, все равно!

Арсений Васильевич, нахмурившись, смотрел на мальчишку. Больше всего хотелось вывести его из квартиры и поплотнее закрыть дверь, и Арсений Васильевич так бы и сделал, но тут из своей комнаты появилась Нина:

– Что такое?

Володя увидел ее и замолчал. Ему пришло в голову, что она и сама больше не захочет с ним дружить, и он, замолчав на полуслове, пошел к дверям. Нина бросилась за ним:

– Да что с тобой?

Володя открыл дверь, но она схватила его за руку:

– Ну успокойся, что ты... Папа, что у вас тут такое?

Арсений Васильевич махнул рукой:

– Я сказал, что если еще такое вытворит, я его на порог не пушу – а он на меня: никого слушать не буду, все равно с Ниной дружу, гулять будем по улице...

– Папа! – укоризненно сказала Нина, – ну, зачем ты так...

– А что я – по голове его должен погладить?

– И погладить! Он вчера меня защищал. Конечно, погладить!

– Ну иди, поглажу, – оторопело согласился Арсений Васильевич.

Нина засмеялась и потащила Володю за руку:

– Иди, иди сюда!

Володя упирался, но Нина была настойчива. Она подтащила Володю к отцу:

– Ну, гладь его!

Арсений Васильевич неохотно опустил руку на темные волосы мальчика. Володя поднял на него глаза, и Арсения Васильевича вдруг стукнуло в сердце – ведь защищал вчера Нинку, отодвигал, сам лез на нож этой пьяной сволочи... совсем маленький, сам напуганный, и защищал, закрывал собой! И он обнял мальчишку, прижал к себе:

– Маленький мой!

Володя недоверчиво смотрел на него. Арсений Васильевич смущенно отодвинул его:

– Все, помирились. Нина, чай ставь.

Володя покачал головой:

– Мне домой надо. Папа запретил куда-то выходить, только к вам отпустил – прощения попросить.

Арсений Васильевич улыбнулся:

– Помирились, все. Ну, беги домой.

Володя кивнул и пошел к дверям, потом обернулся:

– Арсений Васильевич!

– Что?

– Можно вас на минутку?

Тот подошел:

– Что?

Володя покусал губы.

– Я за вас волновался, – сказал он негромко.

Арсений Васильевич кивнул.

– Спасибо, сынок.

Володя вышел. Смирнов вернулся в гостиную, сел за стол.

Чайной больше нет, что будет с магазином – неизвестно, деньги у Николая, надо их забрать обратно, да и с дядей Прокопом обязательно разобраться – найти его, сволочь, да объяснить, как на детей кидаться...

А вчера за него волновался чужой, непонятный, родной мальчишка.

Приближалось лето. Арсений Васильевич поехал к сестре:

– Лида, вот как хочешь, а я тебя прошу – брось дела и поживи с Ниной на даче.

Лидия Васильевна растерялась:

– На какой даче, Арсений? А как же в Городищну мы?

– Нет, Лида, послушай. Что-то мне не по себе. Не хочу далеко вас от себя отпускать, будьте тут.

Сестра кивнула:

– Как скажешь, Арсений. Ты дачу снял уже?

– Нет пока. Где снимать будем?

– Я бы вот у Петергофа...

– Понял, у Петергофа.

Дача нашлась через неделю. Нина и обрадовалась, и огорчилась:

– А что же Городищна?

Отец снова объяснил, что беспокоится. Нина согласилась:

– Тогда давай там.

Володины родители сняли ту же самую дачу, где и всегда. Володя, узнав о том, где летом будет Нина, расстроился:

– Ну вот! А почему не в Оллила?

– Не знаю, тетя Лида хотела около Петергофа. А мне все равно.

Володю ее слова задели, но он ничего не сказал.

Учебный год закончился, и дети разъехались по дачам.

Володя проснулся утром от голосов. Он лениво потянулся и прислушался.

– Соня, я отговаривал, но разве они послушают, – говорил отец, – хотя... не очень-то я и отговаривал.

Володя нахмурился. О чем это папа?

Отношения с папой испортились, едва семья переехала на дачу. Началось все невинно – в один прекрасный день мама отправила Володю встретить отца со станции. Володя пошел охотно – перед папиным пригородным поездом шел поезд из Гельсингфорса в Петроград, хотелось его посмотреть.

Оказалось, папин поезд пришел раньше. Володя, думая, что сейчас придет поезд из Гельсингфорса, облокотился на решетку, отделявшую платформу, и ждал, как вдруг кто-то рванул его за шиворот. Володя едва не упал. Обернувшись, он увидел разъяренного отца:

– Что ты тут делаешь, негодяй?

От неожиданности Володя ничего не мог выговорить. На глазах выступили слезы. Отец, не обращая внимания на удивленных прохожих, поволок его за собой.

– Папа, что ты? – крикнул Володя наконец, – что случилось?

– Что случилось? Сколько раз тебе запрещали ходить на станцию?

Это было совсем несправедливо – в этом году такого запрета не было.

– Меня мама послала тебя встречать!

– Не ври мне!

Володя вырвался и бросился прочь.

Добежав до моря, он с размаху бросился на песок и закрыл лицо руками, стараясь удержать слезы.

Почему самое плохое с папой происходит тут?

Ночи еще были светлыми, солнце стояло над морем. Володя знал, что уже поздно, надо идти домой, но никак не мог себя заставить. Не пойду, думал он яростно. Возьму и сбегу из дома, пойду на фронт, буду беспризорником, устроюсь помогать в любую лавку, но домой не пойду.

Но дома волновалась мама, и надо было идти. Про себя Володя решил – если отец попробует его тронуть, он убежит, а потом напишет маме письмо.

Мама встречала его у калитки:

– Ну что же ты поздно?

Володя ничего не ответил. Мама протянула руки:

– Володя, папа не знал, что это я тебя отправила. Это я виновата.

– Нет, – угрюмо отозвался Володя, – не ты. Это он виноват.

– Не говори так про папу. В конце концов, ничего не случилось!

– Не случилось? – крикнул мальчик, – он меня за шиворот сдернул! И потом тащил!

– И что? Если он беспокоится за тебя?

– Ничего, – буркнул Володя, – ничего.

И пошел к себе.

С отцом он увиделся следующим утром в столовой, поздоровался, и отец ответил ему привычным:

– Доброе утро.

Выскочила Эля, за ней Аня:

– Папочка, мы пойдем тебя провожать на станцию. Володя, ты идешь?

– Нет, – ответил мальчик и вышел из столовой.

Он ушел в сад и сидел там, пока отец с девочками не ушел, потом вернулся в дом. Мама была сердита:

– И долго ты будешь обижаться?

– Я не обижаюсь, – сдержанно сказал Володя.

– А почему ты не пошел провожать папу?

– Не захотел. Можно мне пойти к морю?

Мама пожала плечами:

– Иди.

Теперь Володя старался выйти из своей комнаты попозже, когда отец уже уезжал. Почему же он сегодня так долго?

Наконец папа ушел. Володя вышел, выпил молока, взял кусок хлеба и пошел к морю. Мама с девочками, наверное, уже завтракала, она не возражала, что Володя чем-то перекусывал сам, главное – явиться к обеду.

Возвращаясь с моря к обеденному времени, мальчик увидел отъезжающий экипаж. Кто это мог быть? Отец со станции всегда приходил пешком, да и рано ему. Он открыл калитку, навстречу выскочила Эля:

- Где ты болтаешься? Ты знаешь, кто приехал?
- Кто?
- Иди, смотри!

Володя поднялся по ступенькам, остановился и прислушался. Низкий мужской голос говорил:

- Ничего, Сонечка, не так уж было трудно добираться. А видеть вас хотелось. Не может быть. Он недоверчиво улыбнулся и открыл дверь.
- Володенька! Маленький мой!

Володя бросился к бабушке. Она обняла его, прижала к себе:

- Мальчик! Маленький мой мальчик! Ты посмотри, Моисей, какой он у нас красавец! Какой большой! Мальчик мой, мальчик...
- А мне-то дай моего мальчика посмотреть...

Но бабушка не выпускала Володю из объятий, и дед обнял их обоих. Володя повернулся, одной рукой обхватил деда, другой продолжал обнимать бабушку.

- Пойдемте обедать теперь, – сказала мама, – только тебя и ждали, Володя.
- А что его ждать? – нахмурился дед, – не пришел – без обеда...

– И что ты говоришь, Моисей? – возмутилась бабушка, – пусть мальчик кушает, когда хочет.

Володя улыбнулся. Родители, переезжая в Петроград, оставили его на полгода у бабушки с дедушкой. Как его баловали! Как любили, как нежили! Дед пытался притворяться строгим, ругал, но это было как-то несерьезно, нестрашно, и Володя знал, что стоит подойти, обнять деда, как тот мгновенно размякнет, обнимет в ответ. Отец приехал за ним, и хоть Володя и скучал по маме, но так не хотелось уезжать, даже плакал на вокзале. Отец строго спросил, почему он ревет, как девчонка, но дед тут же отца одернул:

- А что ему, уже и плакать при тебе нельзя? Следи за собой, Яков!

Отец уже был в столовой. Все стали рассаживаться, бабушка поманила Володю:

- Иди со мной сядь, мальчик. Анечку с другой стороны посадим, а Элю вот к дедушке.
- Как вы доехали? – спросила мама.

– Прекрасно, Сонечка, прекрасно! Яков послал столько денег, что нам хватило на такой вагон, в каком мы и не ездили никогда...

- А какой вагон? – спросил Володя.

Отец нахмурился:

- Не перебивай.

Дед Моисей поднял тяжелый взгляд, пристально посмотрел на отца и повернулся к Володе:

– Вагон – как международный, ну вот такой, в каком вы, наверное, в Берлин ездили. Два дивана, сеточка для вещей... Я тебе потом расскажу, как там все было.

Володя кивнул.

Бабушка продолжила рассказывать про путешествие, про ресторан, в котором они обедали, про то, как она купила по игрушечке всем детям. Потом она стала выяснять цены, попутно обращаясь к детям:

- А ты что, Элечка, ешь плохо?
- Я не люблю такой суп.

Дед хотел что-то сказать, но посмотрел на сына и промолчал.

- А ты, Володенька, любишь?
- Люблю.

– Он у нас все любит – все ест, умница, – сказала мама.

- Умница, – подтвердил дед.

После обеда Володя потащил бабушку и деда к морю:

– Пожалуйста, пойдете? Тут лодки, и такое море! Оно мелкое, конечно, не так, как в Кенигсберге, но тоже хорошее! Пойдете?

– Бабушке и дедушке надо отдохнуть, – сказала Эля.

– Да? – огорчился Володя, – ну... тогда потом.

– Да что ты, Володенька, – тут же встала бабушка, – мы и не устали совсем – в таком вагоне ехали! Пойдем, мальчик, покажи нам что хотел, и ты, Моисей, вставай.

– Мама, может быть, все-таки отдохнете с дороги? – спросил отец.

– Нет, Яков, пойдём погуляем... Пойдем, Володенька!

Володя протасил деда с бабкой по всей Оллила – показал и море, и футбольное поле, и большой парк.

– А там – железная дорога, – показал он.

– Знаем, Володенька, мы же приехали оттуда, – сказала бабушка.

– Ты туда не бегаешь? – нахмурился дед.

Володя помрачнел:

– Нет. Пойдемте домой?

– Пойдемте, – сразу согласилась бабушка, – мы отдохнем теперь с дедом, а ты тоже устал, наверное.

Дома Володя ушел в глубину сада, сел на траву и задумался. Папа ведь тоже был ребенком. Интересно, как он был с дедом Моисеем? Тот с виду такой суровый, но Володя же знает, какой он на самом деле добрый. И папа добрый... да, конечно, но почему с ним так тяжело?

Он очнулся, когда услышал за кустами голоса.

– Я его не обижаю, папа, почему ты решил... да, с ним я строже, чем с девочками, но это же естественно – мальчик. Ну, что ты молчишь?

– А что мне говорить? Ты отец, тебе виднее. Я сказал то, что вижу.

– Но он действительно перебил взрослого человека!

– Он спросил свою бабушку, какой был вагон.

– Он мог подождать, когда она закончит!

– Наша бабушка никогда не закончит, Яков, она будет говорить, пока ее не заруют в землю. Что же, мальчику ждать ее похорон?

Отец негромко рассмеялся.

– Что за история с железной дорогой?

Отец замялся:

– Ну... Я не знал, что Соня послала его меня встречать. Выхожу с поезда – вижу: висит на решетке, один. В прошлом году ему было запрещено подходить к железной дороге. Схватил его за шиворот, сдернул с решетки. Он, видите ли, обиделся! Вот и вся история. Что ты молчишь?

Они ушли. Володя перевел дыхание. Слава богу, если бы заметили, получилось бы, что он подслушивал. Он перебрался через забор и вошел через калитку. Мама сидела в гамаке:

– Где ты был, Володя?

– Гулял. Я тут, недалеко. Бабушка с дедушкой отдыхают?

– Дедушка с папой гуляют по саду, бабушка с девочками. Ты рад, что бабушка с дедушкой приехали?

– Конечно! Они долго у нас будут?

– Неделью или две.

– Как хорошо! – обрадовался Володя, – а ты рада, мамочка?

– Рада, сынок. А вот и папа с дедушкой.

Володя обернулся. Дед строго посмотрел на него:

– Ты целыми днями болтаешься без дела?

– Да нет, папа, он читает много и по дому помогает – тут вот шпингалет на окне починил, – сказал отец.

Дед покачал головой:

– Смотри у меня.

И ушел в дом. Отец подмигнул:

– Попало?

Володя кивнул:

– Попало. Пойду читать теперь.

– Что ты читаешь?

– Майн Рида. «Всадника без головы».

– Нравится?

– Да, конечно. В Америку очень хочется. Тебе хочется?

– Ну, я же был.

– Был?

– Конечно. Ты малыш был совсем, я ездил оборудование смотреть. Помнишь паровозик, у тебя был? Это я тебе оттуда привез.

– А я и не знал, – удивился Володя, – а расскажи? Про Америку?

– Пойдем к морю с тобой? Там погуляем, поговорим. А бабушка с дедушкой отдохнут как раз до ужина.

– Пойдем! – обрадовался Володя.

Отец рассказывал про огромный пароход, который вез его в Америку, про город Чикаго – с высокими домами, огромными фабриками и заводами. Рассказывал о том, как там отличался английский язык, но слава богу, нашлись люди, которые говорили по-немецки, а то бы пришлось тяжело. О том, как его отвезли на берег огромного озера.

Они вернулись, когда уже темнело. На веранде уже зажгли лампу. Володя с отцом поднялись по ступеням.

– И где вас носило? – спросил дедушка.

Он сидел во главе стола. Бабушка смиренно сидела рядом. Увидев сына и внука, она вскочила:

– Пришли! Сонечка, они у нас голодные! Скорее на стол ставь.

– Нечего! – отрезал дед, – опоздали – без ужина.

– И что ты говоришь, Моисей! – рассердилась бабушка, – пусть мальчики едят когда хотят.

Она собрала им ужин в пустой столовой, только им двоим. И сама кружилась рядом, бегала в кухню, приносила то хлеб, то компот, то что-то вкусенькое.

– Кушай, Володенька, кушай, мальчик. Яков, и ты ешь.

Вошел дед, посмотрел строго:

– Сплошное баловство, Зоя.

– И что ты говоришь, Моисей? Сказать по-твоему, так мальчик должен остаться голодным оттого, что заигрался на улице?

– А второй мальчик тоже заигрался?

– Ступай на веранду, Моисей. Ты мешаешь мне кормить детей...

Дед с бабушкой уехали через две недели. То время, что они были в гостях, показали Володе самыми прекрасными за лето.

Они уехали, и лето шло своим чередом. Отец приезжал со службы то довольный, то встревоженный, иногда они о чем-то подолгу шептались с мамой, но Володя ничего не замечал. От Нины пришло письмо, которое занимало теперь все его мысли.

Володя, здравствуй!

Я так тебе ничего и не писала, потому что случилось очень много событий. Разных. Я не знаю, с чего начать, я уже испортила три листа бумаги! Я буду писать все подряд, ты поймешь.

Ты знаешь, что мы на даче. Тут хорошо: есть и море, и парк. Иногда мы с тетей Лидой берем извозчика и едем в большой парк, туда, где царский дворец. Не могу понять, что там теперь – кажется, пусто, а тут получилось, что нас туда не пустили.

Мы вернулись домой, а там папа. Очень встревоженный. Он сначала не хотел рассказывать при мне, а потом рассказал. Случилась ужасная история.

У моей мамы в Галиче была подруга, она из богатой семьи, у них было имение недалеко от Галича. Она была очень деятельной, устроила в деревне библиотеку, преподавала в деревенской школе. И вот ее убили – какие-то бандиты. То есть не бандиты, а крестьяне... в это невозможно поверить, потому что она столько для них делала! Вроде как они сказали ей убираться из усадьбы, а она отказалась... и они ее убили.

Папа сначала сказал, что нам надо немедленно собираться в город, потому что он боится нас тут оставлять. Но тетя Лида ему возразила, сказала, что мне надо побыть на воздухе, набраться сил и здоровья, потому что наступают тяжелые времена.

Папа уступил, но сказал, что если будут какие-то волнения в нашей деревне, то он нас сразу заберет.

Я не очень верю в тяжелые времена, и иногда я даже думаю, что, может быть, те люди, которые написали папе про мамину подругу – ошиблись... Но ты, на всякий случай, тоже набирайся сил и здоровья.

У тебя там нет никаких волнений? Пожалуйста, будь осторожен!

Мне совсем не хочется в гимназию, совсем не хочется учиться. А в город хочется, потому что я без тебя очень скучаю и очень хочу тебя увидеть.

Папа и тетя Лида передают тебе приветы.

До свидания!

Нина.

Отец, хоть и нервничал, все-таки оставил их с тетей Лидой на даче до самого конца лета. Домой Нина вернулась перед самым началом учебы. Город ей не понравился – очереди, суета, грязно, какие-то растянутые плакаты, какое-то собрание...

Вечером Нина разбирала дачные вещи в своей комнате. Тетка с отцом о чем-то тихо разговаривали. Нина прислушалась.

– Не знаю, Лида, как и быть. Может, выедете с Ниной хоть в Ревель?

– Кому мы там нужны, Арсений, подумай сам... Разве только еще сестер-братьев найдем...

– Каких сестер-братьев? – выглянула Нина.

Тетя Лида шумно вздохнула:

– Доболтались. Иди-ка спать, Нина, нам с тобой завтра к учебе все покупать.

– Это секрет?

– Да нечего рассказывать, Ниночка. Мы просто... Мы с Лидой – приемные дети.

– Как это?

– Ну, маме нашей было уже много лет, да у нее и в первом браке детей не было, видимо, не могла детей иметь. А детей хотели, ну и взяли нас с Лидой.

Нина удивленно покачала головой:

– Ничего себе... а вы с тетей Лидой – родные?

– Да.

– А ваши настоящие родители?

– Наши настоящие родители – это мама и папа. А те, кто родили... они... я про них мало что знаю. Лида их вроде помнит немного, я-то нет.

– А кто они были?

– Бедные, пьющие. Самое дно... Мы о том и говорили, что у них, может, не только мы с Лидой были.

– А сколько тебе было, когда...

– Когда родители нас взяли? Мне около года, Лиде три, получается.

– А... – Нина запуталась, – а как они вас отдали?

– Да я же говорю – они пьющие были. И мы им были не нужны.

– А вы с тетей Лидой сразу знали, что вы – что не родные?

– Мы знали, что мы приемные. Но знали, что родные.

– А ты их больше не видел?

– Нет, Нина. Он пропал куда-то, а она умерла, мне лет семь было, наверное. Отец с мамой нам могилу показали, они за ней ухаживали. Благодарны ей были, что нас родила.

– Жалко, что я дедушку и бабушку не видела, – вздохнула Нина.

– А мне как жалко, маленькая! Ты же у них единственная внучка. Они бы тебя как обо-жали. Ты у меня ведь к тому же и умница, и красавица.

– Красавица, – вздохнула Нина, – я бы знаешь как хотела? Чтобы у меня волосы темные были, а глаза голубые – как у Володи. Папа, а он приехал?

– Нет, наверное. Иначе зашел бы?

– Да...

Нина встала, прошла по комнате.

– Я теперь все про бабушку с дедушкой думать буду.

Арсений Васильевич улыбнулся:

– Ты маленькая была, Лида говорит – как Ниночка на нашу маму похожа! Я пригляделся – и правда, улыбаешься так же, хмуришься так же... Вот как так бывает?

Нина улыбнулась в ответ:

– А ты на кого похож?

– Говорили, на маму.

На следующий день с дачи вернулся Володя. Едва заскочив домой, он прибежал в лавку. Нины не было дома. Арсений Васильевич обрадовался:

– Мальчик мой! Ну как ты?

– Все хорошо... Арсений Васильевич, знаете, к нам бабушка с дедушкой приезжали!

– Да что ты!

– Да, на две недели! Так хорошо... а Нина когда придет?

– Они поехали все для гимназии купить.

– А куда они поехали? – спросил Володя и покраснел, – мой папа вчера хотел нам купить, а ничего нету нигде.

– Тебе что надо – напиши список? Я закажу вам.

– Правда можно?

– Что же нет?

Дверь открылась, нагруженная свертками вошла Нина.

– Володя! – закричала она, и свертки посыпались на пол, – ты приехал уже!

Сзади шла, тоже нагруженная, тетя Лида.

– Здравствуй, Володенька! Ох, Арсений, вроде все теперь есть к учебе. Ты занят? Пойду чаю нам сделаю. Обед-то есть?

– Есть, Нина утром готовила немного.

– Ну так давайте и поедим. Володенька, ты же с нами? Поможешь мне, пока Нина свои вещи разберет?

– Конечно!

После обеда Нина скорее вскочила:

– Папа, тетя Лида, мы с Володей гулять пойдем. Уберете тут?

– Конечно, деточка, все сделаю, – кивнул Арсений Васильевич, – только... вы по нашей улице и вот по Клинскому, а дальше никуда не надо.

Нина пообещала, и они с Володей вышли на улицу.

– Пойдем на Клинский? – сказала Нина, – там на скамейку сядем, и ты мне будешь рассказывать. Или нет – давай сейчас уже? Володя, я так по тебе скучала!

Он хотел было сказать, что тоже, но смутился.

– Ты не скучал? – улыбнулась Нина.

– Скучал, ты же сама знаешь. Только когда бабушка и дедушка приехали – тогда нет. Хотя... я про тебя дедушке и бабушке рассказал – и снова стал скучать. Слушай, ты знаешь, что бабушка сказала про тебя? Она сказала – пусть эта Ниночка всегда будет здорова и довольна...

– Спасибо, – улыбнулась Нина, – спасибо!

– А еще – знаешь? Мы с папой.. ну как сказать? Поссорились в самом начале лета. Да ничего там особенного, но я обиделся. А когда дедушка приехал, он с папой поговорил, наверное, или не знаю... Но мы потом с папой все лето и гулять ходили, и он мне про Америку рассказывал, и мы с ним такой прекрасный корабль вырезали из дерева! И опыты ставили по физике, и купались! Он так плавает хорошо. Я тоже. А ты купалась? погоди, Нина! Я тебе расскажу лучше, как мы с папой сами электричество проводили. Вот послушай...

Нина слушала, не вникая в слова. Что они там делали с электричеством... какая разница, какой прекрасный день, какое теплое светит солнышко, и скоро гимназия – учиться не хочется, но подружки, и пойдут дожди, и как хорошо будет возвращаться домой после уроков – бежать в теплый дом, садиться в кресло, разговаривать с папой...

Все будет хорошо, думала она. Напрасно беспокоится папа, все пройдет. Царя нет, но это ничего, все равно – все будет хорошо.

Где-то за Фонтанкой слышались глухие выстрелы. Нина вздрогнула во сне, Арсений Васильевич, сидевший у ее кровати, погладил ее по голове. Опять стреляют, да что ж такое, каждый вечер, каждую ночь. Чем все это кончится... страшно за девочку, страшно за себя. И не уехать уже – поезда толком не ходят, простая дорога превратится бог знает во что, да и куда ехать?

Это чертово восстание! Как-то ведь прожили начало осени, ну да, митинги, товарищи, кто-то там приехал из Финляндии, было тревожно, Нину он теперь в гимназию провожал и встречал, но как-то жили! А потом – выстрелы, грохот, страшный залп, наутро было ничего не понять, а потом – пожалуйста – в газетах: все власть народу, революция и так далее.

И ничего еще бы, только потом явились товарищи – национализировать лавку, она теперь принадлежит народу. Арсений Васильевич согласился сразу – конечно, он сам планировал лавку именно народу и отдать, пожалуйста, дорогие товарищи... Только можно он ее передаст – кому передавать? Комитету? Хорошо, комитету – завтра? Наведет порядок, ревизию? Можно? Конечно, он за революцию и счастлив отдать лавку народу.

Всю ночь он распахивал припасы – все-таки хорошая квартира, вот кладовая – ведь и не видно, что там дверь, очень удобно. А если еще подвинуть шкаф, так тогда и эта комнатуха будет не видна, а сколько туда можно спрятать!

Наутро явились товарищи, застали бывшего хозяина с бумагами, в лавке порядок:

– Вот, товарищи. Все учтено, все расставил.

Бумаги смяли, выкинули на пол, бывшего хозяина выставили за дверь. Арсений Васильевич потоптался за порогом, потом вернулся – не возьмут ли товарищи его работать в этой самой лавке? Но тут не повезло, товарищи назвали его кровопийцей и вытолкали.

Вечером прибежала Лида, сказала, что пьяные охтяне днем влезли в мастерскую, повыкидывали швейные машинки, а один пьяный дурак, глумясь над перепуганными женщинами, такое вытворил с суровой ниткой, что жаль – не затянул потуже: сразу бы сдох, и туда бы ему, сволочи, и дорога.

– Таисию я, Арсений, к себе взяла – квартира-то у нее при мастерской, а там страшно. Так она, вот дура-то, прости господи, мне и говорит: надо нам теперь вместе держаться. Пусть и он сюда с Ниночкой переедет, будем семьей. У меня голова кругом идет, Арсений, и ты натворил, и переворот этот еще.

Планы Таисии Николаевны напугали Арсения Васильевича еще больше, чем переворот и конфискация лавки, но там все устроилось благополучно – через две недели вдова с сыном перебрались к тетке на Выборгскую сторону. Из мастерской удалось спасти отличную зингеровскую машинку и целый ящик ниток.

За окном протопали сапоги. В соседний дом, кажется. Аресты теперь проходили почти каждую ночь, каждую ночь слышались крики и ругань, каждое утро пустела какая-то квартира. Надо все-таки отвести Нину к Лиде – на всякий случай. Хотя Охта – такая окраина, нигде сейчас не безопасно.

На улице стихло. Может быть, просто так прошли товарищи... надо лечь спать, отдохнуть.

В дверь тихо постучали. Арсений Васильевич едва не подпрыгнул, но потом понял – чека стучит не так... но кто мог явиться ночью? Он подумал о Лиде и скорее пошел к дверям:

– Кто там?

– Это я...

– Кто это – я?

За дверью молчали.

– Говори кто, а то не открою!

– Я...

Арсений Васильевич узнал голос. Охнув, он отпер большой засов.

Володя стоял на пороге, в накинутой гимназической шинельке, без шапки. Он поднял голову, со страхом и отчаянием посмотрел на Арсения Васильевича. Смирнов скорее втащил его в переднюю:

– Что, Володенька? Что случилось, мальчик мой?

Володя тяжело глотнул. Он попытался было что-то сказать, но слова не шли, он весь дрожал и левой рукой вытирал уголок рта. Арсений Васильевич обнял его и прижал к себе.

– Тихо, тихо, малыш... успокойся, никому тебя не дам... что сделалось, кто обидел моего мальчика?

Володя отстранился от него. Он снова пытался что-то сказать, но губы не слушались, он все трогал уголок рта, и наконец выдавил:

– Папу...

– Что? – охнул Арсений Васильевич, – что, Володя?

– Папу... арестовали.

Вот оно что... что ж, этого следовало ожидать – богатый инженер, резкий, откровенный, сдерживаться не считал нужным, Володя ведь в него такой – не промолчит, не отсидится в уголке... что же теперь с ним будет, что будет с его семьей? Главное – мальчишку как жалко!

На пороге появилась заспанная Нина:

– Папа, что случилось? – Володя? Папа, что, уже утро? Что случилось, папа?

– Ниночка, Якова Моисеевича арестовали, – проямлил Арсений Васильевич. Нина, ничего не говоря, смотрела на них расширившимися от страха глазами. Володя поднял голову.

– Они его уводили, мама и сестры плакали... я хотел его спасти, я на них бросился... а солдат... он меня отшвырнул... на пол... я...я...

И он забормотал что-то бессвязное, беспомощное, дрожал и все вытирал уголок рта.

Нина подошла ближе:

– Погоди, папа.

Она осторожно отняла Володину руку от лица, притянула его голову к себе на плечо, и, осторожно покачиваясь, стала баюкать, что-то шепча на ухо.

– Папа, сходи к ним, – попросила она, не оборачиваясь.

Арсений Васильевич накинул пальто и поспешно вышел. Как на улице холодно! Дали они ему хоть одеться?

Совсем они были разные, и если бы не дружба их детей, никогда бы не познакомились. Смирнову казалось, что Яков Моисеевич поначалу не приветствовал то, что Володя так привязался к Нинке, но со временем оценил ее, Нина всем нравится. Последний год перед революцией Яков Моисеевич как-то зашел в магазин, поговорил со Смирновым, пожаловался, что сын, хоть и такой умница, бывает непослушным, строптивым, упрямым. Сказал, что дочери – это совсем другое, Арсений Васильевич грустно заметил, что ему не с чем сравнить, его сын умер в младенчестве. Потом в лавку забежали с хохотом Нина с Володей, Володя, увидев отца, смутился, покраснел, Нина тут же накрыла стол к чаю, и они все вместе уселись за стол. Володя немного стеснялся отца, но Нина весело расспрашивала Якова Моисеевича про железную дорогу, про паровозы, подливала ему чай, и вечер прошел очень весело и приятно. Потом Володя с отцом ушли, и в окно Арсений Васильевич увидел, как Володя на улице взял отца за руку, а тот обнял его за плечи.

Что же теперь будет?

Арсений Васильевич поднялся на второй этаж и осторожно постучал. Дверь приоткрылась, и на пороге появилась встрепанная Софья Моисеевна.

– Кто здесь? – спросила она растерянно, близоруко щурясь.

– Это я, Арсений Васильевич... войти позволите?

Она посторонилась, прошла в переднюю и растерянно села на стул. В гостиной плакали девочки.

Арсений Васильевич наклонился и взял Софью Моисеевну за руки:

– Володя у нас...

– Да... простите меня, я сама его к вам послала. Солдат... толкнул Якова, ударил, Володя бросился на него, тот отшвырнул его на пол... как котенка... много ли ему надо... он хотел было встать, но солдат толкнул его... ногой... и Якова увели. Я боюсь, если они вернуться, Володя может натворить дел... не знаю, что будет теперь с нами!

– Послушайте, дорогая... давайте верить, что все наладится... бывают ошибки, может быть, он завтра будет дома... Прошу вас, постарайтесь успокоиться. Слышите, девочки плачут. Может быть, пойдете к нам?

Софья Моисеевна глубоко вздохнула:

– Нет, Арсений Васильевич, я останусь дома. Спасибо вам! Если позволите, пусть Володя побудет у вас. Присмотрите за ним! Я боюсь, что они вернуться, и он натворит глупостей.

– Конечно, Софья Моисеевна. Присмотрю. Я найду к вам завтра. А пока запирайтесь как следует.

Он послушал, как задвигается тяжелый засов, и скорее побежал к себе.

Нина открыла ему дверь.

– Ну как он? – шепотом спросил Арсений Васильевич.

– Заснул вроде, – так же шепотом ответила Нина, – но спит плохо, вздрагивает, стонет. У него синяк на руке жуткий, папа, и за бок он все хватается. Его сильно ударили, наверное. Как проснется – посмотри, может, врача надо?

Арсений Васильевич кивнул и подошел к дивану. Володя спал, свернувшись, подтянув колени к животу. Нина накрыла его клетчатым пледом, Арсений Васильевич осторожно провел рукой по темным влажным волосам. Володя вздрогнул, но не проснулся.

Они просидели около него всю ночь. Иногда Володя стонал, метался, открывал глаза, пытался встать, но Нина ласково уговаривала его, что-то шептала, он опускался на подушку и засыпал снова. Утром она заснула на кресле рядом с ним, Арсений Васильевич укрыл ее своей курткой, а сам остался сидеть на стуле, присматривая за обоими.

Володя проснулся и сел на кровати:

– Я заснул! А мама... мне надо идти, скорее! – забормотал он.

Арсений Васильевич удержал его за руку:

– Мама знает, что ты у нас. Не спеши. Пойдем с тобой чайку попьем, поговорим.

Володя встал, но тут же сел обратно и сморщился. Арсений Васильевич помог ему подняться:

– Что тут у тебя? Дай посмотрю.

Он поднял Володину рубашку и ужаснулся: левый бок был совершенно черный.

– Мальчик мой, как же так... вот сволочи, ребенка.. ребенка-то за что...

Володя смущенно затолкал рубашку обратно в брюки.

– Пройдет...

– Врача бы надо, Володя. Сильно болит?

– Не очень, когда двигаюсь только... да пройдет, Арсений Васильевич. Папу они сильнее ударили.

И Володя заплакал. Арсений Васильевич обнял его, зашептал что-то ласковое и успокаивающее. Володя всхлипывал все тише, потом успокоился. Арсений Васильевич налил ему чаю:

– Выпей. И хлеб вот – поешь.

– Нине осталось? – спросил Володя, жадно глядя на хлеб.

– Осталось, ешь. Еда есть пока.

Поев, Володя поднялся:

– Я пойду, Арсений Васильевич. Спасибо вам. Простите меня, пожалуйста!

– Да что ты, мальчик... погоди, Володя. Послушай меня. Ты дома – единственный мужчина теперь, пока отца не отпустят. Давай без глупостей, ладно? Маму и сестренку береги, поддерживай. Никуда не ввязывайся, понял?

– Хорошо, – угрюмо кивнул Володя.

Дойдя до дверей, он вернулся:

– Вы говорите – пока отца не отпустят... а вдруг его... ну.. нет уже?

Арсений Васильевич рассердился:

– Ну вот что ты за человек? Мы о чем говорили? Ты сейчас с такими разговорами и домой пойдешь? К матери с сестрами? А?

– Нет! Я только вас спросил... я дома так не буду. Я понял все, Арсений Васильевич! Я буду стараться, правда!

– Ну вот и хорошо. Будем надеяться, обойдется. Иди домой, сынок, вечером зайду к вам. Или ты зайдешь – как получится. Ну, беги!

Володя кивнул и вышел. Арсений Васильевич заглянул к Нине – она по-прежнему спала в кресле.

– Как город изменился... – грустно заметила Нина.

Володя угрюмо кивнул. За последние две недели он как будто стал старше и серьезнее. Нина понимала – тревога за отца, страх за мать и сестер не дает ему покоя. Она и сама теперь все время боялась – если увели Якова Моисеевича, то ее и отец не от чего не застрахован. Арсений Васильевич утешал ее:

– Ты сравнила! Он инженер, а я кто? Никто. И лавку я отдал – сам, добровольно, вон и бумага имеется, да не одна. И еще мандат достал – что благонадежный, важным человеком подписана, немалых денег стоила!

Но Нина видела, что и ему тревожно.

Арсений Васильевич послал их немного погулять, велев далеко не отходить и, если что, сразу бежать домой.

Они дошли по Можайской до Загородного – к церкви. Володя прислонился к ограде, и Нина посмотрела на него с тревогой – бок у него болит по-прежнему, наверное, но разве он скажет, упрямец... и к врачу не захотел идти, сказал – само пройдет. Она подошла к нему ближе:

– Не холодно тебе?

– Ну что ты все – холодно, холодно! – с раздражением бросил он, – не холодно мне, хорошо все.

Нина не обиделась. Бедный мальчик... Софья Моисеевна совсем сбилась с ног, ходит по тюрьмам, пытается узнать, где муж. Эля сидит с Анютой, Володя совсем неприкаянный. Софья Моисеевна начала менять вещи, Арсений Васильевич предложил было свою помощь, но она отказалась.

Володя вздохнул:

– Не сердись на меня.

– Не сержусь.

– Я все время думаю – жив ли папа? – спросил он дрожащим голосом, – ведь если нет...

Нина сжала его руку:

– Володенька, надо надеяться.

– А если нет? – повторил он упрямо.

Помолчав немного, он продолжил:

– Я все время о нем думаю – хочу только хорошее помнить, а не получается. Вчера мама про Оллила сказала, а я сразу вспомнил, как он меня на даче как-то ремнем отстегал – не очень больно, но стыдно, противно... я на всю жизнь запомнил. Это за мячик, помнишь, я тебе писал? Как я его тогда ненавидел, ты бы знала! Мечтал, чтобы он умер, пропал, чтобы не было его нигде. И другое помню – как я маму после обеда не поблагодарил, а он мне за это запретил на елку идти. Как в темной комнате запер, а я темноты тогда боялся. Мне за эти мысли так стыдно сейчас, он мучается там, я его люблю, люблю, понимаешь? Но почему он со мной так? Разве со мной по-другому – нельзя было? И мне... тяжело о нем думать.

Нина не знала, что сказать. Впервые Володя заговорил с ней о таком личном. Она знала, что их отношения с отцом далеки от идеальных, знала, что Володя отца немного боится, но знала и то, как он восхищается им и гордится – таким умным, элегантным, образованным.

Володя повернулся к ней:

– У тебя ведь с папой – не было такого?

Нина пожала плечами:

– Не было, конечно. Нет, и я могла дел натворить – как-то коробку конфет большую распотрошила и половину съела, а коробку надо было уже по адресу отсылать. Папа недоволен был, конечно. Сказал, что мне уже пора соображать, что теперь ему надо как-то оправдываться перед заказчиком... неловко вышло. А еще я как-то раз с подругами гулять ушла и заблудилась, домой нас городской привел. Папа тогда сказал, что я могу гулять теперь только от Горушки и до дачи со львами, раз дорогу не могу запомнить и время на часах узнавать не могу.

– Я тебе всегда завидовал... – вдруг вырвалось у Володи.

– Завидовал?

– Ну да... ты отца вообще не боишься, все ему рассказать можешь. Мне тоже так хотелось всегда. А теперь – может, уже вообще никак не будет...

Нина крепко взяла его за руку:

– Пойдем-ка к нам. Ты замерз, я тебе чаю дам. Папа придет, может, еды принесет какой-нибудь.

Володя послушно пошел за ней. Дома они сели пить чай, Нина рассказывала что-то про Галич, Володя – про книгу, которую читал.

Вечером Нина рассказала об их разговоре Арсению Васильевичу. Тот вздохнул:

– Ну ничего, Нина. Главное, чтобы Яков Моисеевич был жив, а там уж разберутся. Строгий он, конечно, но, может, с мальчиком так и надо? Я... я не знаю. Ты же знаешь, что братик твой... А Володе скажи – пусть не переживает, какие мысли есть, такие и есть. Вы ведь дети еще в конце концов.

– Он вернется?

– Надеюсь, маленькая моя.

– Папа, тебя не арестуют?

– Не хотелось бы. Ниночка, если что – ты все знаешь, сразу к тете Лиде.

Нина кивнула. Они давно все обговорили – еще когда все только началось. Отец успокаивал ее как мог:

– Я, скорее всего, никому не нужен, лояльный, вон на службу сразу устроился... да и по мандату в каждом кармане. Так что ничего, наверное.

Но Нина все равно нервничала. Отец приходил теперь поздно, и она почти целый день сидела у дверей, ожидая стука в дверь. Отец поспешно входил, обнимал ее, внимательно смотрел в глаза:

– Девочка моя, как ты?

Нина зябко дергала плечами:

– Да ничего...

– Холодно? Сейчас печку растопим.

– Давай...

– Что-то Володя давно не заглядывал, – заметил как-то Арсений Васильевич, растапливая печку, – ты бы зашла к нему?

– Потом, – рассеянно сказала Нина, – потом зайду.

Арсений Васильевич повернулся к ней.

– Ниночка, что с тобой? Что ты такая?

У Нины задрожали губы.

– Папа... что же – теперь так всегда и будет? Темно, холодно, еды мало? Страшно?

Арсений Васильевич бросился к ней:

– Что ты! Что ты, радость моя! Конечно, нет! Наладится все, наладится!

– А мне кажется, папа, что теперь всегда так будет – трудно, голодно...

Арсений Васильевич обнял ее:

– Не надо так думать, Ниночка. Все у нас наладится.

– И Володька тоже, – расплакалась Нина, – он... знаешь... какой-то не такой последнее время! Ты говоришь – не заходит! Я у него была вчера! Сидит, свой кукольный театр перебирает – и молчит! И на меня не смотрит! Я говорю, пойду тогда, он только головой кивнул, и все! Я ему не нужна больше! Ну и ладно... и он мне тоже.

Арсений Васильевич озадаченно посмотрел на дочку.

– Ну, Нина... так нельзя. А ты спросила – что с ним такое?

– Спросила, конечно! Глаза отвел и снова за свой театр. Ну и пусть со своим театром возится! Я знаю, что случилось! Потому что все стали друг другу враги!

Смирнов вздохнул:

– Нина, Нина...

Он накрыл на стол, вскипятил чайник:

– Давай поедим.

Нина медленно жевала хлеб. Арсений Васильевич украдкой смотрел на нее и растерянно думал, что скоро – все, хлеб кончится и у них... конечно, долгое время в лавке были какие-то запасы, Арсений Васильевич поступил очень умно, когда в самом начале этого кошмара пошел и сдал товарищам все, что у него было... все, да не все, конечно, в подвале оставались припасы, и в разных местах квартиры было припрятано кое-что... да и Лиде тогда удалось отнести и муки, и картошки, и сахару, и разных круп. Но теперь – все, надо что-то придумывать. Он устроился на службу, ведет дела в государственном магазине, там дают жалкий паек, а девочку надо кормить... надо будет начинать менять вещи, вечером прикинуть – что именно и как.

Нина поставила чашку.

– Папа... хлеба у нас почти не осталось. Вот там в буфете – последний кусок, на завтрак. Завтра испеку пирожки из остатков муки – и все.

– Да придумаем что-нибудь, Ниночка! – бодро сказал Арсений Васильевич.

В дверь робко постучали. Арсений Васильевич встал и открыл.

– Можно?

Арсений Васильевич посторонился. Володя неловко протиснулся в комнату.

– Я к вам... можно?

– Можно, конечно, Володенька. Что не заходил давно? – спросил Арсений Васильевич, скрывая тревогу.

Володя поежился. Нина поставила еще чашку.

– Садись с нами чай пить?

– Нет, спасибо... только что пил.

– Ну тогда так посиди.

Володя неловко сел на краешек стула.

Арсений Васильевич не отрываясь смотрел на мальчика. Худенький, бледный – это понятно, сейчас они все такие, и Нина тоже похудела – похудеешь от такой жизни...

– Как дома, малыш?

Володя поднял голову и сглотнул:

– Все хорошо. Арсений Васильевич, мама спрашивает – не поможете ли вы поменять... вот часы, папины?

– Давай посмотрю... оставь, попробуем. Скажи маме, я к ней потом зайду. А ты что бледный такой?

– Нет-нет, все в порядке, Арсений Васильевич... Спасибо.

Арсений Васильевич вздохнул. Ну ладно, может быть, попьет чайку, разговорится... Он отошел к комоду убрать часы.

Нина вскрикнула, Арсений Васильевич резко повернулся.

Володя клонился набок, потихоньку сползая со стула. Смирнов бросился к нему и успел подхватить.

– Что ты, мальчик мой?

Он довел Володю до кресла, почти дотащил. Усадив, потрогал лоб – холодный, совсем холодный, на виске капелька пота.

– Володенька, что ты?

Володя поднял голову, мутными глазами обвел комнату, посмотрел на Арсения Васильевича, как будто не узнавая его. Потом сознание стало возвращаться к нему.

- Ничего, – прошептал он одними губами, – простите меня.
- Володька, ты же есть хочешь! Папа, он голодный! Где хлеб?
- Нина бросилась к буфету, достала оттуда тарелку с хлебом:
- На, ешь скорее... ну, давай кусочек маленький, жуй как следует...
- Нет, нет... не могу... брать, – шептал Володя.
- Нина ловко сунула ему корочку:
- Жуй, хорошенько жуй... давай, давай... сейчас чайку тебе горячего дам, и – смотри – у нас кусочек масла оставался, сейчас намажу тебе бутерброд... кушай, кушай!
- Господи, ешь, ешь скорее... – растерянно бормотал Арсений Васильевич.
- Володя вгрызся в хлеб, пряча глаза.
- Нина быстро мазала хлеб остатками масла:
- Сейчас, Володенька!
- Володя быстро вытер рот:
- Нет, нет! Все, я больше не буду, я вот только чаю глотну... и пойду, правда, мне пора...
- Он попытался встать с кресла, но Арсений Васильевич удержал его:
- Сиди... как не стыдно тебе, Володя? Да и нам тоже... мы не догадались, ты не пришел – ну, ослаб бы совсем и помер, и кому лучше? Тебе мертвому или нам без тебя? Или матери с сестрами?
- Володя поднял на него отчаянный взгляд:
- Арсений Васильевич! У нас же есть мамин паек! Она на службу пошла! Мы не голодаем! Просто... Аня маленькая совсем, она плачет, а маме работать надо... и я... ну... простите, что я к вам пришел!
- Арсений Васильевич махнул рукой. Нина составила чашку и тарелочку с маленькими бутербродами на маленький поднос и поднесла к креслу:
- Ешь.
- Володя хотел было что-то сказать, но она твердо перебила его:
- Ешь немедленно. Пока все это не съешь – не выпущу.
- Володя опустил голову.
- Нет. Вам самим не хватает.
- Нина молчала. Володя посмотрел на нее.
- Нина?
- Я все сказала.
- Володя робко взял чашку, потянулся за хлебом, потом опустил руку.
- Я... не могу один.
- Ничего! – отчеканила Нина, – от голода умирать один можешь, и тут управишься.
- Больно нежный.
- С едой было покончено, и Володя, не поднимая глаз, пробормотал:
- Большое спасибо.
- Не кружится голова? – спросил Арсений Васильевич.
- Нет, больше нет.
- Нина, не сводя с него серьезного взгляда, выговорила:
- Завтра из остатков муки испеку еще пирожки. Зайдешь после трех.
- Володя поднял голову, хотел что-то сказать, но встретил Нинин взгляд и угрюмо, потерянно кивнул:
- Спасибо вам. Я... пойду?
- Иди. До завтра!
- Володя выскользнул за дверь. Арсений Васильевич задернул засов. Нина убирала со стола. Смирнов остановил ее:
- погоди... давай еще по чашечке выпьем.

Нина налила отцу чай и села напротив. Вдруг она закрыла лицо руками:

– Папа, как мне стыдно! Я ведь была у него вчера, смотрела, как он со своим театром возится! Мне даже в голову такое не пришло, а он... хоть бы слово, хоть бы намекнул! Ничего не сказал...

– Конечно, не сказал, – расстроено отвечал Арсений Васильевич, – он же гордый...

– Гордый! Но ведь так нельзя...

Арсений Васильевич перебил ее:

– Можно, нельзя – это все разговоры... он такой. Ну, уж какой есть.

На следующий день Арсений Васильевич ушел рано. У него все получилось – он удачно отдал часы Володиного отца знакомому на Сенном рынке, получив за них неожиданно много, золотое кольцо жены поменял на муку и сахар, кроме того, успел зайти к Лиде и с облегчением узнал, что у нее из спасенных из лавки припасов осталось довольно много.

Домой он вернулся довольный. Нина с утра из остатков муки пекла маленькие пирожки с вареньем, он отошлет ее к Альбергам, а потом она приведет Володю к ним. У Лиды сохранилась маленькая шоколадка, и она отдала ее Арсению Васильевичу – побаловать Ниночку.

Может, и Володе дать кусочек, подумал Арсений Васильевич и безмерно удивился такой мысли.

Его сын умер, не прожив и месяца. Арсений Васильевич иногда с раскаянием думал, что почти не помнит его. Не успел привыкнуть, оправдывал он себя, и тут же думал, что нельзя себя обманывать – к Ниночке привыкать не пришлось, она была любимой и бесценной с самого рождения. А мальчик...

Но теперь, глядя на Володю, Арсений Васильевич часто думал о том, каким был бы его собственный сын, если бы остался жив. Светленьким, сероглазым, как Нина, таким же разумным, веселым, настоящим дружочком? Или... и вот тут Арсений Васильевич представлял себе Володю. Такой же... упрямый, увлеченный, с постоянно меняющимся настроением, то задумчивый, то безудержно веселый, умница, а в чем-то наивный, совсем маленький... то ласковый, то обиженный, с вечными идеями и придумками...

Мама опять ушла, Эля читала Анюте сказку. Володя постоял в дверях, послушал, потом вышел в темный нетопленный коридор.

Дуняша теперь у них не жила – забегала время от времени, что-то убирала, стирала, готовила, но говорила так:

– Вы, Софья Моисеевна, как-нибудь сами устраивайтесь – я вам благодарная, но у меня и своя жизнь. Теперь у прислуги жизнь другая.

Мама не обращала внимания, но когда Дуняша сказала это в третий или четвертый раз, ядовито бросила:

– Так и живи своей другой жизнью – или ты думаешь, я без тебя не справлюсь?

И вышла из кухни. Дуняша прошептала ей что-то вслед. Приходила она по-прежнему, помогала, маме больше ничего не говорила.

В коридоре было холодно – отапливали они теперь только одну гостиную, там и спали, и кухню. Володя подошел к двери кабинета и потянул ручку.

Как тут теперь пусто, пыльно, холодно, темно... Если закрыть глаза и открыть – может быть, снова папа будет сидеть за своим столом, и будет гореть лампа, и папа спросит:

– Что тебе, Володя?

Володя зажмурился, потом открыл глаза, покачал головой и усмехнулся. Глупый какой... ничего не произойдет, не появится папа за столом... может, его вообще уже нет.

Папы нет.

Не может такого быть, чтобы папы – не было. Как они тогда будут жить?

Стукнула дверь, Володя выскочил в коридор. Мама, близоруко щурясь, снимала пальто.

– Мапочка!

– Володя... что ты делаешь тут, холодно. Ты что, был в кабинете? Ничего там не трогал?

– Нет, конечно, мамочка... как ты?

– Хорошо. Я принесла немного поесть, пойдём. И не выскакивай в коридор, ещё заболешь... не хватало с тобой возиться!

Анюта и Эля бросились к маме. Она рассеянно отстраняла их:

– Погодите, погодите... сейчас будем обедать.

На обед был чай, хлеб и селедка. Анюта, посмотрев на рыбу, скривилась:

– Не буду такое...

– Не ешь, – равнодушно бросила Софья Моисеевна, – нам больше останется...

Анюта разревелась, мама не обратила внимания. Володя поднял сестру на руки:

– Анечка, не плачь! Рыбка вкусная, попробуй!

– Оставь её, Володя, – резко сказала мама, – сейчас, знаешь ли, не до детских капризов.

– Она маленькая... – нерешительно сказал мальчик.

– Что ты сказал?

Володя опустил голову.

– Ты что, споришь со мной? Возражаешь?

Володя молчал, не зная, что говорить.

– Выйди из-за стола. Пообедаешь после. А пока сядь в угол и думай о своем поведении.

Володя молча посадил Анюту на стул и ушел в угол гостиной. Каким уютным раньше было это кресло и каким противным – сейчас!

Мама с Элей ели хлеб и селедку. Анюта, перестав всхлипывать, тоже взяла кусочек. Наконец они встали из-за стола, и мама кивнула Володе:

– Иди ешь. И чтобы больше такого не было.

Володя упрямо покачал головой:

– Не буду. Что я такого сказал, мама?

Мама спокойно убрала со стола.

– А теперь умываться и спать. Все.

Анюта попробовала было заплакать, что хочет сказку, но мама указала ей на кровать:

– Спать.

Володя лег на свой диван. Мама немного походила по комнате, что-то прибирая, потом тоже легла.

Эля и Анюта уже спали, Володя крутился на диване. Сон никак не шел – хотелось есть, и засыпать так, не помирившись с мамой – было совсем невыносимо. Наконец он решился, встал и подошел к маминой кровати:

– Мапочка...

Мама не шевелилась, и Володя позвал громче:

– Мама!

Мама открыла глаза:

– Что случилось?

Володя присел на корточки:

– Мапочка...

Что говорить дальше, он не знал. Почему мама рассердилась – он не виноват, просить прощения глупо, не за что.

Софья Моисеевна рассердилась:

– Ты зачем меня разбудил? Сказать – мамочка? Я целый день бегала по холоду, чтобы и дома не иметь возможности согреться и выспаться? Сейчас же в постель, и чтобы до утра я тебя не слышала!

Володя молча вернулся к себе. Он завернулся в одеяло и уткнулся в подушку, стараясь сдерживать подступающие слезы.

Мама стала другой. Сначала растерянная, она сумела взять себя в руки, нашла службу – Володя толком не понимал, где и чем она занимается, приносила паек, готовила по вечерам, если днем этого не делала Дуняша. С детьми говорила коротко и резко. Не послушаться ее было невозможно. Даже Эля, как-то возразив и оставшись за это без обеда, с мамой не спорила.

Дни тянулись безрадостно. Гимназия не работала, утром Володя подолгу валялся под одеялом – слишком холодно было в комнате. Эля поднимала Анюту, разливала холодный чай, выдавала по куску хлеба и крошечке сахара. Сладкого хотелось, но Анюта так жадно смотрела на сахар, что Володя, вздыхая, отдавал ей свой. Эля качала головой:

– Маме расскажу!

Но она, конечно, ничего не рассказывала – получив лишний сахар, Анюта хотя бы не капризничала.

Приходила Дуняша, что-то делала по хозяйству, и Володя неохотно вставал. Начинаясь длинный день. Ничего не хотелось – пробовал читать – но, казалось, не понимал прочитанного, доставал альбом и пытался что-то рисовать – но никак не мог придумать, что бы изобразить.

В два Эля выдавала еще по кусочку хлеба и наливала чай, подогретый Дуняшей. Та уходила, в дверях совала Володе кусочек сахара или конфетку:

– Ты Анютке отдай, маленькая она...

Володя возвращался в комнату, давал Анюте гостинец, каждый раз что-то придумывая – конфетку принесла собачка, а кусочек сахара – маленькая кошка, вот только что она приходила, обещала завтра еще принести, если Анюта не будет капризничать. Эля кривилась на его выдумки, но ничего не говорила.

Иногда Володя выходил гулять, но на улице было холодно и страшно.

Вечером приходила мама, разогревала обед, командуя детьми:

– Володя, быстро тарелки! Эля, приборы...

Они обедали, мама ела быстро, потом прибирала со стола и приказывала ложиться спать.

Володя послушно ложился, но долго не мог заснуть, лежал и смотрел в потолок.

Как-то он спросил маму, знает ли она что-то об отце. Мама резко оборвала его:

– Что там можно знать?

Что это значило, он не понял, а переспросить не решился.

Иногда он выбирался к Смирновым. У них было спокойнее – Арсений Васильевич считал, что детство должно быть детством, по вечерам они с Ниной по-прежнему играли в лото, карты, рассматривали старые книги. Оба радовались, когда приходил Володя. Иногда вспоминали магазин, чайную.

– Вам жалко магазин? – как-то спросил Володя.

Арсений Васильевич отмахнулся:

– Да разве ж это главное? Главное – это Нина, Лида... И... Впрочем, ладно.

Арсения Васильевича печалила революция. Было жалко лавку и налаженную жизнь, не нравилась Нинина бледность, пугали выстрелы и неопределенность.

Он строил планы и тут же сам себя обрывал. Уехать в Городищну? В Галич? Но вспомнились рассказы о том, как громили лавки и поместья на Сашиной родине, как убили Сашину подругу.

Нет, в такое время лучше быть дома. Хотя где в такое время лучше?

Нина вышла в кухню:

– Папа, я есть хочу.
– Сейчас, Ниночка! – засуетился отец, – вот у меня тут картошка – жареная, и даже огурец соленый.

– Котлетку хочу.

– Достану. Сейчас пообедаем, я пойду – и достану.

Нина села за стол и закрыла глаза. Бедный Арсений Васильевич перепугался:

– Деточка моя! Тебе что, плохо?

– Нет...

– Ты мне скажи! Я все достану – и маслице вот было еще, и котлетку сегодня же вечером принесу, и... что еще хочешь? Я все достану!

Нина улыбнулась:

– Папа, как Володька у нас сознание потерял – ты теперь перепуганный.

– Будешь тут перепуганный. А ты меня зря не пугай – не то время, чтобы капризничать.

– Не буду, – согласилась Нина, – но котлетку хочется все-таки.

– Понял, понял.

– Папа, стучат, кажется.

Арсений Васильевич вышел из кухни и вернулся с Володей.

– Садись – покушай с нами.

– Нет, нет! Спасибо. Мы только что обедали, я не хочу, правда.

Арсений Васильевич вздохнул. Кто это сейчас не хочет? Но мальчик все время отказывается, только чай пьет иногда.

Володя сел в угол, поближе к печке.

– Замерз, сынок?

– Немного. На улице-то холодно как! Нина, слушай. Я к тебе по делу пришел.

Арсений Васильевич улыбнулся:

– Секретное что-то? Я скоро уйду, если что.

– Нет! Не секрет, что вы. Нина, я знаешь что спросить хотел? У тебя нет – маленькой куклы? Ненужной?

Нина удивилась:

– Куклы есть, конечно. Ненужной... а зачем тебе?

– Я хотел Аняте подарить. И нигде не достать. Вернее, как? Купить можно, я видел на рынке.

– А кто тебя на рынок пускал? – рассердился Арсений Васильевич.

– Я только зашел, посмотрел, сколько стоит, и ушел сразу, Арсений Васильевич. У меня совсем нет денег. Мне хочется Аняту порадовать. У нее есть куклы, конечно, все игрушки есть... Но хочется новую. Мама сейчас занята все время, устает... Анята иногда капризничает... я и читаю ей, и играю, но все равно – жалко ее.

– Господи, пойдем, выберешь! – воскликнула Нина.

– погоди... у меня нет денег на куклу – совсем. Но я потом отдам, честно! Или я тебе другую потом куплю.

– Во дурак? – удивилась Нина.

– Нина! – смутился Арсений Васильевич.

– А что, папа? Не дурак разве? Он мне потом куклу купит... Что сказал-то? Я что, продаю? Оторвись уже от печки, пойдем куклу выбирать!

Володя смущенно встал.

– Неловко...

Нина потащила его за руку в комнату:

– Пойдем! У меня еще есть клоун – хороший.

Арсений Васильевич прислушался.

– Вот смотри – медведя не отдам, он мой любимый. Эта кукла тоже моя любимая... вот из этих выбирай!

– Маленькую можно?

– Можно. Ты сейчас возьми ее, а потом придешь и еще возьмешь. У меня игрушек много – можем хоть каждый день дарить!

– Я у тебя так все расташу!

– Все не растащишь – я ведь сказала, эти мои любимые. А это – просто игрушки.

Арсений Васильевич усмехнулся и крикнул:

– Ниночка, Володя, я ушел! Закройте за мной!

Володя появился с куклой в руках.

– Арсений Васильевич, ничего, что я куклу попросил?

– Ничего, конечно. Хорошо, что сестренку хочешь порадовать. Попей с Ниной чаю обязательно, а то она сейчас заиграется и забудет – хорошо?

– Да, – улыбнулся Володя.

– Ну до свидания, малыш.

Володя притащил куклу домой. Когда сестра стала капризничать, он показал ей куклу:

– Анечка, смотри!

– Что это? – спросила девочка, перестав плакать.

– Это тебе – куколка. Только смотри, если будешь капризничать, она будет уходить. А если будешь себя хорошо вести – она будет с тобой играть!

Анюта схватила куклу:

– Какая хорошая! Я ее спать уложу!

– Откуда ты взял игрушку? – холодно спросила мама.

– У Нины. У нее много, она отдала. Ну, вернее, я попросил – для Анюты.

– И что, она просто так ее отдала? Такую игрушку, которую можно продать? Дорогие у твоей Нины куклы! А потом узнает ее отец и придет ко мне – требовать денег за такую дорогую вещь?

Володя растерялся:

– Мапочка... Арсений Васильевич знает, он сказал – можно... он не придет требовать денег!

– Откуда ты знаешь? Завтра у них будет нечего есть – вот и придет. Не смей ничего у них брать! И вообще поменьше болтайся неизвестно где. Гимназия закрыта, но уроки можно повторять и дома! Никуда ни шагу – сиди и учись. А куклу отдай – сегодня же.

Анюта, напряженно прислушивавшаяся к их разговору, немедленно заревела:

– Не отдам куколку!

Мама подошла, выдернула куклу и сунула ее Володе:

– Немедленно отдай!

Володя вскочил:

– Не пойду! Они дали ее – Анюте. Чтобы она играла! Мама, что случилось? Почему ты такая? Мапочка!

– Хорошо, я пойду сама. И нечего тут плакать – только слез твоих не хватало!

Мама взяла куклу и вышла. Володя, вытирая слезы, подошел к Анюте:

– Анечка, не плачь! Пожалуйста!

Эля пренебрежительно бросила:

– Натворил дел?

Мама вернулась через полчаса. В руках у нее была кукла. Она сунула ее Анюте:

– Играй! А твоя Нина кого хочешь убедит...

Анюта схватила куклу. Володя не поднимал глаз.

– Больше ничего у посторонних людей не брать!

- Они не посторонние.
 - Не посторонние? Может быть, ты и жить к ним пойдешь?
 - Жить не пойду. Но они не посторонние!
- Мама пренебрежительно хмыкнула:
- Ну как скажешь.

Отец вернулся через месяц. Открылась дверь, и он появился на пороге – похудевший, грязный, отстраненный. Софья Моисеевна вскрикнула и бросилась к нему, Эля заревела и побежала за мамой, Аня испугалась, кинулась к брату и тоже разревелась. Володя поднял ее на руки и растерянно смотрел на отца. Тот обнял маму, Элю, потом посмотрел на сына:

- Ну здравствуй...
- Здравствуй, папочка, – сглотнув, пробормотал Володя.

Софья Моисеевна бросилась на кухню – разогреть оставшийся от обеда суп. Эля крутилась около отца, спрашивая:

- Папочка, как ты? Папочка, как хорошо, что ты дома!

Аня оторвалась от Володи и подошла к отцу:

- Папа, это что, ты?

Тот ухмыльнулся и протянул к ней руки:

- Иди сюда!

Подхватил Аню на руки, уткнулся лицом в ее волосы:

- Девочка моя...

Вернулась Софья Моисеевна, захопотала:

- Садись, Яков, обедай... Особо ничего нет, ну уж что есть... Давай, давай.

Отец поставил Аню на пол и сел к столу.

- Как вы тут?

– Мы ничего, Яков. Я нашла службу, дают паяк. Выживали... Кое-что стали продавать, ну, что уж делать...

- Дети одни?

– Да... Эля присматривает за Аней, ничего, справляется. Она умница. Володя тоже помогает.

Отец кивнул и встал:

- Пойду умоюсь.
- Там не топлено, Яков. Но вода есть.

Отец вышел. Софья Моисеевна спохватилась:

- Полотенце не дала... Володя, снеси полотенце отцу.

Володя вышел в коридор. Дойдя до ванной, он постучал.

- Кто там? – глухо спросил отец.
- Папа, это я. Мама послала полотенце.

Отец открыл дверь. Он снял с себя пиджак и теперь стоял в рубашке – когда-то белой, папа других и не носил никогда, кажется, был всегда такой элегантный, красивый... Сейчас рубашка была серой, изношенной, у ворота порванной. У Володи сжало горло. Он молча протянул полотенце. Отец кивнул:

- Спасибо.

Володя не двигался. Отец удивленно поднял брови:

- Что ты? Иди. Я мыться буду.
- Папа... Папочка!

И Володя бросился к отцу, обхватил его руками и, плача, бормотал:

– Папочка, я так скучал... я так за тебя боялся.. Папочка, я хотел тогда тебя защитить, у меня не получилось, папочка!

Отец обнял его и гладил по голове:

– Ну что ты...

Потом отстранил:

– Ну, иди. Мне бы помыться.

– Папа, тебя больше не заберут?

– Не знаю. Не хотелось бы... Ну все, иди.

Володя вернулся в комнату и забрался к себе на диван. Отец скоро вернулся:

– Да, Соня, без горячей воды плохо.

– Ложись, Яков.

Отец подошел к Элиной кровати, что-то ей прошептал, потом поцеловал Анюту. Володя поднял голову. Отец подошел к его дивану:

– Спокойной ночи, сынок.

– Спокойной ночи, папочка.

Папа вернулся – но другим. По ночам он часто стонал, вскакивал, ходил по комнате. Мама вставала, ходила за ним, уговаривала лечь. Володя, затаив дыхание, следил за ними. Наконец они ложились, Володя сворачивался под одеялом и тоже засыпал.

Утром отец вставал, хмурый, раздраженный. Поначалу пытался выговаривать маме – недостаточно горячий чай, криво постелена скатерть, но Софья Моисеевна, когда холодно и язвительно, когда криком, прекратила его нападки. Эля всегда была любимицей, Анюта маленькой, и все отцовское раздражение стало выливаться на Володю.

Из ставшего холодным дома хотелось бежать, и он убегал – бродил по улицам или, преодолевая неудобство, отсиживался у Нины.

Арсений Васильевич, наблюдая за мальчиком, беспокоился. Да, отец вернулся, и в первый день Володя примчался к ним такой сияющий и счастливый:

– Папу отпустили! Папа дома!

Нина завизжала от радости, Арсений Васильевич обнял мальчика:

– Ну вот видишь!

Нина побежала было собирать чай в честь такого события, но Володя торопился домой:

– Там папа...

Теперь же радость его как будто угасла. О родителях он говорил мало и сдержанно – папа ищет работу, мама служит.

Арсений Васильевич отвез Нину к тетке, а сам уехал на три дня по близлежащим деревням, запасшись необходимыми мандатами – чтобы не приняли за спекулянта.

С продуктами было плохо. Поначалу очень помог Федор – приехал с корзиной, полной еды, денег брать не стал:

– Ты мне что суешь? Это деньги? Это бумажки. Печку ими протопи лучше, а то у меня зуб на зуб не попадает.

– Да я жару не люблю, – оправдывался Арсений Васильевич, – а если не деньги – что тебе дать? Вот у меня цепочка, кольцо еще...

Федор махнул рукой:

– Не стыдно?

– Нет. Ты меня кормить будешь?

– У меня хватит пока. И на твою Нину, и на мою.

– На кого? – оторопел Арсений Васильевич.

– Мы ребеночка взяли, – смущенно улыбнулся Федор, – девочку, пять лет. Нина, как и твоя.

– Ну вы молодцы! – обрадовался Смирнов, – Нину-то нарочно подбирали?

– Ничего мы не подбирали, Арсений, – помрачнел Федор, – летом на богомолье поехали – под Тихвин, Варька что-то там про какую-то икону услышала. Ну и поехали, церковь эта в деревне какой-то, извозчика взяли, приехали, а в деревне – погром. Сволочи пьяные напились, имение спалили, церковь тоже, хозяев – пару молодую – убили... извозчик наш нас ссадил да и уехал скорее, пока лошадь не отобрали. Мы стоим, на пожарище смотрим, что делать – не знаем, думали, убьют тоже. Тут старуха подходит, говорит – вы не местные, сделайте дело доброе – возьмите сироту! Спрятала она у себя дочку хозяев, но боится – что убьют девочку, да и ее заодно, что укрывает. Мы к ней в дом пришли, а там девочка. Мы ее взяли, старуха нам станцию указала, мы до станции по лесу шли, от каждого куста шарахались. Как до дому добрались – и не вспомню. Потом уж Варя спрашивать стала дочку – как звать-то тебя? А она молчит, ничего сказать не может. Варя и решила, Нина будет, говорит, как у Арсения.

– Как она сейчас-то?

– Лучше, что ж. Котенка я ей достал – все с ним играет. По ночам плачет, правда, все ночи над кроваткой сидим. Удочку ей сделал да рыбок. На удочку крючок – можно рыбок этих цеплять. Вот она наловит, да котенка Тишку кормит. Варя на нее не надышится.

Федор посидел еще немного и уехал. Арсений Васильевич заставил его взять браслет:

– Возьми, Федя. Будет Ниночке приданое.

– У тебя тоже дочь! – сопротивлялся Федор, но Арсений Васильевич настоял.

Нина узнала о девочке и ужасно обрадовалась:

– Мы к ним поедem, я с ней играть буду!

Потом притихла, задумалась.

– Что ты, маленькая? – испугался Арсений Васильевич.

– У нее на глазах родителей убили? – спросила Нина дрогнувшим голосом.

– Не знаю, Ниночка. Она маленькая еще, может, забудет.

– Забудет. И не будет помнить ни имения, ни родителей! Будет думать, что так и родилась у Федора с Варварой, будет рыбу ловить. А там ведь – письма были, карточки фотографические, портреты! – и Нина заплакала.

Арсений Васильевич сел рядом:

– Что же делать теперь...

– Хорошо, что я взрослая, – сказала Нина, всхлипывая, – я ничего не забуду.

Арсений Васильевич рассеянно покивал.

Федор больше не приезжал, и Арсений Васильевич поехал за провизией.

Обратно он возвращался с полным мешком, хваля себя – наменял столько, что хватит надолго и им с Ниной, и сестре. И слава богу, что заранее подумал про мандат, купил за небольшие деньги у знакомого комиссара – на вокзале всех проверяли, отбирали мешки, а вообще были случаи, что и стреляли на месте.

Около Введенского канала он замедлил шаг – шайка беспризорников-малолеток как-то подозрительно засмотрелись на его мешок. Арсений Васильевич взял мешок покрепче и пригляделся.

– Господи, Володя! – потрясенно крикнул он.

Увидеть Володю среди уличных мальчишек было совершенно невысказано.

– Бежим! – крикнул один из ребят, и компания исчезла. Володя растерялся, и Арсений Васильевич успел схватить его за рукав. Мальчишка стал вырываться, но Арсений Васильевич держал крепко.

– Перестань, Володя, – Смирнов старался говорить спокойно, – ты что? Что ты тут делаешь?

Володя рванулся, и Арсений Васильевич едва не уронил мешок. Разозлившись, он дернул Володю за руку:

– Ты что это? Ну-ка быстро домой.

– Не пойду, – прошептал тот.

– Что еще? – и Смирнов потащил его за собой.

Володя сопротивлялся, упирался, пытался вырваться, и Арсений Васильевич изрядно взмок, таща и мешок и мальчишку. Он втолкнул его в квартиру, запер дверь и тяжело сел на стул в прихожей:

– Умаял! Еле дошел.

Володя прижался к стенке и опустил голову. Арсений Васильевич отдышался:

– Что случилось, сынок?

Володя молчал. Арсений Васильевич рассердился:

– Пойдем-ка я тебя домой отведу!

– Не пойду! – крикнул Володя, – никогда не пойду!

– Вот как! – развел руками Арсений Васильевич, – ну-ка давай рассказывай, что случилось.

– Отпустите меня.

– Куда? К беспризорникам? На мороз? Нет, сам знаешь, что не пущу. Рассказывай.

Володя поднял голову, и Арсений Васильевич увидел то, чего не заметил в темноте – синяк на щеке.

– Кто ж тебя так? На улице подрался? А потому что нечего с уличными болтаться... давай приложу холодненькое, не так больно будет. А потом домой пойдешь.

– Это не уличные.

– Не они? А кто же?

Володя отвернулся. Помолчав, он выдал:

– Это папа.

– Папа? Ударил тебя?

Володя молчал. Арсений Васильевич вздохнул:

– Так...

Он встал, взял Володю за руку и отвел в кухню:

– Сядь, я пока печку растоплю, холодно.

Печка разгорелась, Арсений Васильевич поставил греть воду. Потом сел:

– Ну, что случилось?

Володя опустил голову и молчал.

– Володя?

– Отпустите меня, – пробормотал мальчишка.

– Куда?

– Никуда. Зачем вы меня сюда притащили? – говорил Володя дрожащим голосом, – отпустите меня, я уйду, отпустите!

Арсений Васильевич поднялся, подошел, обнял его:

– Ну что ты, маленький мой?

Володя попытался высвободиться, Арсений Васильевич не отпустил:

– Что же случилось, сынок?

Володя прижался к нему и тихо заплакал. Арсений Васильевич шептал что-то ласковое, гладил его по голове. Негодяй Альберг, думал он злобно. Как можно так ударить ребенка, что Володя мог натворить?

Володя наконец оторвался от него, рукавом вытер мокрое лицо.

– Что случилось, Володя? Расскажи.

Володя покусал губы:

– Мы с Шуркой стояли на Загородном... семечки ели, а потом Шурка стал дамам вслед... ну, кричать разное, и на землю плевать. Папа домой возвращался и увидел. Притащил меня домой и... вот. Я вечера дождался и убежал. Я не пойду домой больше. Никогда не пойду.

– Вечера дождался? Когда ж ты убежал?

– Вчера вечером. Вышел как будто на кухню, дверь открыл...

– Ты что, дома считаешь сутки не был? – оторопел Арсений Васильевич, – где же ты болтался? Господи, Володя! Родители с ума сходят!

Володя отодвинулся:

– Я не пойду домой.

– Где ты был?

– Мы в подъезде ночевали. Там тепло было.

Арсений Васильевич встал:

– Володя, так сделаем. Я сейчас к твоим пойду, поговорю с папой. Потом за тобой приду.

Володя опустил голову и что-то прошептал.

– Что?

– Он опять будет меня бить, – прошептал мальчик громче, – не отдавайте меня.

Арсений Васильевич погладил его по голове:

– Мальчик мой, все равно родителям надо сказать, что ты жив и здоров. Так нельзя.

Подожди меня здесь, ладно?

– Я не пойду домой.

– Я сейчас вернусь, – решительно заговорил Арсений Васильевич, – пожалей маму, она с ума сходит. Я поговорю с папой, если что, останешься у меня.

– Я не пойду домой.

– Я понял.

Арсений Васильевич запер свою квартиру, прошел по улице, поднялся по лестнице и постучал в квартиру Альбергов. Дверь почти сразу распахнулась.

Как изменился Альберг, подумал Арсений Васильевич машинально.

– Яков Моисеевич, здравствуйте, – заговорил он, – войти позволите?

Тот посторонился.

– Володя...

– Володя у меня.

– Господи, живой... – прошептал инженер, – живой!

– Он у меня, я вчера встретил его на улице, привел к себе. Давайте успокоим Софью Моисеевну, и я хотел бы с вами поговорить.

– Соня! – крикнул инженер.

В коридор выглянула Софья Моисеевна.

– Володя у меня, – поспешно сказал Смирнов, – он жив и здоров.

– Негодяй... – прошептала она, – Яков, сходи, забери его.

Яков Моисеевич взялся за дверную ручку, Арсений Васильевич не двинулся.

– Позвольте мне поговорить с вами.

Инженер неохотно кивнул головой:

– Проходите.

Они прошли в холодный, пыльный кабинет и сели друг напротив друга.

– Яков Моисеевич, – заговорил Арсений Васильевич, – я нашел сейчас Володю на Введенском, он был совсем измучен и запуган. Я еле-еле привел его домой, постарался успокоить.

Признаться, я боялся идти к вам – думал, вдруг он убежит, запер квартиру...

– Он рассказал вам?

– Да.

Альберг покачал головой:

– После тюрьмы нервы ни к черту.... Уже начал пить бром – вот дожили? Я взбесился, увидев его там – с каким-то гопником, с семечками... Приволок домой, отлупил от души... что он себя позволяет?

– Вы неправы. Так нельзя, Яков Моисеевич. Как вы могли? Разве можно так с ребенком?

Альберг вздохнул:

– Да, бедный мальчишка... Мне надо его забрать у вас.

– Если вы позволите, я пойду сначала один и постараюсь убедить его прийти домой. Он очень боится. Может быть, пусть он какое-то время побудет у меня? Хотя бы переночует?

– Понимаю. Хорошо, Арсений Васильевич. Мы будем ждать его. Спасибо вам!

– Пожалуйста, будьте с ним помягче.

– Постараюсь... Погодите, сейчас скажу жене – она соберет хлеб... что там еще есть?

– Не надо, что вы!

– Но вы не должны его кормить.

Арсений Васильевич решительно покачал головой:

– Не надо. Не столько он ест...

– Мне неловко.

– Пожалуйста, не переживайте об этом.

Арсений Васильевич вышел. Уже открывая входную дверь, он услышал голос Володиной матери:

– Яков, забрал бы его сразу! Зачем ты столько потакаешь?

Да уж, вздохнул Смирнов. Эта проклятая революция меняет людей – вот что самое страшное в ней. Не голод и не выстрелы – а вот такие перемены...

Володя сидел у стола. Услышав шаги, он вскочил.

– Сядь, что ты...

Они сели напротив друг друга.

– Володя, папа жалеет, что так вышло. Они все ждут тебя домой. Но ты можешь остаться у меня еще – папа разрешил.

– Сколько я могу у вас остаться?

– Не знаю. А сколько ты хочешь?

– Мне надо придумать, куда мне потом.

– Когда – потом?

– Когда уйду от вас.

Арсений Васильевич внимательно посмотрел на Володю:

– Это что за разговоры?

– Я не пойду домой.

– А куда ты пойдешь?

– Я пока не знаю. На вокзал. На рынок. Спрошу у ребят – как они...

Арсений Васильевич растерялся:

– Что ты сейчас говоришь? Сам ведь понимаешь, что я тебя никуда не отпущу с такими разговорами...

– Почему?

– Потому что не хочу, чтобы ты пропал на улице.

– У вас есть Нина.

– Есть. А при чем тут это?

– Вот о ней и заботьтесь! Какая вам разница – пропаду я, не пропаду?

Арсений Васильевич пожал плечами:

– Ну, разница есть – ты мне не чужой. Так бывает – не родной, а все равно нужный и важный. Я о тебе беспокоюсь и переживаю.

– Не надо за меня переживать. Отпустите меня, я прямо сейчас уйду!

Арсений Васильевич встал, подошел к Володе, обнял:

– Все, все... Поговорил – и хватит.

Володя попытался освободиться, но Арсений Васильевич не отпускал, шептал какие-то ласковые слова, гладил по голове, уговаривал. Наконец мальчик расслабился, обхватил Арсения Васильевича, прижался и замер.

– Твой папа неправ, – говорил Арсений Васильевич, глядя Володю по голове, – и он очень жалеет, переживает. Но постарайся понять – он был в тюрьме, что там было? Я думать боюсь. Вот и нервный, раздраженный, не сдержался... И ты неправ, сынок, сам подумай: стояли, на землю плевали, пошлости дамам вслед кричали... А если маме твоей кто вслед что крикнул? И семечками под ноги плюнул?

– Я не кричал ничего, я рядом стоял.

– Да тоже, знаешь ли, ничего хорошего... Ну, не будем об этом, ты же у меня умный мальчик. Давай чаю попьем?

Накрывая на стол, он оглядывался на Володю. Тот сидел, глядя пустыми глазами в угол. Ничего, утешал себя Арсений Васильевич. Поспит, отогреется, успокоится.

– Володя, иди ешь, – позвал он, – вот хлеб тебе, чай. Пей и спать. Я устал сегодня, хочу лечь поскорее.

Володя поднял взгляд:

– Я не хочу есть.

– Слушай! – рассердился Арсений Васильевич, – я не много с тобой вожусь, а? Это хочу, то не хочу! Ешь что дали – без разговоров?

Володя вздрогнул, и Арсений Васильевич устыдился своего окрика. Недалеко ушел от инженера, корил он себя.

– Поешь, Володенька, – ласково сказал он, – давай, мой мальчик.

У Володи на глазах снова показались слезы. Он взял самый маленький кусок, откусил и начал жевать.

– И чаем запей, – уговаривал Арсений Васильевич.

Потом он достал свою рубашку, быстро постелил в столовой диван.

– Умывайся, переодевайся и ложись.

Володя вышел. Арсений Васильевич убрал со стола и вернулся в комнату. Володя сидел на краю дивана. В широкой рубашке лавочника он был похож на привидение.

– Ложись, – окликнул его Арсений Васильевич.

Володя неловко лег. Арсений Васильевич присел на диван.

– Спи, маленький мой.

Володя робко взял его руку и прижался к ней щекой. Смирнов растаял:

– Спи, мой хороший.

Володя заснул почти мгновенно – устал, конечно. Во сне он так и держался за руку Арсения Васильевича. Тот посидел немного, потом откинулся и заснул полусидя. Через час встал и осторожно высвободил руку. Володя тут же вскочил.

– Что ты, сынок? Ложись.

Володя так и стоял, отчаянно глядя на Смирнова.

– Да мне по надобности! – воскликнул тот, – сейчас вернусь.

Вернувшись, Арсений Васильевич застал Володю так и стоящим около кровати.

– Ну вот что ты делаешь, – заворчал он, – босиком на полу... замерз. Ложись скорее.

Володя забрался под одеяло. Арсений Васильевич погладил его по голове.

– Я с тобой сидеть больше не буду – устал. Давай-ка я тебя получше укурую... спи, сынок, не бойся ничего.

– Не отдавайте меня.

– Не отдам, спи ты уже! Надоел.

Он подоткнул получше одеяло, еще раз погладил Володю и вышел в соседнюю комнату. Наутро Арсений Васильевич встал рано.

– Володя, мне бы к сестре надо. Ты со мной пойдешь или останешься?

– Я останусь.

– Хорошо. Я туда-обратно, недолго. Хотя как недолго? Пешком ведь.

– Вы с Ниной вернетесь?

– Нет, она пока там останется – я на следующей неделе опять по деревням поеду. Володя, слушай. Ты бы, пока меня не будет – картошечки почистил и сварил?

– Хорошо.

– Умеешь?

– Конечно!

– Ну вот и умница.

Арсений Васильевич отнес сестре и дочери продуктов. Нина, разбирая мешок, спросила:

– Папа, ты Володю видел?

– Видел, хорошо все. Ну ладно, девочки! Пора мне. Хочу посветлу добраться...

– Ты когда придешь теперь, Арсений?

– Не знаю, Лида. Через несколько дней опять поеду в деревню – перед поездкой зайду.

Ты пока тут останешься, Ниночка... До свидания, мои хорошие!

Дома пахло вареной картошкой. Арсений Васильевич тихонько зашел в столовую – Володя спал, неловко приткнувшись на диване. Арсений Васильевич махнул рукой и ушел в кухню. Через полчаса мальчик вышел – взъерошенный, заспанный.

– Ты что спать улегся? – сердито спросил Арсений Васильевич, – я чуть с голоду не умер...

– Так вот же – я приготовил все!

– Обедать-то вместе собирались! Я тебя и жду... Ты ведь тоже не ел?

– Нет. Я вас ждал и заснул. Простите меня!

– Да ну тебя. Иди умойся и обедать давай.

Арсений Васильевич разложил картошку. Володя покраснел:

– Арсений Васильевич, вы только не сердитесь... эта картошка... ну... вы же ее для себя и Нины привезли? Я не буду...

Арсений Васильевич сердито сунул ему вилку:

– Ешь. Надоел.

После обеда Володя пошел мыть посуду, Арсений Васильевич убирал со стола.

– Ну, что делать будем?

Володя поднял на него глаза, и у Арсения Васильевича сжалось сердце – боится, что домой отведу...

– В лото, может?

– Играть?

– Ну а что? Или ты опять спать хочешь?

– Нет... Арсений Васильевич, а может быть, в мою игру?

– В какую?

– Что вы мне подарили?

И Володя достал из кармана плоскую коробочку.

– Да я в ней не понимаю ничего! – запротестовал Арсений Васильевич, – я ведь ее тебе купил – тут и одному играть можно.

– Ну давайте вместе?

– Ну давай...

За час Арсений Васильевич продул пятнадцать партий и решительно достал лото:

– Нет уж, хватит простого лавочника дурить...

Володя неохотно собрал фишки и карточки:

– В лото думать не надо...

– Ну уж потерпи как-нибудь, мыслитель.

Володя ушел от Арсения Васильевича через три дня – собрался утром, запихал в карман игру.

– Я пойду домой, Арсений Васильевич.

– Хорошо, мальчик мой, – согласился тот, – зайдешь завтра? А послезавтра я опять по деревням поеду.

– Зайду. Спасибо.

Он зашел следующим вечером:

– Я вас не отвлекаю?

– Нет, сынок.

– Давайте в лото поиграем?

– Давай.

Они поиграли в лото, потом выпили чаю. Володя встал:

– Я пойду, вам вставать завтра рано...

– Пойди.

– Когда вы вернетесь?

– Дня через два-три, как пойдет. Заходи, как свет увидишь – я дома. И, Володя... – Арсений Васильевич замялся, – возьми вот. Ключ от квартиры. Я, правда, надеюсь, он тебе не пригодится. Но если что – сюда иди, по улицам болтаться не смей!

Володя покраснел и кивнул.

– Обещаешь?

– Да.

Арсений Васильевич вернулся, однако, в тот же вечер – доехал до Рыбацкого, дошел до знакомого дома на берегу. Шел и удивлялся – почему в среднем окошке нету света?

А когда дошел, сразу все увидел. Увидел выбитые окна, поваленный забор, сожженный сарай у реки.

Где-то вдалеке слышались веселые пьяные голоса.

Совсем голодное было время, и страшное, и мучительное. Отец найти службу не мог, хотя бегал по городу целыми днями. Мама служила в каком-то отделе труда, получала паек, но разве его хватало на целую семью?

Школа начала работать, и там кормили, и давали чай, и можно было спрятать кусочек хлеба и отнести его Анюте, и смотреть, как она ест, слушая какие-то глупые Володиные выдумки – да, Анечка, это птичка принесла, поэтому кусочек такой маленький! Ты же понимаешь, птичке не донести было кусок побольше – никак! Может быть, завтра пошлет собачка или кошка – тогда побольше будет...

Нина как-то вечером зазвала к себе, выставила на стол кривые пирожки, пожаловалась:

– Что-то совсем не вышли в этот раз, наверное, мука плохая! Попробуй, Володя, вот этот? А теперь вот этот? Этот другой как будто? А...

Володя покачал головой:

– Не хитри. Я вот один съел и от этого отломил – больше не буду.

Нина вздохнула:

– Ну, и что мне с тобой делать? Тебе ведь тоже есть надо.

– Я мужчина.

– Мужчины тоже едят.

– Если нечего – сначала дети едят и женщины. Не спорь со мной.

– Не буду, – послушно кивнула Нина, – ну, хоть чай пей тогда.

Но что чай, это просто вода. А как хочется есть, что угодно, кусочек хлеба, или картошку, или суп, да что угодно.

Если не отдавать хлеб из школы Анюте, то будет не так голодно, но нельзя же ей его не отдавать.

Если не отказываться от еды у Смирновых, то будет не так голодно, но нельзя же не отказываться!

Арсений Васильевич против голода выступал категорически. В городе все равно были черные рынки, спекулянты все равно привозили продукты, а значит, для нормального питания необходимы были ценные вещи и знакомства. Знакомства бывший лавочник имел, а потом еще завел новые, ценные вещи менял не задумываясь:

– Кольцо? Красивое, и что? Нина невестой будет – еще куплю, потом, глядишь, полегче будет. А не будет – так и без кольца люди живут. А то ведь и вообще кольца носить не захочет, вот и проваляется. Или замуж не захочет. Продам!

На углу Можайской и Загородного валялась дохлая лошадь. Володя остановился. Около лошади копошился человек. Заметив Володю, он поднял голову и нахмурился:

– Тебе что? Иди отсюда.

Володя отошел на несколько шагов и снова остановился. Человек снова поднял голову:

– Тебе что сказали? Уйди.

– Не уйду, – хмуро ответил Володя, – я гуляю.

– Гуляй в другом месте.

– Почему?

– Уйди по-хорошему, парень, а то у меня нож.

Володя отвернулся и пошел прочь. Лошадь – это мясо, конечно, но это сдохшая лошадь, а падаль есть нельзя. Да и все равно нет ножа – отрезать кусок.

Возвращаясь обратно, Володя увидел, что около лошади сгрудились еще несколько человек.

Он поднялся по лестнице, открыл дверь в свою квартиру. В гостиной слышались раздраженные голоса.

– Чем я виноват? Я бегаю целыми днями, ищу...

– Я не говорю, что ты в чем-то виноват, Яков! – отвечала мама.

– Не говоришь? А к чему тогда ты говоришь, что нечего есть?

– А что я должна говорить? – вскипела мама, – что у нас все прекрасно?

Володя затаил дыхание.

– Что я должна говорить? – продолжала мама, – вот смотри – хлеб. Все, что есть! Вот крупа – на два раза! Вот селедка.

– Соня, что я могу сделать?

– Не знаю! Наверное, ничего. Но я не могу делать вид, что все хорошо! С кем мне тогда разговаривать, как не с тобой? Говорить детям, что скоро умрем с голоду?

– Не умрем, – мрачно сказал отец, – наверное, где-то нужны... грузчики? Но черт возьми, я вчера ходил к вокзалу – там столько желающих подработать... и грузить-то нечего. Ладно... дай мне чаю – то есть кипятка, и я пойду.

– Поешь хлеба.

– Это тебе и детям.

– Голодный из дома ты не выйдешь, Яков, – решительно сказала мама.

Володя открыл дверь и вышел на лестницу. Держась обеими руками за перила, он стал медленно спускаться. С улицы в окна светил фонарь. Володя спускался и рассматривал свою тень.

Вспомнилась фильма, которую они с Ниной смотрели в январе семнадцатого. О чем она – уже не вспомнить, но точно там по лестнице шел человек, и на стене была большая тень.

– Володенька!

Он вздрогнул, огляделся. Что это? На лестнице никого нет. Но кто-то же позвал? Кто?

Это от голода, подумал Володя. Просто я хочу есть, вот и мерещится всякое.

Он снова пошел вниз и вдруг остановился, вглядываясь в темноту.

– Нина? – прошептал он, – ты?

Вверху с грохотом распахнулась дверь. Володя вздрогнул и сбежал вниз.

Солнце грело совсем по-весеннему, и Арсений Васильевич отправил Нину погулять:

– Пойди, деточка! Смотри, какая погода. И Володю позови – может, тоже отпустят.

Далеко не ходите только.

Нина забежала к Альбергам, и Софья Моисеевна радостно Володю отпустила – дома он не знал, чем себя занять, школу то открывали, то закрывали, занятия то были, то нет.

Они дошли до Загородного. Володя поднимал голову к солнцу и жмурился, Нина улыбалась.

– Нина, – заговорил Володя, – я подумал, что все-таки революция – это хорошо.

Нина улыбнулась:

– Наверное.

– Я у отца книжку взял в библиотеке. Я не все понял, но в основном... Знаешь, это как лавина, что ли... Все снесет, всю грязь вымоет, а то, что останется – останется хорошее. Как-то так там было. Но, может, я не все понял – это на немецком книга.

Нина кивнула. Какой все-таки Володя умный. Сама она мало задумывалась о происходящих событиях. Пока ничего хорошего от революции она не видела – голод, холод, страх. Но это же временно, наверное.

И вообще в такой прекрасный день не хотелось ни о чем думать.

На углу Загородного и Звенигородской несколько человек кололи лед. Нина вгляделась – интеллигентные, усталые лица, хорошие пальто, непривычные к работе руки. Она слышала об этом от отца – что буржуев сгоняют на работы по уборке, но сама видела это первый раз.

Охранял работавших солдат – с тупым, деревенским лицом. Преисполненный важности, он прохаживался мимо и покрикивал:

– А ну работай, сволочь! Прошло ваше время.

И с удовольствием оглядывался на редких прохожих.

Пожилый мужчина в теплом пальто и шапке остановился, тяжело дыша и отирая пот с лица. Солдат двинулся к нему:

– Работай, сволочь! Что встал?

Мужчина посмотрел на него и тихо ответил:

– Сейчас... передохну минутку.

– Я те передохну, сволочь! – вдруг взбесился солдат, – на том свете передохнешь, гадина, мать твою! А ну взял лом и лед долби!

Мужчина стукнул ломом по льдине, но тут же остановился и схватился за висок:

– Минутку, минутку...

Солдат сорвал с плеча винтовку:

– Работать!

Мужчина непонимающе смотрел на солдата, не убирая руку от виска.

– Вот как, гадина?

Раздался выстрел. Мужчина удивленно посмотрел на солдата и медленно осел на землю. Женщина с ломом закричала, другая подхватила ее крик. Солдат обернулся к ним:

– И тебя стрельнуть? И тебя? А ну работать, твари, суки!

И тут он заметил оцепеневших от ужаса детей. Он подошел к мужчине, присел, заглянул ему в лицо и, повернувшись к детям, глупо расхохотался:

– Вот видите, ребята, как мы буржуев кончаем?

Помолчав, он тупо усмехнулся:

– Вот только дышал – и нету...

Володя медленно двинулся на него. Нина в ужасе схватила его за руку:

– Володенька, милый, нет! Домой пойдем, пойдем скорее!

Она тащила его за собой, плача и что-то приговаривая, не помня и не понимая своих слов. Володя тупо шел за ней, иногда останавливался и порывался идти обратно, но Нина висла на нем, снова уговаривала, просила, тащила.

Измученные, они с трудом добрались до дома. Нина силой втащила Володю в квартиру.

Увидев детей, Арсений Васильевич перепугался:

– Маленькие мои! Что случилось?

Нина с плачем повисла у отца на шее:

– Папочка, он его застрелил! Просто взял – и выстрелил, и убил, а тот только остановился – отдохнуть! Папочка, просто застрелил, убил!

Рыдая, она повторяла одни и те же слова. Арсений Васильевич гладил дочь по голове, целовал и шептал:

– Ну доченька! Ну маленькая!

Володя так и стоял у двери. Арсений Васильевич посмотрел на него и вдруг сорвался, закричал:

– А ты куда смотрел? Куда вы гулять потащились? Бестолочь! Неслух! Кто вас туда отпустил, отвечай!

Володя вздрагивал на каждый окрик, но не шевелился. Нина очнулась:

– Папа, что с ним? Да не кричи на него!

Смирнов опомнился. Он подошел к Володе:

– Прости, мой маленький... я и сам напугался. Ты не виноват ни в чем, слышишь? Просто... не ходите вы никуда! Не ходите! Володя! Ну, что с тобой?

Арсений Васильевич потряс мальчика за плечи. Тот наконец перевел на него взгляд:

– Он его убил.

Нина снова расплакалась. Володя, глядя на лавочника остановившимися глазами, повторял:

– Он его убил. Совсем. Захотел – и убил. Убил – потому что захотел. Ни за что убил. Совсем. Потому что захотел – взял и убил.

– Володя, очнись! – тряс его Арсений Васильевич, – очнись, мальчик!

– Папа, что с ним?

– Не знаю... испугался. Володенька!

Вдвоем они трясли Володю за плечи, Арсений Васильевич умыл его холодной водой, и мальчик наконец пришел в себя. Оглядевшись, он сел на стул и глубоко вздохнул.

– Что это, Арсений Васильевич? – спросил он дрожащим голосом, – что это?

Смирнов с жалостью смотрел на детей. Что им говорить?

– Володенька, – наконец заговорил он, – не знаю, малыш, что тебе сказать. Ничего не буду! Только прошу, дети, никуда не ходите. Нечего вам на улицах делать, сидите дома, слышите!

– Он его убил! – крикнул Володя, – просто так взял – и убил! Почему он думает, что может убить?

– Он бандит, – неуверенно сказала Нина.

– Не бандит. Потому что бандита посадили бы в тюрьму, а этот считает, что прав... Он не бандит... или – кругом бандиты. Революция – бандиты. Убивают...

– За молчи, Володя! – строго сказал Арсений Васильевич, – замолчи и послушай меня. Следи за языком своим, слышишь? Нигде, никому! Ничего!

Володя перевел на него усталые глаза:

– Так ведь – свобода...

– Замолчи, я сказал!

– Папа! – вмешалась Нина, – что ты на него все кричишь? Посмотри, какой он!

Она подошла к Володе и потянула его за руку:

– Пойдем книжку посмотрим?

Когда книжка закончилась, Нина встала:

– Пойду нам чаю сделаю...

Арсений Васильевич подсел к Володе:

– Сынок, послушай меня. Время сейчас опасное, у тебя родители, сестренки. Ты никуда не ходи, ни с кем не разговаривай.

Володя повернулся к нему:

– Мы с Ниной когда туда шли, как раз говорили, что революция – это хорошо. И вот такое... Как нам дальше... ну, жить?

– Ну, сынок. Так и жить. Что поделаешь?

– Я боюсь.

– И я боюсь. Все боятся.

– А вас тоже могут на такие работы забрать? – спросил Володя.

– Могут, наверное, – сказал Арсений Васильевич и покраснел. На работы его уже забирали, но вовремя сунутые старинные серьги спасли положение.

– И папу.

– И папу. Но ты не переживай. Справимся, если что. Мы оба здоровые, сильные. Не бойся. Все кончится, мой хороший. Пойдем-ка чаю выпьем.

Арсений Васильевич собрался проводить Володю. На улице тот остановился:

– Не говорите моим родителям про сегодняшний день, ладно? И Нину попросите. Не хочу их пугать. Дома и так... невесело.

– Не скажу. А ты обещай потише себя вести.

Володя кивнул:

– Постараюсь. Арсений Васильевич!

– Что, мой хороший?

Володя глубоко вздохнул:

– Когда застреливают – что происходит?

Арсений Васильевич оторопел:

– Не знаю, сынок, и я бы без этого как-нибудь обошелся.

– Я... знаете что? Я видел на Загородном, как двое солдат молодого человека вели. И баба одна сказала – стрелять сердешного... о чем он думал?

Арсений Васильевич покачал головой:

– Володя, как бы сделать, чтобы не болтался ты где не надо... ну, что ты? Баба сказала... всех слушать – ушей не хватит.

– Но ведь убивают! Вот этого человека убили. А вы смерти боитесь?

Арсений Васильевич задумался:

– Да не сказал бы. Что ее бояться? Я есть – ее нету, а она придет – так меня не будет...

– А я боюсь. Я боюсь, что я буду знать – вот завтра умру... или что меня убьют завтра... что я в этот день делать буду?

Арсений Васильевич молчал, не зная, что говорить.

– Вот если бы вы знали, что вас убьют завтра?

– Господи, Володя! Наступит такой день – тогда и подумаю! – рассердился Смирнов, – что сейчас-то об этом? И ты не думай, сынок. Ты маленький, тебе играть надо, читать...

– Я уж не маленький.

– Иди-ка домой.

Арсений Васильевич довел его до парадной:

– Ну беги.

Володя скрылся за дверью. Арсений Васильевич прислушался. Где-то за Фонтанкой раздался выстрел, еще один.

Услышав стук двери на втором этаже, Арсений Васильевич поспешил домой.

Наступило лето. Ни о какой даче речи не шло, Арсений Васильевич подумал и отправил Нину на Охту:

– Там, Ниночка, всяко ближе к воздуху.

Нина уезжала неохотно:

– А ты тут как один?

Арсений Васильевич уверял, что справится, да и приезжать он будет часто.

Тетя Лида с самого утра садилась за машинку – заказов было много, то перешить пальто, то перелицевать пиджак. Нина с увлечением готовила обед, потом уходила гулять.

На Охте события были заметны куда меньше – все та же тихая, зеленая окраина. Иногда по вечерам собирались пьяные мужики, спорили, плевали на землю. Нина обходила их стороной.

Иногда она заходила к Тонечке. Маленький Гриша подрос, девочки брали его и уходили на берег Невы.

– Ты знаешь, папа вступил в партию большевиков, – сказала как-то Тоня.

– Да? – рассеянно спросила Нина.

– Да... Нина, мы с тобой подруги?

– Конечно.

– Вот я хочу с тобой поговорить, – задумчиво продолжила Тоня, – знаешь, папа говорит о разных классах. О том, что ты – дочь владельца магазина, а значит – ты принадлежишь другому классу.

Нина недоуменно посмотрела на подружку:

– И что?

– Он, мне кажется, не очень доволен, что мы дружим.

– Вот как?

– Мама его урезонивает, говорит, что не след вмешивать в политику детей. Сегодня я сказала ему, что ты тоже пойдешь гулять с Гришей, он нахмурился.

Нина молчала, не зная, что сказать.

– Он ушел, а мама сказала, чтобы я ему не говорила, когда с тобой гулять уйду.

Нина кивнула:

– Ясно.

Разговор не клеился, и обе, не стовариваясь, стали собираться. Нина помогла Тонечке дотащить корзинку с Гришиными вещами и медленно пошла домой.

Тетя Лида строчила на машинке. Нина подсела рядом.

– Случилось что-то, моя девочка?

– Да... тетя Лида, мы, кажется, больше не дружим с Тонечкой.

– Почему?

– Ее отец сказал, что мы принадлежим к разным классам, и он недоволен, когда мы вместе гуляем. Ее мама сказала, чтобы Тоня ему не говорила, если мы вместе гулять пойдем.

Тетя Лида вздохнула:

– Идиот... Как же он поезда-то водит, если идиот?

– Что мне делать?

– Не знаю, Ниночка. Пусть решит Тоня – если будет к тебе приходиться, дружите, а сама не ходи. Так, наверное.

– Мне обидно, – пожаловалась Нина, – я вообще никакой не класс! Я – просто я.

– Понимаю, Ниночка. Но что уж тут поделаешь?

Тоня не приходила, и Нина приставала к тетке:

– Мне скучно, тетя Лида!

На Охту приехал Арсений Васильевич, и Нина рассказала про Тонечку. Отец пожал плечами:

– Ну, моя маленькая, было бы о чем думать. Это часто в жизни – сначала дружат, потом расходятся. И дело тут не только в, как ты говоришь, классах. Люди делаются старше, на многое смотрят по-разному... Это ничего, нестрашно. Потом будут новые подруги. Ты же без нее не больно и тоскуешь?

– Без нее – нет, – хмуро согласилась Нина, – а ты Володьку видишь?

– Видел, он ко мне заходил. Они дачу сняли еще в начале лета, а перебираются только сейчас.

– Мне тоже хочется за город.

– Так поехали.

– Сейчас?

– Что же?

– А тетя Лида?

– И она с нами. Лида, собирайся, поехали.

– А как поедem?

– На паровичке.

Станция была прямо напротив Тонечкиного дома. Как раз прибыл поезд, и Нина увидела, как отец Тони подходит к паровозу и по лесенке забирается в кабину.

Нина с отцом и теткой сели в вагон. Поезд тронулся. Нина вдруг рассмеялась:

– Представляете, вот пройдет еще время, и он нас возить не будет. Скажет – я вожу только людей своего класса.

– С дурака станется, – подтвердила тетя Лида.

Они вышли на маленькой станции. Нина прочитала:

– Дача Долгорукова.

– Мы сейчас в деревню пойдем, – сказал Арсений Васильевич, – тут хорошая деревня, вот река.

– Купаться можно?

– Можно. И молока можно будет попить, наверное.

– В самую жару потащились, – сказала тетя Лида.

– А мы тут можем в гости зайти, – сказал Арсений Васильевич, покосился на сестру и покраснел.

Тетя Лида покачала головой.

Деревня казалась вымершей. Они дошли до берега реки, тетя Лида расстелила покрывало, достала из корзинки хлеб и холодный чай в бутылке. Нина отошла за кусты, разделась и бросилась в воду.

В холодной воде сновали рыбки. Наплававшись, Нина вылезла на берег. Рядом с отцом и тетей Лидой сидела молодая женщина. Нина поздоровалась. Женщина внимательно рассмотрела ее:

– Дочка твоя на тебя похожа? И на тебя, Лида.

– Да, на мать совсем нет, – согласился грустно Арсений Васильевич.

– Меня Марфа зовут, – сказала женщина, – жарко тут. Ты, Лида, бери девчонку да в дом идите, вот мой, прямо напротив. Там квас. А мне Арсений тут сейчас поможет.

Тетя Лида поднялась:

– Пойдем, Ниночка.

Дом Марфы стоял на самом берегу. В холодных сенях Нина вздохнула:

– Как хорошо! На улице вправду жарко.

Они вошли в комнату, и Нина увидела двух маленьких мальчиков – они сидели на чистом половичке и катали паровозик. Тетя Лида нахмурилась. Мальчики доверчиво заулыбались. Нина подошла к ним:

– Вы играете? Давайте и я с вами.

Скоро выяснилось, что мальчиков зовут Федя и Алеша, им по четыре года, папа на войне, а старая бабушка живет за паровозом – в Малиновке. Нина взяла у печки несколько деревяшек, и они построили вокзал. Тетя Лида выпила квасу и прилегла.

Вернулся отец с Марфой. Он схватил кружку, налил квасу и залпом выпил:

– Ох, жара какая...

Марфа довольно улыбалась. Мальчики бросились к Арсению Васильевичу:

– А вы нам игрушки принесли?

– Игрушки нет, а вот возьмите-ка, – и он достал из кармана по петушку на палочке.

Марфа поставила на стол большую миску:

– Окрошку будете?

– Будем! – обрадовалась Нина.

Тетя Лида села к столу. Отец умывался под краном. Марфа внимательно смотрела на тетю Лиду.

– Ты на петушков да на паровозик не гляди – сам он, я ничего не прошу, не требую, – сказала она медленно, – и греха нет, я считай вдовая... каким муж мой вернется, коли вернется? Письмо было – газом травленный. Так что не стыди ни меня, ни его.

Тетя Лида нахмурилась:

– Ты что это при детях разговоры ведешь?

– Ничего пока не понимают твои дети.

Отец примирительно улыбнулся:

– Давайте окрошку есть.

Тетя Лида неохотно взяла ложку. Нина доела и попросила еще:

– Тетя Марфа, так вкусно!

– Вкусно – ешь. А ты, отец сказывал, молоко любишь?

– Люблю.

– Ну так вот после окрошки и налью. Утром пирог еще пекла, хороший вышел.

После окрошки пили молоко, ели пирог с вареньем – кислый, сахару было не достать.

Тетя Лида сидела притихшая.

– Трудно тебе одной? – спросила она Марфу.

– Трудно, – согласилась та, – трудно. Но сейчас всем непросто, Лида, выживем как-нибудь.

– Если тебе что перешить – давай.

– Спасибо, Лида. Вот пальто мое было да мужнин тулуп – детям сможешь переделать?

– Смогу, сейчас замеряю их.

- На вырост шей, мне не из чего больше.
- Сделаю.
- Не спеши шибко-то, зима неблизко.

Нина захотела снова купаться, Марфа взяла детей и пошла с ней. Федя и Алеша плескались на мелководье, Марфа с Ниной доплыли почти до железнодорожного моста.

- Какая у вас деревня красивая, – сказала Нина, – а как она называется?
- Яблоновка. Тут у нас по весне знаешь как яблони цветут!
- Можно я по весне приеду?
- Можно, конечно, приезжай. Давай обратно, вам ехать еще, а поезда-то сейчас редко ходят.

Марфа с детьми провожала до станции. В бутылку из-под чая она налила молока.

- Оставь, Марфа, – нахмурилась тетя Лида, – детям.
- У вас тоже ребенок.

Нина долго махала ей из окна, потом опустила на скамейку.

- Хорошая какая, папа! – сказала она, – и мальчики хорошие.

Отец вытер платком лицо.

- Сердце-то не остановилось? – сердито спросила тетя Лида.
- Не сердись, Лида, – виновато попросил отец.
- Вы о чем? – удивилась Нина,
- О том, что по такой жаре гулять опасно, – сказала тетка.

Вечером, когда Нина уже была в кровати, отец принес ей кружку молока, присел рядом:

- Выпей, Ниночка, с медом.
- Как раньше! – обрадовалась она.
- Да... вкусно?
- Очень.

Она пила молоко, отец грустно смотрел на нее.

- Что ты? – удивилась Нина.

– Говорят – ты на маму не похожа... Не похожа, нет, глаза мои, рот мой... а вот повернешься, улыбнешься... Знаешь, ведь сколько лет прошло... а легче не делается. Я все думаю – какое счастье, что ты есть.

Нина почувствовала, как к глазам подступают слезы. В комнату неслышно вошла тетя Лида.

– Ну что ты, – заговорила она, – и сам расстроился, и девочка вон плачет... Не надо, Арсюша, мальчик мой! Что уж...

Она подошла ближе, обняла брата:

- Ну, мой хороший...

Нина приподнялась на кровати и тоже обняла отца:

- Папа, так тебя люблю!

Отец кивнул и поднялся:

- Простите, девочки.
- Ты уж ночуй, Арсений, – попросила тетя Лида.
- Ночую.

Утром, когда Нина поднялась, отца уже не было. Тетя Лида строчила на машинке.

- Как папа? – спросила Нина.
- Хорошо, Ниночка, не переживай.
- Тетя Лида, может, мне домой надо?
- Что такое?
- Как там папа без меня?

– Да неплохо, – сердито сказала тетя Лида, – неплохо. А ты со мной останься, девочка – мне так с тобой хорошо!

Нина подумала и согласилась.

Родители Володи сняли маленькую дачку в районе Ивановской, на берегу Невы, но переезжать туда не спешили. Отец наконец-то нашел службу, что-то проектировал, строил, но денег все равно не хватало, он был хмурым, раздражительным. Помимо бедности его беспокоило образование детей – что-то будет с гимназиями на следующий год, где и как они будут учиться?

Софья Моисеевна успокаивала его:

– Все наладится, Яков. Что ты переживаешь? Сейчас главное – как-то выжить...

– Кем они вырастут? Недоучки. Ладно Эля, она, я вижу, повторяет, читает. Анята маленькая, и ты ее учишь. А этот? Я сам буду с ним заниматься.

Володя пропустил его слова мимо ушей, но следующим вечером отец пришел к нему в комнату:

– Доставай учебники.

– Какие? – удивился Володя.

– Какие? – взорвался отец, – какие? Ты уже не помнишь, что у тебя есть учебники?

Володя снял с полки книжки:

– Ну вот...

– Ну вот. Так. Что вы прошли по русскому письменному?

– Вот досюда... кажется.

– Будешь заниматься дальше. Смотри – я отмечаю тебе десять упражнений, чтобы к завтрашнему дню все было сделано.

– Папа, ведь лето! – заикнулся Володя и тут же об этом пожалел.

– Лето? – бушевал инженер, – лето? У тебя круглый год лето! Чем ты был занят весь год?

Ты открыл хоть одну книгу? Отвечай, бездельник!

– Открыл, – отбивался Володя, – я много читал!

– Он много читал – ты слышишь, Соня? Это теперь заслуга, подвиг! Не десять упражнений ты мне напишешь, а двадцать!

– Чем я буду писать? – хмуро спросил Володя, – чернил нет...

– Напишешь карандашом. Завтра я проверю, и если что-то будет не сделано или будут ошибки...

Он встал и вышел, хлопнул дверью.

Каждый вечер отец проверял домашние задания. Если математика и естествознание даже доставляли удовольствие – отец отлично в них разбирался, объясняя, увлекался и становился похожим на самого себя прежнего, то с русским и историей была настоящая беда. Писать карандашом было непривычно, и отец ругал за почерк, а если находил ошибку, то вовсе выходил из себя. По истории он требовал дат и ненужных, как казалось Володе, подробностей. Володя от страха путался, запинаясь, забывал даже то, что знал. Как-то отец в ярости запустил в него учебником. Мама, присутствовавшая при уроке, вскочила:

– Ты сошел с ума, Яков? Может быть, ты сразу его убьешь? Как же! Он ведь забыл, когда было сражение при Фермопилах!

– Он бездельник!

– А ты неврастеник! Если ты еще раз позволишь себе подобную выходку, я заберу детей и уйду!

Отец растерянно остановился:

– Что?

– Что слышал. Обижать мальчика я не позволю!

Отец быстро вышел из комнаты. Володя ошарашенно смотрел на маму. Она подняла брошенный учебник и вышла вслед за отцом. Эля с ненавистью посмотрела на брата:

– Ты слышал? Мама с папой из-за тебя хотят разойтись!

И она разрыдалась. Из детской прибежала Аня, тоже разревелась. Мама вернулась в комнату:

– Ну, что тут еще такое?

Эля, продолжая плакать, махнула рукой. Володя, дрожа, ушел к себе.

Неужели мама правда может забрать их и уйти? Куда?

Ну и ладно, подумал он в ярости. И ладно, и пожалуйста! Мама тоже бывает разная, но все равно с ней будет лучше.

А может быть, Элька останется с отцом. А они будут жить втроем – он, мама и Аня. Мама станет прежней – веселой, ласковой. И он во всем будет ей помогать!

Прибежала Аня:

– Володя, мама зовет ужинать!

На ужин был суп, который ели на обед – полупустой, но хоть горячий. Заплаканная Эля накрывала на стол. Мама разлила суп по тарелкам.

– Завтра мы переезжаем на дачу, – сказала она, – Эля, Володя, соберите с собой учебники, тетради, рисование, книжки. И помогите Ане собрать игрушки.

Володя растерянно поднял голову. Что это? Они правда уедут от отца? Мама выглядит спокойной, уверенной, папа немного смущен, но не расстроен.

После ужина Володя ушел к себе, сел на подоконник. Мысли путались.

Мама правда решила их увезти? Папа что, останется один?

Володя вскочил и бросился в коридор, прислушался. Мама у Ани, укладывает ее. Он открыл дверь, заглянул. Мама сердито замахала руками, Аня подняла голову:

– Володя, заходи! Мама и тебе сплет.

Мама хлопнула рукой по спинке кровати:

– Немедленно спать! А ты что явился? Не знаешь, как она тяжело засыпает? Тебе не подождать?

– Мама, послушай. Вы с папой – вы расходитесь?

Мама изумленно посмотрела на него:

– Что?

– Ты сказала сегодня, ну, про меня. А потом – про дачу, что мы уезжаем. Вы расходитесь?

Мама покрутила пальцем у виска:

– Ты что, совсем глупый? Ну-ка быстро в свою комнату, да повтори уроки, пока отец опять не рассердился.

Володя побрел к себе. Мама пришла через полчаса:

– Вот явился, а она уже почти заснула! Пришлось еще ей петь.

Она прошла по комнате, потом села на кресло, притянула Володю к себе:

– Послушай меня. Папа был в тюрьме, ему нелегко, ты должен это понять. Да, он раздраженный, нервный... конечно, я не разрешу ему кидать в тебя книгами, но и ты мог бы учиться получше и не раздражать его. А про то, что мы разойдемся... Этого никогда не будет, Володя.

Мама встала, потрепала сына по голове:

– Спать.

Снился какой-то сон, что они все-таки живут втроем – он, мама, Аня, каждый день гуляют около моря, смеются, разговаривают. Только было жалко отца, потому что он где-то был один, без них, и Элька куда-то пропала. Володя чувствовал, что плачет во сне, вытирал слезы кулаком, мама и Аня смеялись рядом, а он радовался тому, что он с ними, и плакал потому, что папы рядом не было.

Через день они уехали на дачу. Володя исправно повторял уроки, но отец приезжал редко, в его тетрадки почти не заглядывал, только по математике что-то спрашивал. Мама следила, чтобы дети занимались, гулять особо не пускала.

Снимать дачу долго не получилось – было дорого, да и тревожно, и Альберги вернулись в город.

Как-то в середине сентября прибежала Нина:

– Слушай, – сбивчиво заговорила она, – что расскажу! Ты даже представить себе не можешь!

– Что?

– Я теперь буду учиться в твоей гимназии!

– Как это?

– А вот так! И это уже не гимназия, а единая трудовая школа – так она теперь называется. И девочки тоже будут там учиться! Представляешь?

– А твоя гимназия?

– А мою закрыли. И наши преподаватели – многие переходят к вам. Говорят, Синька тоже переходит. Ты рад? Вместе будем ходить по утрам.

Володя неловко улыбнулся. Как-то странно – девочки, мальчики вместе... И Синька будет работать в его гимназии.

– Если ты не хочешь – можем вместе не ходить, – сказала Нина, наблюдая за ним.

– Да нет, Нина, что ты. Странно как-то... ну, что девочки будут в классе.

– И мне странно – что мальчики. Но ты знаешь, так ведь и раньше было! Вот моя мама – она работала в сельской школе, там мальчики и девочки учились вместе. И ничего... Володя, мне пора! Я ведь только на минутку – рассказать. Ну что, вместе будем ходить? Да?

Учиться вместе было непривычно, но гимназия не очень изменилась – те же преподаватели, те же предметы. Многие отстали, конечно, и голодная, тревожная зима не прошла даром – иногда Володя ловил себя на мысли, что учиться стало труднее, раньше достаточно было послушать или прочитать, а теперь приходилось думать, перечитывать, заучивать. Нина тоже стала учиться куда хуже – сама не занималась, по математике все забыла, но она, в отличие от прежних лет, стала относиться к учебе намного спокойнее.

Арсений Васильевич устроился работать в магазин около Технологического института, первое время был доволен:

– Пока торгуешь, с голоду не помрешь.

Потом стал приходиться усталым, сердитым. Как-то утром долго тянул время – никак не мог выйти из дома.

– Не нравится? – спросила Нина.

– Что там может нравиться...

Торговали по карточкам, очереди были огромные, народ злой и голодный. Поначалу Смирнов пытался вести себя как всегда – обращался к покупателям приветливо, с улыбкой, но народ его манера только раздражала:

– Ишь, лыбится!

– Зубы белые – чего не лыбится... при торговле – так сытый! Что ему? Это мы подышаем.

А он что, приворовывает, да что получше – себе тащит...

– Ты давай-ка зубы не заговаривай, а товар отпускай!

Арсений Васильевич махнул рукой и стал работать без души – быстро и равнодушно.

Самым неприятным моментом оказались как раз подозрения в нечестности. Торгуя всю сознательную жизнь, Арсений Васильевич не понимал, как можно обмануть покупателя. Отец его всегда брезгливо разрывал отношения с теми, кто, не стесняясь, продавал что-то некачественное или хитрил с ценами. Теперь же, наблюдая за другими продавцами, Смирнов видел, как они, не стесняясь, обвешивали, прятали что-то под прилавок, воровали.

Конечно, его маленькая семья не голодала. Арсений Васильевич по-прежнему менял какие-то вещи на продукты, но впервые стал задумываться, что вот эти поменянные продукты как раз украдены из магазинов. Сначала мучила совесть, потом он решил, что его это не касается – на Руси воровали всегда, а он платит за эти продукты тем, что когда-то честно заработал. Главное – не позориться в своем же магазине, как это ни трудно.

– Пора, – спохватился он.

Нина тоже встала:

– А я тогда пойду к Володе.

– Пойди, Ниночка. Знаешь что? Ты лучше его сюда веди, там не мешайтесь.

– Хорошо!

Отец ушел. Нина оделась, выпила чаю и поднялась к Альбергам.

Дверь была распахнута, какие-то люди втаскивали сундук. Нина остановилась. Сразу же вспомнился арест Альберга – вдруг снова? Но зачем тогда сундук?

Мужичонка, тащивший сундук, повернулся:

– Ты сюда, что ли?

Нина кивнула.

– Гостей принимают, – пропыхтела баба, пихая сундук, – что ж, было где – шесть комнат!

Ничего, теперь потесниться придется.

Нина рассердилась:

– Пройти можно?

– Не видишь – сундук? Как ты пройдешь?

– Я пройду.

Нина протиснулась в квартиру. Мимо пробежала Эля со стопкой книг.

– Эля, что случилось? – спросила Нина.

Та остановилась, посмотрела на нее диким взглядом и побежала дальше.

Нина нерешительно двинулась к Володиной комнате – она была самой ближней к передней. Подошла, толкнула дверь и замерла на пороге.

Уютной комнатки с книгами, письменным столом, кукольным театром на подоконнике больше не было. Володина кровать была вытащена на середину, тетрадки ворохом лежали на полу, стул валялся на боку. Нина растерянно огляделась. Да что тут происходит? Может быть, они переезжают? Но нет, Володя забегал вчера вечером, не могли же родители ему не сказать о переезде. Решили переехать в одну минуту? Вряд ли.

На пороге возникла баба с лестницы:

– Ты что тут делаешь?

– А вы?

– А я таперича живу тут. Хватит, нажились в подвале-то...

– Как – живете?

– Да вот так. Что же? Не все анжинерам по десять комнат иметь. Уплотнили их – поняла?

– Ясно...

Об уплотнениях говорили много, но Нина никогда не думала, что это коснется ее или Володи. Она огляделась, присела на корточки и стала собирать Володины вещи. Баба прищурилась:

– Ты что это тут хозяйничаешь? Не твое.

– Да и не твое! – вдруг взбесилась Нина, – только подойди к тетрадкам, я сразу в милицию пойду! Тебе комнату дали, а не вещи хозяйские. Вот и постой в уголочке, пока я соберу.

– Не комнату, а две, – похвасталась баба, – а ты ж не хозяйская вроде девчонка, чего командуешь-то?

– Отстань!

Баба махнула рукой и вышла. Нина аккуратно сложила Володины вещи, прижала к груди и пошла по коридору к гостиной. Какие комнаты им оставили? Кабинет отобрали, раз Эля несла оттуда книги.

В коридоре Нина встретила Володю – он тащил книги из кабинета. Увидев ее, он устало кивнул.

– Куда твои вещи нести? – спросила Нина.

– В спальню куда-нибудь, – помедлив, ответил он, – только там некуда.

Нина пробралась в столовую. Софья Моисеевна стояла на коленях перед буфетом и вынимала оттуда посуду.

– Софья Моисеевна, – негромко спросила Нина, – какие комнаты ваши?

Та обернулась:

– Спальня, детская и гостиная.

Нина быстро отнесла в спальню Володины вещи, вернулась и стала носить в гостиную посуду. Потом она взяла стул, сняла со стены картину, повернулась к Володиной матери:

– Шторы снимать?

Софья Моисеевна огляделась:

– Нет, не надо. Они старые, я менять хотела. Тут все, наверное.

– Я тогда в кабинет пойду, там помогу.

– Да, Нина. Там книги Якова... Володя с Элей носят, но эти пролетарии уже вселяются.

Нина пришла в кабинет. Володя, стоя на лестнице, снимал книги с верхней полки книжного шкафа.

– Шевелись, – командовала тощая, вертлявая тетка, – мне недосуг – надо скорее вещички расставить да в ячейку идти.

Нина вздохнула:

– Много у вас вещей?

Та повернулась:

– Да вот, сундучок да книги увязаны.

– Мы свое уберем и ваши вещи расставим. Я и подмету тут.

Тетка прищурилась:

– Ну спасибо, коли так. А то я правда на собрание опоздаю. Слушай, девочка. Вы мне мебель-то оставьте – диван там, стол да стул, да вот хоть шкаф книжный. А то мне и лечь не на что, и литературу не расставить...

Нина кивнула:

– Оставим.

Тетка вышла. Володя медленно спустился со ступенек. Эля села на диван, обхватив голову руками.

– А Яков Моисеевич где? – спросила Нина, оглядывая разоренный кабинет, – я почему спрашиваю – все книжки в те комнаты не поместятся, он бы отобрал, что самое нужное?

– Папа на службе, – сказала Эля глухо, – он ничего не знает. И книги все нужны – я ничего им не оставлю.

– Я бы взяла к нам, – сказала Нина, – но кто знает – что у нас завтра будет... Давайте носить все тогда. Куда-нибудь сложим.

Дети молча перетаскивали книги. Баба с сундуком вталкивала свое добро в Володину комнату:

– Эх, заживем!

Ее муж крутился рядом:

– Ты, Нюронька, сейчас тут все помой, расставь, вот и кровать подвинуть, а я сбегая – отметить надо.

– Отметить! – возмутилась Нюронька, – а про детей забыл, сволочь? Детей-то надо с подвала в новые хоромы вести.

– А я и забыл про них, – весело удивился мужичонка, – а что, Нюрка, давай их там оставим? А что? Тут-то места вон сколько, новых настрогаем... кровать-то барская... комната отдельная...

Эля вспыхнула, Володя удивленно поднял брови. Нина подтолкнула его:

– Володя, давай книжки таскать...

Через два часа великое переселение было завершено. Нина с Софьей Моисеевной еще раз прошлись по комнатам, забирая какие-то мелочи. Наконец все собрались в гостиной. Софья Моисеевна устало села на стул:

– Вроде бы все.

– Мама, я хочу кушать! – подбежала Аня.

– У нас как будто и нет ничего, – развела руками Володина мать, – так все неожиданно. Утром явились с милицией, показали указ об уплотнении, тут же появились эти рожи с ордерами. Ну и началось. Яков только успел уйти. Боже мой, он же еще не знает...

– Пойдемте к нам? – предложила Нина, – папа с утра готовил, мы и пообедаем?

– Спасибо, Ниночка. Если это удобно, возьми Володю и девочек. Я не пойду – буду ждать Якова и, – Софья Моисеевна зло усмехнулась, – присматривать, чтобы из этих-то комнат не выгнали.

Володя подхватил на руки Аню. Нина скорее побежала вперед – греть обед. Проходя по коридору, она бросила взгляд на Володину комнату – баба, пыхтя, двигала Володин стол. Увидев Нину, она хлопнула по крышке:

– Обеденный будет! Как баре заживем.

Уставшие дети расселись в Нининой столовой. Нина скорее накрывала на стол:

– Сейчас все будет.

Володя дал Аняшке ложку:

– Аняшка, кушай. Очень вкусно.

Эля сидела, горящими глазами глядя куда-то в пространство.

– Эля, поешь, – тихо окликнула ее Нина.

Эля непонимающе повернулась:

– Что?

– Поешь.

Эля прерывисто вздохнула.

– Вкусно? – свистящим шепотом спросила она брата, – вкусно?

– Вкусно, – растерялся Володя.

– Вкусно! Вот так и будет – они будут нас уплотнять, выгонять, притеснять – а мы, как ни в чем не бывало...

Она отвернулась. Володя растерянно положил вилку.

– Эля, поешь, – снова сказала Нина, – что же делать? Может быть, завтра их выселят.

– Их никогда не выселят. Они так и будут... строгать детей на Володькиной кровати.

– Но они же жили в подвале! – сказал Володя.

– Что ты сказал? – вскинулась Эля.

– Пожалуйста, хватит, – взмолилась Нина, – давайте спокойно поедим, и вам надо домой, ведь ваш отец скоро придет. Вот Аняшка умница – кушает.

– Я скорее поем и пойду в куклы играть, можно? – весело спросила девочка.

– Можно, конечно.

Эля угрюмо взяла вилку. Поев, она встала:

– Мы пойдем, спасибо.

– Не за что.

– Я не хочу уходить! – заныла Аня.

– Эля, оставь ее тут? А вечером я приведу. Мы поиграем.

– Хорошо, – помедлив, согласилась Эля.

Они ушли. Нина вытащила своих кукол, железную дорогу:

– Во что ты хочешь играть?

– Во все! Давай как будто куклы поедут на поезде?

Через два часа пришла Эля. Куклы успели доехать до Владивостока, за время путешествия они поели в ресторане, для чего Нина расставила кукольный сервиз.

– Пойдем домой, Аня, скоро папа придет, – сказала Эля рассеянно, – Нина, спасибо тебе, что за ней присмотрела.

– Не за что. Если нужна какая-то помощь – скажи, хорошо?

Эля кивнула и ушла, уводя сестренку. Нина стала убирать игрушки. На душе было мерзко. Эти кошмарные бабы, этот плюгавенький мужичок теперь будут жить в уютной, удобной квартире, в Володином доме.

Нина села и оглядела свою комнату. А если и сюда придут? Ее «шведская» комнатка, светлые обои, веселые картины на стенах! А папина спальня? Там все, как он любит – книжка на прикроватном столике, торшер, маленькое зеркало. А их гостиная, она же столовая – уютная, теплая, с диванчиком, круглым столом, большим буфетом, книжным шкафом и необычными окнами.

А если уплотнят тетю Лиду? Она-то живет одна, а комнат три!

И Нина горько заплакала. Она проплакала почти до вечера, и вернувшийся Арсений Васильевич перепугался до смерти:

– Что случилось? Ниночка! Девочка моя! Что тут такое? Да расскажи мне!

Нина, вытирая слезы, рассказала про уплотнение. Арсений Васильевич сначала нахмурился, потом рассердился:

– А что ты реवेशь?

– А если нас?

– Ну и что? В одной комнате поместимся, я не храплю вроде...

– А вещи?

– Да велики там вещи! Все в одну комнату поставим, лабиринт устроим и будем в прятки играть. Не реви, моя маленькая, не от чего. Ты помогла там? Не устала? Тяжелое не таскала? Ты потом пойдешь, спроси – не надо ли что помочь? Я помог бы Альбергу мебель двигать, если что.

Нина глубоко вздохнула:

– Правда лабиринт сделаем?

– Еще какой. Не думай ты о вещах, моя девочка. Ерунда это все.

Началась новая жизнь в коммунальной квартире. В Володиной и Элиной комнатах жила семья – Нюронька с мужем и тремя детьми. Всем заправляла Нюронька. Мужичок норовил выпить, а выпив, набирался храбрости и возражал Нюроньке:

– Ты что в мужском деле понимаешь? Вот так-то, курва, и не трави ты мою душу...

Начинался скандал, плакали дети, хлопали двери. Если другая жиличка, поселившаяся в кабинете, оказывалась дома, то шла наводить порядок:

– Товарищ Куроесов! Вы что себе позволяете? Теперь, когда женщина равна мужчине, когда товарищ Коллонтай говорит о свободе любви...

Как ни странно, ее бессмысленные тирады успокаивали мужичонку, и он, ложась спать, говорил жене:

– Вот Зоська – толковая баба, на ней бы женился, а тебя с огрызками в подвал. Да ведь никак – ордел-то на двоих даден...

На следующее утро после пьянки он виновато ходил за женой:

– Нюронька, а Нюронька! Ты меня прости уж, дурака. Ну, как по мужскому делу не выпить? А? Ты на меня глянь, я ж ладный еще. Нюронька!

Дети из комнаты почти не выходили. Как-то раз Володя, проходя, заглянул в комнату и увидел, что маленькая девчонка, грязная, сопливая, теревит его кукольный домик.

Тетка из кабинета была громкой и активной. Для начала она предложила ввести дежурства по квартире:

– Мы, товарищи, теперь живем в одной квартире, должны поддерживать порядок. Кто вот вчера в уборной за собой не смыл? Это, товарищи, революционный беспорядок. Надо дежурства завести.

– Дежурства – какие? Кто по каким дням за другими смывать должен? – вскипела Софья Моисеевна.

– Это ты, товарищ Соня, утрируешь. Смывать за собой все сами должны, а кто не смыл – ты уж не обижайся, бедные, бывало, и в ведро ходили... научим. А вот что кухню по очереди убирать – так это надо обмозговать.

– В кухне пусть каждая семья убирает за собой.

– А общая уборка? Ты как себе это видишь? Вон у тебя трое – по коридору так и бегают, а грязи сколько несут? И у Нюры трое – тоже грязь, как ты отличишь, где твои наследили, а где еенные? Нет уж, надо так: понедельник ты убираешь, вторник она...

Софья Моисеевна, не дослушав, уходила. Если отец оказывался дома, то язвил:

– Ну как, товарищ Соня, сегодня не твой черед убирать?

Вечером после уплотнения Анюта, разглядывая заставленные мебелью комнаты, удивлялась:

– А как же тут жить? А как же ходить между книгами?

Володя улыбнулся:

– А мы зато можем играть, как будто землетрясение... Смотри, я на кресле – это последний остров остался...

Он не договорил. Отец вскочил, бросился к нему и замахнулся. Володя еле успел увернуться:

– Папа, ты что?

– Тебе шуточки? Шуточки? – кричал отец, сжимая кулаки, – землетрясение? Тебе смешно? Смешно оттого, что рядом с нами живет эта... эта...

Он снова замахнулся. Володя зажмурился. Мама встала между ними:

– Яков, немедленно перестань. Немедленно!

Отец остыл. Володя, дрожа, встал с кресла. На отца он старался не смотреть. Боком проскользнув мимо, он вышел в Анютину комнату. Там он сел к окошку, стараясь унять дрожь и не заплакать.

Вбежала Анюта:

– Володя! А почему папа рассердился?

– У него и спроси.

– Он не говорит. Почему?

– Оставь меня в покое?

Сестра обиделась:

– Это моя комната!

– А моя где?

– Не знаю. Это моя. Уходи! Я буду тут одна играть.

Володя встал и вышел на кухню. Нюронька чистила картошку:

– Что там батька твой разбушевался? Натворил ты что?

Володя пожал плечами.

– Так с вами и надо. Что ты таким букой глядишь?

– Ничего.

– Ничего... жалко комнаты, вот и злишься. А что злиться? Ты пожил в комнате один, вон и кровать была, и стол. И игрушки! А мои на лавке вдвоем спали, валетом. Теперь и ты так поспи, погляди, какво в нашей шкуре, какво рабочему классу...

Сначала она говорила спокойно, потом постепенно начала расслабляться. На кухню вышел Альберг:

– Что ты тут делаешь?

– Сижу.

– Иди...

Отец замаялся. Володя понял – не знает, как сказать. Куда идти? Домой? Но он дома. К себе – нету больше никакого к себе. В гостиную? Но заваленная комната больше не гостиная.

Отец наконец нашелся:

– Иди чай пить.

Володя вернулся в комнату. Мама, прикусив губу, расставляла чашки. Заметив Володю, она сердито бросила:

– А ты бы погодил со своими выдумками!

– Хорошо, мама. Я буду молчать.

Постепенно появился хоть какой-то порядок – отец под руководством мамы передвинул мебель, книги положили в буфет, на подоконники, даже картины повесили. Володя спал теперь в Анютиной комнате. Она обрадовалась:

– Ты мне сказки будешь по вечерам рассказывать?

– Нет, – угрюмо ответил Володя.

– Почему? – расстроилась сестра.

– Мне за выдумки от папы с мамой попадает, – громко сказал Володя.

Отец посмотрел на него, но ничего не сказал. Мама прикусила губу и махнула рукой.

Засыпая, Аня сказала:

– Как хорошо, что мы с тобой в одной комнате!

– Это твоя комната, – отозвался Володя, – я тут так, из милости сплю.

Аня разревелась, прибежала мама. Сестра никак не хотела говорить, в чем дело, но так смотрела на брата, что мама все поняла:

– Ты все не уймешься никак? Аня, спать. Немедленно.

Сестра, всхлипывая, заснула.

Он действительно теперь старался молчать дома, при первой же возможности убегая на улицу. Сначала сидел у Нины, но потом стало казаться, что он стесняет, и после уроков Володя стал ходить по улицам, разглядывая разрушенный, пустой, голодный и какой-то одинокий город.

Вывески на улицах пугали и обнадеживали одновременно. «Мы новый мир построим» – какой он будет, новый мир? Пока от нового мира Володя не видел ничего хорошего – голод, грязь, уставшие, легко раздражающиеся родители. Новый мир...

Да, новый мир, конец войне, но вот уже началась другая война, потому что со всех сторон наступают, хотят свергнуть новый строй. Кто-то ждет прихода немцев, кто-то Юденича. Кто-то боится, кто-то нет...

Поговорить бы с кем-то! Лучше всего с папой, он всегда умел объяснить. Но папа в таком настроении – страшно с ним связываться.

Нина как-то встретила его на улице:

– Почему ты к нам не ходишь?

Володя отговорился какими-то делами, школой, хотя в школу ходил только за пайком, занятия вроде как предусматривались, но на самом деле то не было электричества, то учителей призывали на какие-то работы. Нина его отговоркам не поверила, но ничего не сказала.

Проходя как-то по Забалканскому, Володя с удивлением увидел на особнячке криво написанную вывеску:

Клуп.

Он остановился, недоумевающе глядя на вывеску. Что это такое? Наверное, какое-то сокращение, около Технологического института есть вывеска – главрыба, а в школе постоянно говорят о наркомпросе. Клуп... комсомольское... управления партии? А что такое буква л? Левое, липовое, ленивое, лоскутное... нет, ничего не придумать. Ленинское? Наверное, да.

Обшарпанная дверь открылась, оттуда выскочил молодой парень. Пробежал было мимо, но остановился:

– Ты что тут стоишь?

Володя вздрогнул:

– Вывеску смотрю.

– Что на нее смотреть?

– Что такое клуп?

Парень почесал затылок:

– Как – что такое? Клуп – он и есть клуп.

– Ну... а как полностью?

– Полностью? Клуп имени Карла Маркса. Или, может, Ленина – не решили еще.

– А что тут будет?

– А что обычно в клубах? Лекции будем читать, эти... диспуты устраивать.

– Ах клуб! – понял Володя, – а я все понять не могу... послушайте, у вас ошибка тут.

– Какая ошибка?

– Клуб. На конце буква Б должна быть, потому что – ну вот – клубы, в клубах... понимаете?

Парень усмехнулся:

– Я грамоте-то еле обучен. Вот с ошибкой и написал... а ты хорошо в этом разбираешься?

Ну, как что писать?

– Ну да, – неуверенно сказал Володя, – я в ги... в школе учусь.

– Слушай, – возбужденно заговорил парень, – пойдем к нам, будь другом? Нам поручение дали: клуб открыть, все оформить. У меня там Манька сидит, она тоже та еще грамотейка. Она плакаты малюет, небось ошибка в каждом слове... Ты бы нам помог, а? А мы тебе хлеба дадим.

Володя обрадовался:

– Давайте!

Парень схватил его за руку и потащил за собой. Володя струхнул – сколько раз мама говорила, чтобы никуда не шел с незнакомыми людьми!

Парень втоптал его в холл и заорал:

– Манька! Я тебе подмогу привел.

Откуда-то выскочила худая, растрепанная девчонка:

– Что за подмога?

– Да вот парень, он в гимназии учился, в грамоте понимает. Ты ему покажи, что там писала. А то у нас вывеска с ошибкой! Ладно он сказал, а то бы хохотали надо нами буржуи... ладно, побежал я. А ты, парень... тебя как звать-то?

– Володя.

– Давай работай, Володя.

В большой комнате Манька сокрушенно развернула перед Володицей большой лист бумаги:

– Вот смотри. Я тут пишу – вся власть советам. Есть ошибка?

– Есть, – улыбнулся Володя, – не советам, советам.

– Ах ты черт, – расстроилась Манька, – как же поправить-то?

– А что тут нарисовано?

– Это? Да... буржуя рисовала, старый мир.

Володя с трудом удержался от смеха. От Маньки это не укрылось:

– Смешно, – грустно сказала она, – а что смешного? Меня рисовать не учили... с четырнадцати лет на фабрике, не до рисования было. Ну ничего! Теперь-то выучусь, пришло наше время.

Володя взял в руки кисточку:

– Хотите, я вам нарисую?

– Ты умеешь?

– Немного.

Манька пожала плечами и отошла. Володя рассмотрел плакат. Из схематично обозначенного буржуя можно сделать дом и дерево, букву замазать... лучше все бы замазать, написать сверху.

Через час восхищенная Манька разглядывала плакат:

– Ты посмотри, какую ты красоту нарисовал! Петрушка придет сейчас, вот удивится-то!

А вот и он!

Володя неловко улыбнулся. Петр вбежал в клуб:

– Манька, завтра-то у нас товарищ Зальцман придет! Я уж в ячейку забежал, сказал, что в новом клубе встреча будет. И надо бы афишу сделать. Ты плакат-то...

Он увидел Володин плакат и остановился с открытым ртом:

– Это что ж такое?

Володя смутился. Что он не так нарисовал?

– Это что, малый так нарисовал? Как тебя звать-то?

– Володя.

– Да ты нам прямо как товарищем Лениным послан, Володя. Сам нарисовал? Ты что же, учился?

– В школе рисование было.

– Ну ты даешь! А про товарища Зальцмана плакат нарисуешь?

– Могу.

С этим плакатом вышла заминка – Петр с Манькой хотели, чтобы Володя нарисовал на афише самого товарища Зальцмана, Володя отбивался:

– Да я же его не видел никогда!

– Тогда хоть Ленина нарисуй.

– Да я и Ленина не видел...

– А мы видели, – вдруг мечтательно сказала Манька, – он тогда на Финляндский вокзал приехал. Народу было... я в подъезд зашла, на второй этаж поднялась, у окна встала – оттуда хоть краем глаза видела. Красивый он, Ленин.

– Красота – дело буржуйское, не главное, – назидательно сказал Петр, – что рисовать-то будем?

– А о чем товарищ Зальцман говорить будет? – спросил Володя.

– Как о чем? О том, как новый мир будем строить – о чем же еще?

Володя взял лист бумаги, подумал и изобразил трибуну. На трибуне вполоборота стоял человек с поднятой рукой. Впереди, перед трибуной Володя изобразил толпу, жадно внимающую оратору. Манька и Петр завороченно смотрели за процессом.

– Ну дает! – восклицали они.

Плакат был готов, Петр пошел его вешать. Манька позвала Володю за собой:

– Я тебе чаю дам и картошки. А домой хлеба. Ты с кем живешь-то?

– С родителями и сестрами.

– В таком же доме небось?

Володя огляделся. Мимо этой усадьбы они с Ниной проходили сотни раз – Нине она очень нравилась:

– Вот бы жить в такой!

Сейчас они были в большой комнате. Наверное, это была гостиная – еще сохранилась старинная мебель, люстра на потолке, ковер, уже затоптанный грязными сапогами. На стене висит портрет – красивая, задумчивая женщина. На месте глаз дырки от пуль. На обоях написано плохое слово.

– Нет, я не в таком доме, в обычной квартире, – наконец сказал он, – а где те, кто тут раньше жил?

– Стрельнули в январе еще, – равнодушно сказала девушка.

Володя вздрогнул:

– Как – стрельнули?

– Ну как? Обыкновенно. Тут старуха жила, с дочкой да с мальчиком. На что им такие хоромы? Хотели выселить. А старуха как начала кричать – никуда они не выедут, потому что это родовое гнездо, и семья у них дворянская, важная... ну, наш комиссар взял и выстрелил ей в лоб. Мальчишка рыдать, дочка еенная тоже в крик. Комиссар им как людям – граждане, будьте так любезны, помещение покиньте. Хотите, одежду свою соберите, только не всю. А она на него – с кулаками. Он и ее.

– А мальчик?

– И мальчика. Его бы, может, перековать получилось, да только больно уж злой оказался. Комиссар ему говорит – ты не убивайся, что тебе со старым режимом жить? Мы тебя определим в лучший детский дом, будешь гражданином новой страны. А он и говорит – я вырасту, за маму и бабушку отомщу. Не отомстит – комиссар пистолет свой вынул. Да не получилось сразу-то, добивать пришлось.

Она помолчала, вздохнула:

– Ты не трясись. Ты не понимаешь пока, потому что в квартире живешь, с родителями... у комиссара нашего братишка на заводе работал, да обварился весь и помер. Я с четырнадцати лет на фабрике, мастер совратил, дитя выкидывала. Петька вон – без отца, в четырнадцать на ту же фабрику. Злые мы на таких, как ты – чистеньких, с мамами-папами... ты-то еще, может, товарищем станешь, а этот парень, что стрельнули тут – он не стал бы. Он в нас врагов с самого начала видел, хотя жил с нашей эксплоатации. На вот тебе картошки.

Володя отодвинулся:

– Не надо. Не буду.

Вошел сияющий Петька:

– Все повесил – чин-чином. Ты что не ешь, Володька? Смурной такой...

– Я ему про хозяев бывших рассказала, – встряла Манька.

Петр помрачнел.

– Напугала ты парня. Ладно, Володя. Бери хлеб свой, я тебя провожу.

Они шли по Клинскому.

– Манька тебя напугала, а зря. Мы за здорово живешь никого не стреляем, у нас дисциплина революционная, если кто просто так кого подстрелит – так и самого его тоже можно... ты пойми, Володя, мы за лучший мир. Они втроем в этом доме жили, втроем, ты понимаешь? А я с маткой в подвале, отец умер, я маленький был. Я, matka да трое братьев. На полу спали, клопы нас жрали... я матку хотел сюда поселить, чтобы она с коврами да торшерами... но революционный совет решил, что клуб тут будет. Ты сам подумай, оно ж лучше, клуб – для всех, для рабочих, для детей! Тут мы и отряды детские устроим, ты приходи тоже. Праздники будут, представлять будем, как в театре... А то они втроем жили.

Он остановился и горестно вздохнул:

– Ты не подумай, мне пацана жалко и старух его. Не надо было комиссару... да у него братик, Манька рассказала тебе небось. Но все едино не надо было. Выкинуть из дому, и шли бы к чертовой матери... а парня оставить, мы бы ему объяснили, что к чему. Я сам все про них думаю, жалею. И Манька жалеет. Она все плакала, когда случилось-то.

Он смущенно усмехнулся:

– Я тебе еще что скажу. Парня Мишей звали. Так вот Манька говорит, как у нас с ней народится, так она тоже Мишей назовет. Воспитаем правильно, вот вроде как и...

– Мне сюда, – сказал Володя.

– Ты приходи завтра – товарища Зальцмана слушать. Я-то неученый, путано говорю, а он тебе все по полочкам разложит. Я тебя познакомлю с ним – скажу, кто нам плакаты рисовал... спасибо тебе, Володька! Ты, хоть и буржуй, по всему видно, но товарищ настоящий. Бывай!

Петр ушел. Володя медленно побрел к дому.

Дверь ему открыла Нюронька:

– Ты? А я думала, мой с работы. Загляни-ка!

Володя заглянул в комнату – вдоль стен стояли три аккуратные кровати.

– Видишь? – радовалась Нюронька, – у каждого моего ребятенка – по кровати. Как поставила – так и лежат. Не было у них такого, чтобы своя кровать у каждого...

Володя кивнул и пошел к себе. Эля стояла на пороге:

– С пролетариатом беседуешь? – прошипела она.

Отец сидел за столом, перелистывал какую-то книжку. Володя поздоровался, зашел за шкаф, сел на стул и задумался.

Отец заглянул за шкаф:

– Где ты был?

– Гулял.

– Где ты все гуляешь... пойдем, мама звала ужинать.

За ужином Эля жаловалась, что дети Нюроньки похватили в ванной зубные щетки, видимо, пытались чистить зубы, просыпали порошок.

– Убирайте в комнаты, – коротко сказал отец.

– Да неужели уж такие вещи прятать! – возмутилась Эля.

– У них не было зубных щеток, – сказал Володя.

– И что? – спросил отец.

– Они не знают, что это такое. Вот и попробовали.

– В первую очередь они не знают, что чужое брать нельзя.

– Да... – растерялся Володя, – но они не поняли, наверное. Ведь то, что в общих... ну как? Где мы все – кухня, ванная... они подумали, что и там все общее.

– Ты их никак защищаешь?

Володя глубоко вздохнул:

– Да.

В комнате воцарилось молчание.

– Вот как, – заговорил отец, – значит, ты одобряешь заселение нашей квартиры людьми, которые никогда не видели зубной щетки?

– Они жили в подвале, – сказал Володя, – Нюронька сказала, что у ее детей первый раз кровати. Они, наверное, на полу спали, с клопами.

Хлопнула входная дверь.

– Нюрка! – заорал пьяный голос, – где ты, сука? Что не встречаешь хозяина? А вы, ублюдки, по кроваткам, как порядочные?

Послышался детский крик.

– Что вы себе позволяете, товарищ Куроесов?

Альберг покачал головой:

– Зачем я учился, потом работал как проклятый? Надо было пить, ругать последними словами жену, избивать своих детей, держать их на полу с клопами – и сейчас мне за такие мои заслуги дали бы комнату, а у детей моих появились кровати. Да, сынок?

Володя напряженно искал слова. Отец прав, конечно, прав! Все, чтобы было у семьи – появилось только благодаря его труду. Но... Володя пытался сформулировать свои возражения, но не успел. Отец поднялся:

– Ладно, большевик. Буду надеяться, потом поумнеешь.

Назавтра жиличка из кабинета по имени Зося привела мужа:

– Вот! Товарищ Зальцман.

Володя едва не брякнул, что он знает про товарища Зальцмана и даже рисовал его, но покосился на отца и благоразумно промолчал.

Товарищ Зальцман оказался совсем другим. На портрете Володя изобразил его высоким богатырем, а в жизни это был лысый невысокий мужчина. Он направился к Альбергу:

– Будем знакомы, Зальцман.

Отец с плохо скрываемой брезгливостью пожал протянутую руку. Зальцман поклонился Софье Моисеевне, кивнул детям и ушел к себе.

Вечером явился подвыпивший Нюронькин муж, закричали дети. Из кабинета вышел Зальцман, рванул дверь бывшей Володиной комнаты, по коридору прогрехотало что-то тяжелое, захлопнулась входная дверь, запричитала Нюронька:

– Нету такого вашего права рабочего человека с лестницы кидать! Да сейчас уйдет этот козырь, Коленька, я тебя обратно пущу да рожу-то оботру... Об дверь-то уж не бейся, соколик! Ой!

Вышла Зося, Нюронькиного мужа умывали в ванной. Товарищ Зося назидательно говорила:

– Товарищ Куроесов, я вас предупреждала, что сейчас, в сложных революционных условиях, каждый пролетарий должен вести себя согласно нашего революционного порядку...

– И что ж он тебе так рожу-то отдал, Коленька! – вторила ей Нюронька.

Дети хихикали, выглядывая из комнаты.

Вечером Володя, проходя мимо кабинета, услышал:

– Павел, ты работаешь методами, которые могут быть осуждены революцией. Что это – мордобой? Товарища Куроесова надо вести в клуб, в люди! Перевоспитывать согласно нашей революционной морали.

– Отстань, Зоська, – лениво отвечал Зальцман.

Вечером следующего дня Володя пошел в клуб. Народу было полно – видать, всем хотелось послушать товарища Зальцмана. В дверях Володю встретил взъерошенный, счастливый Петька:

– Ты видел, сколько народу? Видел? Все твой плакат увидели и пришли. Спасибо тебе, Володька! Вот такое тебе мое революционное спасибо.

Володя неловко кивнул, пробрался в зал и сел с краю. Публика рассаживалась, весело переговариваясь. Некоторые ели семечки и плевали на пол.

В дверях случилась ссора – подвыпивший мужичок рвался на собрание:

– А ну пустите, гады! Прошло ваше время, хочу теперь и хожу по собраниям.

– Да ты пьяный! – убеждала его Манька.

Мужичок оттолкнул ее:

– Ты мне указывать будешь еще, шалава?

Выскочил Петька, выскочили еще несколько ребят, и пьяного вывели из клуба, поддав по дороге. Дверь крепко закрыли, и наконец на трибуну поднялся товарищ Зальцман.

– Товарищи! – весело сказал он.

Он говорил много и долго, наверное, хорошо, потому что его слушали, хлопали, ревели, кричали, иногда смеялись. Володя поначалу силился понять, о чем речь, но потом бросил и стал думать о своем.

Товарищ Зальцман – человек дела. Не стал слушать, как кричат и прячутся от пьяного отца Нюронькины дети, вышел и быстро навел порядок.

Почему отец так не мог? Он сильный, мог бы легко справиться с Нюронькиным мужем. Почему он не выкинул его на лестницу?

Собрание окончилось. Володя очнулся, когда зал почти опустел. Он ругал себя – ничего не услышал из того, что говорил товарищ Зальцман!

– А вот и наш художник, – послышался голос Петьки. Володя встал.

Петька сиял и с восторгом смотрел на товарища Зальцмана. Тот внимательно оглядел Володю:

– Здравствуй. Хорошо рисуешь, молодец! Слушай, я тебя как будто где-то видел?

– Видели, – смущенно сказал Володя, – мы с вами в одной квартире живем.

Зальцман сначала нахмурился, потом широко улыбнулся:

– Точно! Ты же сын инженера, да?

– Да.

– Как тебя зовут?

– Володя.

– Владимир, значит. Хорошее у тебя имя, малый, прямо как у вождя нашего. Ну что, Петр, пойду я теперь?

– Спасибо вам, товарищ Зальцман!

– И тебе спасибо. На той неделе еще приду, собирай рабочих. Ты домой, малый?

– Да.

– Что ж, пойдем вместе.

Володя поколебался, но отказаться было неловко.

Они вышли на улицу. Зальцман остановился, втянул в себя воздух.

– Как будто весной уже пахнет. Чуешь?

– Да.

– Ты что молчаливый такой?

– Не знаю.

– Не знаешь... такой умница, так рисуешь! Бойчее надо быть, парень. Ты в школе учишься?

– Да.

– Хорошо?

– Хорошо.

– А у вас там ячейка есть?

– Ячейка?

– Ну да, молодежная?

– Нету вроде.

– А вот ты бы и организовал!

Володя улыбнулся:

– Я? Я не умею.

– Нет такого слова в революции – не умею... ладно, малый, ничего. Вот походишь в клуб, к рабочим людям – поймешь... что ты сейчас видел? Квартиру большую, прислугу... небось и нянька у тебя была? А ты посмотри, как рабочий класс живет – настоящие люди!

Володя растерянно слушал Зальцмана. Хотелось возразить, сказать, что его отец постоянно работает, постоянно на своем заводе, что он болеет за свое дело, бывало, что его вызывали по ночам. Зальцман остановился:

– В правильное время ты растешь, малый. Рад я за тебя... и завидую немного. Я рос – некому меня направить было. У отца лавка в Гомеле, одного хотел паскудный старик – обогатиться. Бедная вдова придет – он ей хлеба даст, а сам запишет... а потом долг требует. Она плачет, а ему что? Так ей и говорит – никого кормить не обязан. Когда бунт был – убили его соседи.

Володя вздрогнул. Это не укрылось от внимания товарища Зальцмана:

– Не дрожи. Правильно это...

– А мама ваша?

– Она давно умерла, мне семь лет было.

– У вас теперь нет семьи?

– Зоська вот. И весь рабочий класс. Ну, вот и дом, малый. Пойдем?

Володя представил себе, как он приходит домой вместе с товарищем Зальцманом, и помотал головой:

– Я еще гулять.

– Ну гуляй. Завтра приходи в клуб, помоги Петру с афишей. Я через неделю снова перед пролетариатом выступаю...

Зальцман ушел. Володя потоптался около подъезда, потом тоже побрел домой. Дверь открыла Нюронька. Лицо у нее было злое:

– Ноги вытирай! Наследишь сейчас, буржуенок, а трудящимся подтирай?

Володя огляделся. Коврика, который всегда лежал около порога, не было.

– Что зыркаешь? – насупившись, спросила Нюронька.

– Коврика нет.

– Жалко коврика? Иди, забери!

– Мне не надо. Я хотел ноги вытереть.

– Вон об тряпку елочь.

Володя пошаркал ногами и пошел к гостиной. Нюронька осталась недовольна:

– Посмотри, следов-то сколько!

Володя обернулся:

– Я сейчас ботинки сниму и сам все вытру.

– Вытрешь ты... сама сделаю.

Отец лежал на диване с книгой. Услышав шаги, он поднял голову.

– Где ты болтался?

– Гулял. А где мама? И девочки?

– Пошли к гости к тете Наташе. Через час пойду их встречать.

– Можно я с тобой?

– Можно.

Отец снова углубился в книгу. Володя сел к столу, взял листок бумаги, машинально стал что-то чертить.

Как там сказал товарищ Зальцман – правильно, что убили отца? Была лавка, требовал обратно долг у бедной вдовы... это плохо, наверное, но... интересно, а Арсений Васильевич тоже требовал долг? Ведь наверняка к нему приходили бедные, просили в долг, а как потом?

Отец нагнулся над столом:

– Что это ты рисуешь?

Володя посмотрел на бумагу и похолодел. Задумавшись, он машинально нарисовал человека, похожего на товарища Зальцмана. Человек выступал перед толпой, а над ним был нарисован плакат:

Вся власть советам!

Отец развернулся и пошел к дверям. Володя вскочил:

– Папа, ты уже за мамой? Я с тобой...

– Нет.

Дверь захлопнулась. Володя бросился было к двери, но вернулся и сел на стул.

Что теперь будет?

А ничего не будет, подумал он отчаянно. Да, нарисовал – но это же не преступление? Мало ли что он нарисовал, почему нельзя рисовать все, что угодно?

Было немного страшно – в каком настроении вернется отец, но потом Володя успокоился. Если что – можно просто взять и уйти из дома. Куда? В клуб.

Родители и сестры вернулись через полчаса. Анюта влезла к Володе на колени, весело рассказывала, как хорошо было в гостях, какой у Сонечки – ее подружки – большой прекрасный медведь, и еще куклы! Папа сказал, что тоже купит ей такую большую куклу. Эля болтала с мамой – вспоминали, какое платье было у старшей дочери тети Наташи. Отец снова лег на диван с книжкой.

Арсений Васильевич случайно увидел Володю около клуба – тот оживленно обсуждал с туповатого вида парнем, как лучше повесить плакат. Смирнов остановился и смотрел, как вешали плакат – на нем был изображен человек с поднятой рукой, идущая за ним толпа, солнце, а на заднем плане – дымящиеся трубы фабрики. Плакат повесили, и Володя вместе с парнем ушли внутрь.

Арсений Васильевич пожал плечами и пошел домой.

Что делает мальчик около этого клуба? Что там вообще – в клубе?

На следующий день Арсений Васильевич пошел на собрание и лекцию товарища Зальцмана. В заполненном зале он огляделся и сразу же увидел Володю – он разговаривал с какой-то потасканной девкой.

На сцену вышел товарищ Зальцман. Арсений Васильевич узнал его – дворник как-то показал около дома и сказал, что это новый сосед Альбергов.

Зальцман начал говорить речь. Арсений Васильевич сначала слушал неохотно, потом увлекся. Зальцман говорил хорошо, рассказывал о новых правах рабочих, о самоуправлении, об ответственности каждого перед заводами и фабриками. Сказал несколько слов о вреде пьянства, о личной гигиене. Ему много хлопали.

Арсений Васильевич вышел из клуба и встал на углу. Через полчаса появился Володя – но не один, а с товарищем Зальцманом. Увидев бывшего лавочника, мальчишка смутился, если не сказать – перепугался, попытался было сделать вид, что не узнал, потом все-таки взял себя в руки, подошел.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, Володя, – спокойно сказал Арсений Васильевич.

Подошел и Зальцман.

– Добрый вечер, – сказал он приветливо, – какая погода-то! Весной пахнет, чуете?
Арсений Васильевич кивнул и повернулся к Володе:

– Ты домой? Пойдем вместе?

– Вы рядом живете? – вмешался Зальцман, – мне тоже туда. Пойду и я с вами.

Арсений Васильевич поморщился:

– Володенька, ты тогда вот с товарищем иди, а я еще тут по делу... зайдешь к нам?

– Зайду.

– Ну, до встречи.

– Не захотел с нами идти, – вздохнул Зальцман, – а кто это?

– Сосед, – сказал Володя неохотно, – в соседнем доме живет. Я с его дочкой в одном классе учусь.

– А чем до революции занимался?

Володя замялся:

– Не знаю.

Зальцман достал папиросу:

– Все ты знаешь. Ну да ладно. Ты мне вот что скажи – родители твои знают, что ты в клуб ходишь?

Володя вспыхнул:

– Нет.

– И лучше, чтобы и не знали?

– Наверное...

– Ну, пусть не знают. Хотя я бы на твоём месте с отцом поговорил. Нам инженеры, образованные нужны. Но только – если они настроены правильно. Вот ты бы отцу и объяснил, как к рабочим надо относиться... А то ведь он на Куроесова как на плевков смотрит – с презрением.

Володя, как обычно при общении с товарищем Зальцманом, растерялся. Что говорить? Что отец – трудяга, всю жизнь работает, и того же требует от других, требует дисциплины, порядка... да, он не выносит мужа Нюроньки, но с каким уважением он говорил о некоторых рабочих своего завода!

– Вы же сами его из квартиры выкинули, – сказал он наконец, – ну, Нюронькиного мужа.

– Выкинул, – кивнул Зальцман, – надо будет – еще выкину. И буду выкидывать, пока не поймет. Я его не брошу, он будет человеком, поверь мне, мальй. А твой отец рад бы его обратно в подвал, чтобы он там дальше пил и пропадал. Понимаешь разницу?

Володя кивнул.

– Ну, вот и дом. Давай-ка беги первый, а я постою – покурю.

Володя поднялся по лестнице. В квартире стоял крик – ссорились Нюронька и Зося:

– Товарищ Куроесова! Ваши дети ведут себя недозволенно!

– Ты еще мне указывать будешь, стерва? Твой мерин моему мужику лицо изувечил, так и кинулся на рабочего человека, так и ты теперь на кровинушек моих будешь переть? Я за своих горло тебе перегрызу, вобла ты сушеная!

Володя тихонько проскользнул в гостиную. Отец и мама разом повернулись к нему.

– Откуда ты шел с этим человеком? – отрывисто спросил отец.

– С каким?

– Не притворяйся!

– Успокойся, Яков. Володя, ты шел вместе с нашим соседом, мы видели в окно. Откуда вы шли? Ты случайно его встретил?

Володя угрюмо молчал.

– Не случайно, – наконец ответил он, – я был в клубе.

– Где ты был?

– В клубе.
– В каком еще клубе?
– В рабочем. На Забалканском.
– Я говорил тебе, Соня, – сказал отец, – помнишь – про рисунок? Видимо, это был эскиз.
– Эскиз, – согласился Володя, – я для клуба нарисовал три плаката.
– Что ты сделал?
– Нарисовал три плаката! Я же ясно сказал.
– Зачем, Володя? – недоуменно спросила мама.
– Они меня попросили.
– А они не попросили еще раз меня арестовать? – с интересом спросил отец, – не попросили отдать еще одну комнату на благо пьющего пролетариата? Не попросили дать попользоваться зубной щеткой?

– Нет.
– Ничего, большевик, скоро попросят.
Отец вышел из комнаты, хлопнув дверью. Мама зло посмотрела на Володю:
– Что, забыл уже, как хамы ногами тебя пинали? Нравится, когда пьяная скотина в твоей комнате – на которую твой отец заработал – детей своих лупит и на пол блюет?
– Mamочka! – взмолился Володя, – мамочка, пожалуйста! Послушай меня... мамочка!
– Слушаю.
– Они... – сбивчиво заговорил он, – они не знают. У них... и щеток не было, и их научить надо... ну мамочка!

Володя сбился и замолчал.
– Все? – холодно спросила мама.
Дверь открылась, вошел отец.
– Соня, мы будем обедать?
– Да, Яков, одну минуту.
Эля накрыла на стол, мама поставила кастрюлю.
– Что там? – брезгливо спросил отец.
– Там суп, Яков, – сдержанно сказала мама, – из селедочных голов.
– Прекрасный обед!
Мама, пожав плечами, начала разливать суп по тарелкам. Отец поболтал в тарелке ложкой:

– Дааа, блестяще. Ну что, большевик, за это боролись?
Володя опустил глаза.
– Что – молчишь? Об этом говорит Маркс, Энгельс? Кто там еще?
Он попробовал суп и отложил ложку:
– Не сказал бы, что до революции ты жил хуже... Ну что же, ты первый кричал – свобода, свобода! Что ты сидишь? Ешь свой прекрасный революционный суп...

Володя молча ел. Конечно, суп прекрасный – горячий, и мама положила туда морковку. Отец наблюдал за ним:

– Ты доволен, я вижу. Ну что же, отлично!
Наконец обед закончился. Володя поблагодарил маму и скорее скрылся в Анютину комнату. Из гостиной слышался негромкий голос отца – он читал Анюте сказку.
Володя криво усмехнулся. Отец, как и все, съел свой суп до последней ложки.
Отец и мама что-то обсуждали, Эля собиралась в гости – в соседний подъезд. Володя подумал, что и ему надо бы в гости – Арсений Васильевич просил зайти, да и вообще он давно у них не был. Он оделся и выскользнул из дома.

Арсений Васильевич был не в духе:

– Что это такое – в доме нет чаю? Почему не заварить приличный чай? Никогда не дожدهшься. А что дверь хлопает?

– Это я пришел, – смущенно сказал Володя, заходя, – я не вовремя?

– Вовремя! – обрадовалась Нина, – отец меня грызет с утра – ему вчера нахамили покупатели, а мне достается. Заходи скорее, может, хоть при тебе притихнет?

– Если бы нахамили... – проворчал Арсений Васильевич.

– А что случилось? – спросил Володя, садясь к столу.

– Ничего особенного. Такая же девка, типа той, в клубе, сказала мне, что вот придет время – и меня пристрелят.

Володя вспыхнул:

– А почему вы про ту девушку плохо говорите?

– Про какую?

– Из клуба! Я понимаю, что вы плохо про нее сказали.

– Она мне не понравилась.

– И что?

– И ничего, – согласился Арсений Васильевич, – ничего. Извини, что я действительно плохо отозвался про твою... ээ... подругу.

– Вы о чем? – спросила Нина, – я ничего не понимаю!

– Да я сам не понимаю, Нина, – задумчиво сказал Арсений Васильевич, – про клуб – это не секрет, Володя?

– Нет.

– Я сегодня проходил мимо рабочего клуба на Забалканском, увидел там Володю, посмотрел на афишу: лекция. Зашел послушать, заодно посмотрел, с кем разговаривает Володя. Эти люди, как и лектор, мне не понравились. Все.

– Почему не понравились?

– Не понравились, и все.

– Вам вообще не нравятся... ну... как сказать?

– Те, кто сейчас считает себя хозяевами жизни? Нет.

Володя кивнул:

– Как и моему отцу. Он презирает наших новых соседей.

– Понимаю его.

– А я не презираю, – медленно сказал Володя, – знаете что? Они совсем не плохие. Совсем.

Арсений Васильевич молчал, Нина пожала плечами.

– Мне рассказывали там, в клубе, – продолжил Володя, – вот эта девушка, да... она работать на фабрике начала очень рано, и мастер... я не понял, что мастер сделал, что-то плохое. И про ребенка она что-то говорила. А у Петра – ну вот этого парня, вы тоже видели – у него братик погиб на заводе. А наши соседи? У их детей никогда не было кроватей! Это же неправильно?

– Неправильно, – согласился Арсений Васильевич.

– Ну вот!

– Что – вот?

– Значит, надо это менять.

– Володя, – серьезно заговорил Арсений Васильевич, – ты говоришь – менять. Конечно, ты прав, дети не должны работать на заводах, дети не должны гибнуть, дети должны учиться... Но почему вышло так, что ты и Нина учились, а эти дети – нет?

– Потому что у вас и у моего отца хватало денег платить за наши гимназии.

– Почему у твоего отца хватало денег?

Володя открыл было рот, но осекся и ничего не сказал.

– Не стесняйся, говори! Потому что он эксплуатировал народ? Да?

– Ну...

– Уж наверное не поэтому, да? Наверное, это было потому, что он работал, работал не покладая рук, и кому об этом не знать, как тебе? А что он делал в свое редкое свободное время? Проверял твои уроки, читал тебе – правда? А что делали отцы тех детей, о которых ты говоришь? Ну хорошо, отцов девушки и парня из клуба ты не знаешь. А чем занят ваш сосед?

– Это понятно все и так, папа, – влезла Нина, – Володя не дурак, ты уж ему так-то не объясняй... Мы про детей.

– Про детей. Да, в новом мире у детей должны быть равные возможности. Считается, что мы строим этот мир. Но почему при строительстве пострадал Альберг и его дети, а эта подзаборная пьянь, не приложив ни малейших усилий, получила отличную комнату и устроила дела своих детей?

– Зальцман говорит, что этих рабочих можно воспитать! – перебил Володя, – и он... понимаете, когда Куроесов стал буянить, он выкинул его на лестницу. И он сказал так – твоему отцу все равно, погибнет этот человек или нет, он не выйдет и ничего не сделает, а я выкину его на лестницу еще, потому что мне не все равно.

– Твой отец вел на заводе технический кружок для рабочих. Не получая за это платы, в свое свободное время. Ты знал об этом?

– Знал, конечно.

– И ты не смог ответить Зальцману, что он несет чушь? Но и это ладно. Ты понимаешь, что видят эти дети? Что их отец, который пьет и лупит их, вдруг за неясные заслуги взял и получил жилье? Которое отобрали у того, кто работал и занимался своими детьми? Это им пример? Как дальше жить?

– Он был бедный, ему мало платили, он не видел, как можно жить!

– Это ты не видел! – взбесился Арсений Васильевич, – это ты ничего не видел, а уже берешься рассуждать! Куда ты лезешь? Был бы ты мой сын...

– Что бы вы сделали? – крикнул Володя в ответ, – ну, что? Отлупили бы, да, чтоб возражать не смел?

– Нет, – остыл Смирнов, – бить-то уж точно не стал бы. Не знаю, что бы я делал, Володя. Расстраивался бы, наверное, что глупым растешь...

Володя вспыхнул и вскочил со стула:

– Я домой пойду.

– Да я только рад буду!

Володя выскочил за дверь. Арсений Васильевич опомнился и виновато посмотрел на Нину. Та пожала плечами и вышла из комнаты.

Чертова революция, озадаченно подумал Арсений Васильевич. Ладно дети, но он-то? Хорош, набросился на ребенка!

Он постучал к Нине:

– Можно, маленькая?

– Конечно, – ровно отозвалась Нина.

Арсений Васильевич вошел, сел на стул. Нина сидела за своим столом, переключивала книжки.

– Что мне делать? – сердито спросил отец, – пойти к нему? Так там от Зальцманов не протолкнуться...

Нина повернулась:

– Зачем ты к нему пойдешь? Опять дураком ругать?

– Я его дураком не ругал, – опешил Арсений Васильевич.

– Глупым назвал. Он не глупый. Он – думает...

Арсений Васильевич сморщился.

– Ну хорошо, – сказал он обреченно, – и о чем он думает? О чем тут думать, скажи на милость?

– Ты против революции?

– А ты как думала? Ты знаешь, сколько я работал – я ничего от тебя не скрывал. Ты знаешь, сколько работала тетя Лида. Мы заработали на магазин и швейную мастерскую – теперь ничего этого нет. Ты считаешь, что при таких условиях я должен быть всей душой за этот переворот?

– Папа, а если бы ты жил не у своих приемных родителей, а остался бы с настоящими? Был бы у тебя магазин?

– Откуда я знаю? Не надо, Нина. При чем тут это? При чем тут – если бы? Я мог бы быть больным, кривым, пьяницей, слабоумным – каким угодно. Но я такой, как есть, от этого и будем отталкиваться.

Арсений Васильевич помолчал, собираясь с мыслями.

– Ты знаешь, что ни я, ни Альберг ни разу не были теми сволочами-эксплуататорами, которых рисует Володя на своих idiotских картинках. Ты знаешь, что я помогал богадельне и еще нескольким бедным семьям, что еще на Охте, да и давным-давно в Галиче я разрешал закупаться в долг и эти долги часто забывал. Ты знаешь, что Альберг всей душой болеет за свой завод, что он ночевал бы там, если бы не семья, которую он обожает и для которой живет. Ты помнишь дядю Прокопа? Который бил твоего Володю по спине пудовыми кулаками – ребенка! Что, и у тебя он вызывает большие симпатии, чем я и Альберг? Как же, он ведь просто не понимает!

Нина вздохнула:

– Первый раз в жизни я не могу тебе что-то объяснить, папа.

– Да это все из-за революции, – сердито сказал отец, – я ведь тоже – всегда с мальчишкой мог договориться, а сегодня набросился. Но я даже представить не могу, как его отцу обидно. И трудно...

– Ну вот это бы и сказал...

– А что, так непонятно? – опять разозлился Арсений Васильевич, – если твой Володя таких вещей не понимает, куда он тогда вообще лезет?

Он махнул рукой и пошел к себе в спальню, лег на кровать и уставился в потолок. Мучила досада – не сумел объяснить мальчишке... а как объяснить, если и сам ничего не понимаешь?

И он стал думать о том, что вообще очень мало интересовался тем, что происходило. Дети работали на заводах? Было, было. Но какие дети? Друг Тимофей, рабочий с Выборгской стороны, учил своих детей в реальном училище, жил с семьей в хорошей квартире, летом снимал дачу.

Дети жили в подвалах? И это было. В их дворе в подвальной квартире жил сапожник, каждую субботу напивался и лупил жену и детей, как-то Арсений Васильевич услышал крики и пошел навести порядок, во дворе встретился с Альбергом, тот тоже шел к сапожнику. Сапожнику много не потребовалось, они с инженером взяли его под руки, вывели на задний двор и пообещали неприятностей, если он не уgomонится. По субботам стало заметно тише. Альберг тогда вздохнул, лучше бы такими вещами занималось государство, ну вот, оно и занимается – семья такой же пьяни живет у него в квартире...

Дети, дети! Да, дети, но что вырастет из этих детей? Вот случилась революция, и эти дети перебрались в отличную комнату, а то, что из этой комнаты выкинули такого же ребенка, они и думать не станут. Они вырастут с мыслью, что они чем-то лучше, чем Володя и Нина, потому что их пьяный скотина-отец пролетарий, потому что они были бедными, потому что у них не было ботинок.

Но они же и не виноваты. Арсений Васильевич почувствовал, что запутался, что все надоело, что он хочет жить своей обычной, понятной и приятной жизнью – растить дочку, работать, читать, гулять, по вечерам играть в лото.

Нина постучала:

– Можно?

– Конечно.

– Папа, пойдем играть в слова?

И весь вечер они играли, составляя слова из слов пролетариат и революция.

На следующее утро Нина пошла к Володе. Дверь в квартиру была распахнута, на подоконнике сидел маленький мальчик, одетый в какие-то тряпки.

– Ты что тут сидишь, простудишься, – сказала Нина.

Ребенок что-то буркнул. Нина не расслышала.

– Что?

– Пошла... – ребенок поколебался и добавил еще слово.

Нина усмехнулась:

– Что сказал-то... иди домой, дурачок – замерзнешь!

– Там папка пьяный, – сказал ребенок.

Из квартиры донесся крик. Нина пожала плечами:

– Ну, так хоть в кухне посиди.

– А ты в квартиру пойдешь?

– Да.

– Ты лучше не ходи, папка когда пьяный, злой.

– Нешто он мне что сделает? – удивилась Нина, – пойдем, доведу тебя до кухни.

В Володиной комнате явно что-то происходило. Причитала Нюронька, что-то грохотало – кажется, швыряли мебель.

Когда Нина с мальчиком проходили мимо, дверь распахнулась. На пороге появился пьяный отец семейства.

– Курррррва!

Увидев сына с незнакомой девочкой, он остановился, тупо моргая глазами.

– Нюрка! – заорал он, – ты что, сука, еще девку когда родила? Почему Панька с девчонкой тут?

Нина не удержалась от улыбки:

– Я не твоя, слава тебе господи.

– Не моя? – озадачился урод, – ладно тогда. А ты что, уцербок, тут шарисси? Я тебе как отец сказал сидеть в комнате не дыша, а ты? Ну, я тебя сейчас научу...

И он протянул к сжавшемуся мальчишке руку. Нина нахмурилась и отодвинула мальчишку плечом, оказавшись прямо перед пьяным.

– Это что? – удивился Курюесов, – это что такое передо мной?

– Иди на кухню, – велела Нина мальчику.

Мальчик растерянно топтался рядом. Курюесов угрожающе поднял руку.

– У меня есть отец, – сказала Нина спокойно, – задень меня – и ты покойник, точно говорю.

– Как это покойник?

– Ну как? В гробу лежать будешь.

– Ну нет, – возмутился пролетарий, – я еще поживу! Ты глянь, жизнь какая началась!

Кроватки у этих ушлепков – спят как порядочные! У меня матка вокзал убирала, так я при сортире спал, а как выгнали ее, так и на улицах. У тебя вот кроватька есть?

– Есть.

– И у моих щенков есть. Тебя звать как?

- Твое какое дело?
– И то, – согласился Курюесов грустно, – ты кто, из буржуев?
Нина внимательно посмотрела на него:
– Спать иди.
– И пойду. У меня ж тоже кровать есть.
– Ну вот. Иди, иди.
Выглянула Нюронька:
– Ты что хоть тут колобродишь, то у тебя дома нет? И у тебя, Панька? А ну-ка на кроватку свою иди, теперь ведь все есть, слава товарищу Ленину!
– Кроватки! Как порядочные будут! – опять закричал пьяный.
Нина подтолкнула Паньку:
– Уйди ты уж на кухню, пусть тут покричат.
– А он на мамку...
– Мамка взрослая – сама справится. Пойдем.
Она отвела мальчика в кухню, посадила на стул:
– Посиди тут. Володя дома, не знаешь?
Панька вытер рукавом соплю:
– Дома. А на него отец вчера кричал.
Нина кивнула и пошла к бывшей гостиной, постучала:
– Добрый день...
Софья Моисеевна встала с кресла:
– Ты, Ниночка?
– Здравствуйте. Я не помешала? А Володя дома?
– Дома. Володя!
Володя появился из Анютиной комнаты. Увидев Нину, он нахмурился.
– Я тебе помешала? – спросила Нина.
– Нет, – помедлив, сказал он, – совсем нет.
– Пойдем погуляем?
– Мама, я могу пойти погулять? – обернулся Володя к матери.
– Ты помнишь, что отец это категорически запретил?
– Что – это? Выходить на улицу? Я что, в тюрьме?
Софья Моисеевна холодно посмотрела на сына:
– Делай что хочешь. С отцом будешь разбираться сам.
– Пожалуйста, позвольте Володе немного пройтись со мной, – попросила Нина, – папа не позволяет мне гулять одной, а я совсем засиделась дома. Мы немного подышим воздухом и сразу же разойдемся по домам.
Софья Моисеевна, поколебавшись, кивнула:
– Хорошо.
В бывшей Володиной комнате было тихо. На улице Нина взяла Володю за руку:
– Нет, не отдергивай... Володенька, послушай! Папа не считает тебя глупым, он просто рассердился. Это раз. А второе...
Она остановилась, задумчиво глядя на Володю, потом медленно сказала:
– Я не знаю, как сказать. Я... я с тобой. Вот. Понимаешь?
Володя сглотнул:
– Да. Спасибо.
Они молча дошли до Клинского и обратно.
– Тебе пора, – сказала Нина около дома.
– Да. Я пойду.
– Приходи к нам.

– Приду, спасибо. И ты к нам.

Он пришел на следующий вечер. Арсений Васильевич встретил его смущенно:

– Володя, я неправ. Я старше, а вел себя как мальчишка. Ты меня прости.

– Это вы меня простите, – вздохнул Володя, – я... ну в общем, я.

– Ты, – улыбнулся Арсений Васильевич.

– Давайте играть? – предложила Нина, – в слова?

– Я уж не буду, – отказался Арсений Васильевич, – я вот читаю.

– Тогда мы с Володей, – решила Нина, – знаешь, из каких слов составлять будем? Сначала – пролетариат. Потом революция.

Арсений Васильевич читал, прислушиваясь.

Сначала дети писали, потом стали читать слова вслух. Из слова пролетариат слов получилось поровну, из революции – у Нины на одно больше.

– Я выиграла! – торжествуя сказала Нина.

– Да, точно... – удивленно сказал Володя, – у тебя сегодня так слов много!

– Я умная, – с удовольствием сказала Нина.

Арсений Васильевич кивнул сам себе. Из этих слов они составляли слова вчера, просидели час, а потом дочка еще внимательно прочитала те слова, которые составил отец. Да, за Ниночку можно быть спокойным – при любых революциях.

Это случилось в ноябре. Они с мамой и Элей сидели в гостиной, топили камин, грелись. Мама что-то рассказывала, кажется, смешное, потому что они смеялись. Вдруг в дверях появился отец, и они замолчали – никогда не видели папу таким. Мама встала, пошла к нему навстречу, он нагнулся, что-то ей сказал, и мама качала головой, глаза ее наполнились слезами, она все качала и качала головой, как будто не веря сказанному. Отец тяжело сел в кресло, и Володя не выдержал – бросился к нему, схватил за руки:

– Папа, что? Папа?

– Нильсона расстреляли, – с трудом выговорил отец.

Володя отшатнулся и с недоумением оглянулся на Элю. Она стояла, кусая губы, со страхом глядя на отца.

– Вчера его забрали прямо с завода. На той неделе рабочие напились, вломились в цех, стали ломать машины. Он, конечно, не давал, уговаривал, оттаскивал. Они набросились на него, стали бить... он отбил кое-как, отбежал, стал кричать, что они творят, рушат свой же завод... ну, и еще, видимо, что-то сказал против новой власти – вы же знаете, как он к ней относился. Мы виделись с ним позавчера, у него на лице еще были синяки и ссадины. Смеялся, говорил, что после этого несколько рабочих пришли к нему с повинной. Ну, а некоторые, наверное, побежали в ЧК, передали о его речах куда следует... вчера забрали, при рабочих объявили, что забирают как контрреволюционера за пропаганду и верность старому строю. Я узнал сегодня, с мастером побежали в ЧК, узнать, хлопотать, в конце концов! И, – отец тяжело сглотнул, – эта сволочь в форме с улыбкой сообщила нам, что инженер Нильсон был расстрелян по приговору революционного суда сегодня ночью...

Эля заплакала в голос. Аня заревела тоже, мама все кусала губы и качала головой. Володя держался за папины руки. В горле рос огромный ком, не давал дышать.

Нина на следующий день пристала:

– Володя, что ты такой? Что случилось?

Он с трудом отговорился какой-то ерундой – немного болит голова, не получилась задача. Случившееся было настолько ужасным, что даже выговорить эти слова – Нильсона расстреляли – казалось невозможным.

Володя все время вспоминал слова отца – смеялся, с синяками и ссадинами на лице, радовался, что рабочие пришли с повинной – а уже на следующий день его не было. Его убили.

Может быть, это моя последняя ночь, думал Володя каждый вечер, укладываясь спать.

Он боялся теперь строить планы, думать о будущем, что-то обещать. Нина каждый день после школы спрашивала:

– Ты придешь вечером? Мы завтра вместе пойдем?

Володя что-то мычал, чувствуя, как в груди растет холодный ужас. Как она не понимает, что никакого вечера, никакого завтра может и не быть?

Вечерами не хотелось готовить уроки – к чему готовить уроки, если завтра они могут не понадобиться? Как-то раз отец заметил у него грязные ботинки, велел немедленно привести обувь в порядок – Володя чистил ботинки, глотая слезы: какая разница, в каких ботинках умирать...

– Володя, опять?

Он смущенно отдернул руку. Нина укоризненно смотрела на него:

– Ну, сколько можно? Вчера на уроке опять кровь текла...

Володя нахмурился, и Нина замолчала.

Эта привычка – терзать уголок рта – появилась у него с той ночи, когда арестовали отца. Теперь, нервничая, он подносил руку ко рту, трогал, щипал, расчесывал до крови. Вчера в школе была проверочная работа, и Володя, хоть и оставался лучшим учеником в классе, так переволновался, что измазал кровью листок с ответами. Вот и теперь!

Они как-то раз проходили мимо того места, где тогда солдат убил мужчину. Конечно, Володя снова вспомнил, и, конечно, снова ковыряет рот.

Нина сначала сердилась:

– Володя, ну что такое? Убери руки от лица, что ты все хватаешься...

Потом она заметила, что это смущает его, и стала стараться отвлекать. Но такое получается только тогда, когда она рядом. Вчера на уроке она видела, что он опять вцепился в губу пальцами, но не вставать же на занятия, не подходить?

– Слушай, надо что-то делать! – сердито заговорила она, – ты так себе скоро рот разорвешь – будешь как человек, который смеется.

Володя угрюмо молчал.

– Нельзя так!

– Нельзя! – рассердился он, – что ты ко мне пристала? Я что, нарочно?

Нина отвернулась. Володя схватил ее за руку:

– Ну прости. Ты не одна ко мне с этим пристаешь просто – и мама тоже, и Элька. И отец. Отец-то хоть бы уж ничего не говорил, сам все время рукава на рубашке заворачивает-разворачивает – он так раньше никогда не делал!

– Надо придумать что-то, – решительно сказала Нина, – невозможно же так, и некрасиво, и тебе больно потом... слушай, я придумала! Есть у тебя платок?

– Да есть, конечно, вот. И что делать?

– Ну вот. Как будешь нервничать или что – сразу платок ко рту. Потрогал – и убрал. Понял?

– Понял, – недоверчиво сказал Володя, – попробую.

В школу Володя с Ниной ходили вместе – на этом настаивали и Смирнов, и Альберги. Инженер так и сказал:

– Нина, присматривай за ним, чтобы куда не влез.

Нина пообещала, но присматривать за Володей не приходилось. Он стал скрытным, почти все время молчал. Дойдя до дома, они расставались у подъезда, Нина звала Володю к

себе, но он почти неизменно отказывался, а если и заходил, то молча высиживал полчаса или час и, вежливо поблагодарив, уходил домой.

Иногда школа не работала – то дров не было, то света, то учителей забирали на какие-то работы, совещания, бог знает куда. Володя с Ниной доходили до ворот, выслушивали от дворника, что школа закрыта, и шли домой. Нина радовалась свободному дню, Володя оставался равнодушным.

Арсений Васильевич через пару месяцев остался без работы – закрылся магазин, стало нечем торговать.

– Представляешь, завтра папа опять уедет за продуктами, – сказала Нина, когда они с Володей возвращались домой, – ко мне приедет тетя Лида.

Володя рассеянно кивнул, потом очнулся:

– Да? Слушай, а он сейчас дома?

– Дома, наверное, где же еще? В магазине он больше не служит.

– Могу я зайти?

– Конечно!

Арсений Васильевич действительно был дома – собирался. На Володю почти не обратил внимания:

– Ниночка, деточка, ты уж тут из гимназии сразу домой, нигде не гуляй. А то бы лучше посидела дома – отдохнешь, книжки читаешь? А?

– Да нет, папа, я и так отстала, – не согласилась Нина, – но ты не волнуйся, я все сделаю, как ты говоришь.

– Ну и хорошо. А я, глядишь, привезу что хорошее. Так! Все я взял? Мандат... Еще мандат. И вот еще третий...

Из Нининой комнаты вышла тетя Лида:

– Ты бы лег, Арсений, ехать-то с самого утра. Ребята, давайте покормлю вас, да не шумите – отец отдохнул бы.

Нина кивнула:

– Давай помогу, тетя Лида.

Они вышли на кухню, и Володя бросился к Арсению Васильевичу:

– Вы надолго – в деревню?

– Нет, – рассеянно сказал тот, шаря по карманам, – на день, на два.

– Возьмите меня с собой!

– Зачем? – удивился Арсений Васильевич.

Володя поколебался, потом решил:

– У меня есть... мне дедушка дарил старинный компас. Он мой, только мой. И еще золотые монеты – три штуки. Тоже дедушка дарил. Я хочу их поменять. Возьмите меня?

– Нет. Отдай родителям, они решат, что с этими вещами делать.

Володя опустил голову. Вошла Нина с супницей:

– Володя, садись.

– Нет, спасибо. Я домой пойду.

Арсений Васильевич нахмурился:

– Погоди-ка. Пойдем со мной. Нина, мы поговорим минуточку, начинайте без нас.

В своей спальне он сел на маленький диванчик, притянул Володю:

– Садись. Случилось что-то? С чего ты вещи менять собрался?

– Просто так.

– Не хочешь рассказывать?

– Мне нечего рассказывать. Извините, я пойду, мама не разрешает задерживаться после уроков.

Арсений Васильевич пожал плечами:

– Иди.

Надо бы поговорить с отцом мальчишки, что ли, думал он сердито, садясь за стол и стараясь не смотреть на расстроенную Нину. Неужели все пацаны такие? Вот ведь дочка – умница, объяснил ей все раз, поговорил, и живи спокойно. Спокойная, открытая, веселая, настоящий подарок. Наверное, и с сыном можно было бы договориться, если бы тот остался жив. А этот? Стал молчаливый, тихий, Нина жаловалась, что слова из него не вытянешь, в гости не заходит, а ведь раньше метелкой было не прогнать. Что такое? И придумал еще – менять по деревням компас и монеты!

– Папа, я тебе еще узелок собрала – там мои платья, что малы, и чулки.

– Хорошо.

– И я взяла с собой – платье шила маленькой девочке, да не пришли забирать, – добавила Лида.

Арсений Васильевич уложил вещи в мешок и лег спать. Нина с тетей Лидой переговаривались в столовой – убирали со стола, потом Нина села делать уроки.

Володя медленно поднялся по лестнице, постучал. Дверь распахнулась, едва не ударив его в лоб, и мальчишка Нюроньки с силой толкнул его в живот:

– Сволочь! Ничего, мы вас перевешаем!

Володя оторопело поймал мальчишку за руку:

– Ты что? Что с тобой?

– Пусти, гадина! Мамонька!

На пороге гостиной появился отец. Он брезгливо посмотрел на извивающегося пацаненка и бросил:

– Домой.

Володя отпустил мальчишку, пожал плечами и пошел за отцом. Мальчишка что-то завизжал в ответ, Володя обернулся и увидел, что пацан корчит отцу рожи и изображает жесты, которые Володя пару раз видел у уличных мальчишек. Что они означают, он не знал, но понимал, что это что-то неприличное. Отец поморщился. Володя бросился было обратно, но его остановил окрик отца:

– Я сказал – домой!

В гостиной сидела только мама, в другой комнате Эля читала Анюте. Володя, не зная, чем себя занять, достал учебник по русскому, сел читать.

– Их выселяют, – отрывисто сказал отец.

– Кого? – не понял Володя.

– Нюроньку и компанию. Только Зальцман с мадам остается, но это вопрос времени.

Володя непонимающе смотрел на отца:

– Почему?

– Потому что я на ответственной работе, и мне в моем доме нужен покой, а не бардак.

– Они снова в подвал? – тихо спросил Володя.

– Меня это не касается. А почему ты спросил? Хочешь поменяться с ними местами?

Отдай им свою комнату, а сам в подвал – с тебя станется.

– Яков! – возмутилась мама.

– У меня нет своей комнаты.

– Ну, теперь вернут. Завтра их здесь не будет.

Отец сел на диван, потянулся.

– Как я устал, Соня!

Мама кивнула.

– Как это обидно – сознавать, что работал-работал, для своих детей, для своей семьи, а тут явилось какое-то быдло и перечеркнуло все твои труды! – горько сказал отец, – когда

в твоём кабинете сидит какой-то наглый, отвратительный человек, когда в комнате любимого сына, на его кровати...

Он замолчал. Володя опустил голову. Мама встала, подошла к отцу:

– Все наладится, Яков, не переживай. Они ведь ценят хороших специалистов, ты видишь сам.

– Ценят, – усмехнулся отец, – ценят! Вот Нильсона – оценили...

– Это было не руководство, а бандиты.

Отец встал, махнул рукой:

– Ладно. Ты голодный, большевик?

– Не надо меня так звать, – пробормотал Володя.

– Не надо так не надо. Так ты голодный?

– Нет.

– Уроки будешь учить?

– Да.

– Помочь что-нибудь?

– Нет.

– Ты здоров?

– Да.

Отец пожал плечами и пошел к девочкам. Володя попытался читать учебник, но ничего не понимал.

Новость о том, что Нюронькину семью выселят, обрадовала невероятно. Снова будет своя комната, можно будет подвинуть кресло к окошку, смотреть на улицу, думать о чем-то своем, можно будет расставить железную дорогу, позвать Нину... сколько всего опять будет можно!

Интересно, куда теперь отправят Нюроньку? Папа правильно говорит – он на ответственной работе, ему надо отдыхать, а с пьющим Нюронькиным мужем дома не было никакого покоя.

Но Нюронька же не виновата, что у нее такой муж, и дети не виноваты!

– Что ты бормочешь? – спросила мама.

Володя очнулся.

– Ничего. Мамочка, а куда теперь денутся Нюронька и ее дети?

– Не знаю. Как сказал твой отец – нас это не касается.

– Опять в подвал?

– А если и в подвал?

– Тогда вся эта революция была зря.

Мама нахмурилась:

– Послушай меня. Займись своим делом – учебой. Не лезь в революцию, в политику.

Ни к чему хорошему это не приведет.

Целый вечер Нюронька голосила в коридоре:

– И что же? Обрато буржуи нас в подвалы? Хваатит, пожили мои детушки с кроватками да одеяльцами, обрато на тряпки в сыром-то подвале...

Володя пытался читать несчастный учебник, но в голову ничего не лезло. Он встал и пошел к дверям. Отец, читавший книгу, поднял голову:

– Из комнат не выходить.

– Мне надо в уборную.

– Туда и обратно. Никаких разговоров, быстро домой.

Володя вышел в коридор. Около дверей его комнаты были кучей набросаны вещи – грязные, засаленные одеяла, какая-то одежда, тут же невытая сковорода. Нюронька завязывала все вместе в большие узлы. Около нее стоял мальчик. Нюронька обернулась, вытерла рукой вспотевшее лицо.

– Караулишь? – спросила она горько, – как мы съедем с квартиры, так ты туда – шмыг? На кровать свою, да с книжечкой? А я понадеялась на ту революцию, что теперь и у моего Сеньки книжечка да кровать будет. Нет! Не будет правды бедному человеку.

– Папа на ответственной работе, и ему нужна тишина дома, – сказал Володя.

– Пуля твоему папе нужна!

Дверь за Володиной спиной распахнулась, отец дернул его за руку:

– Ты опять?

В комнате отец схватил его за плечи, затряс:

– Что тебе было сказано? Туда-обратно, никаких разговоров? Ты будешь слушать, что тебе говорят? Будешь? Будешь?

– Отпусти меня!

– Яков, перестань, – вмешалась мама, – Володя, ты был где надо? Иди и сразу же возвращайся.

Володя снова вышел. Нюроньки не было, около вещей на корточках сидел Сенька. Увидев Володю, он, не глядя, схватил невытую сковородку и бросил на пол. Володя вздрогнул.

– Я бы в тебя, – глухо сказал Сенька, – да мамонька не велит. Ну ничего, гаденыш, я тебя на улице увижу, я тебя убью.

– За что? – тихо спросил Володя, – за что?

– За то, что ты буржуй и враг. Враг простого народа.

Володя пожал плечами и пошел в уборную, повернул кран над раковиной. Вода текла еле-еле, и течь ей было некуда – слив кто-то заткнул грязной тряпкой. Володя вытащил тряпку, прочистил слив, помыл раковину.

В коридоре послышались голоса. Володя приоткрыл дверь, прислушался.

– Ну что, товарищи, на новую квартиру? – бодро говорил Зальцман, – а кто вам с переездом поможет? Николай, ты чего товарищей не позвал?

– Какие у него товарищи? – вмешалась Нюронька, – товарищи приходили, как сюда вселились, я потом комнату почитай весь день отмывала – так гуляли, что нам квартиру дали... а сегодня мне проставляться не с чего.

– Ты что в мужском деле понимаешь? – заорал мужичок.

– А ты опять пьяный, Николай?

– А ты бы не пил с горя? – закричала Нюронька, – только наладили жизнь, у деток кровати появились, а тут – обратно в подвал?

– Не в подвал, не передергивай, Нюра, а на первый этаж, в соседний дом. Старик там помер, не выдержал нашей пролетарской революции, вот туда и вселяем четыре семьи. Там и ребята есть, будет твоим с кем поиграть. А то что тут – с буржуйскими детьми?

– Они тихие, буржуйские-то, – возразила Нюронька, – не возражат, шмыг только в свои комнаты. Мальчишка вон – какой театр из бумаги склеил, ровно как на пасху на Сенной показывали... ладно, товарищ, как тебя там... пойдём мы на новое место. Так и будем скитаться, что за жизнь наша горемычная? Хорошего показали, да снова и отняли. Сенька, бери узел, Маня, тебе вот чайник несть. Эй, скотина! Ты-то сам дойдешь до квартиры новой? А то потеряйся по дороге, мне только полешке будет.

– Ты меня по мужскому делу не страми! – встрепенулся мужичок.

– Владимир! – послышался в коридоре голос отца.

– А вы, товарищ Альберг, не хотите вашим соседям с переездом помочь? – ехидно спросил Зальцман.

– Я помог, – коротко сказал отец.

Володя вышел из уборной. Сенька, нагруженный тяжелым узлом, показал ему кулак. Семейство выкатилось из квартиры. Последним, шатаясь, вышел мужичок.

Отец подтолкнул Володю:

– Домой.

– Можно мне к себе?

– Куда?

– В свою комнату.

Отец нахмурился:

– Туда не войти. Завтра мама наймет кого-нибудь, чтобы вымыли.

– А ваш мальчик сам вымыть не может? – снова ехидно спросил Зальцман, – старшая девочка ему поможет. Да и жена ваша.

– Мои дети и моя жена будут убирать за этими скотами? – удивился Альберг.

– Это не скоты, товарищ Альберг! – возвысил голос Зальцман, – это обычные, рабочие люди!

– Зайдите в комнату моего сына, – вздохнул Альберг, – и посмотрите, во что они ее превратили, эти ваши обычные, рабочие люди. Не лгите себе, гражданин Зальцман – обычные, рабочие люди никогда не стали бы жить в таком свинарнике. А те, кого, слава богу, удалось выселить – просто скоты. Пойдем, Володя.

Ночью Володя проснулся от тихих голосов. Мама с отцом переговаривались по поводу комнаты:

– Тебе нужен кабинет, Яков. Я не могу каждую минуту дергать Анюту, чтобы она не шумела.

– Не так уж она и шумит.

– Но все равно, я все время боюсь, что они схватят твои бумаги, что-то перепутают. Да не в этом дело... Не представляю себе, как пустить туда Володю.

– Ну, Соня, нельзя быть такой нежной. Потихоньку сделаем ремонт, это тяжело сейчас, не сразу, когда-нибудь. Найми завтра женщину, пусть все вымоет как следует. Проветрим, выкинем оставшийся хлам, и я в самом деле поставлю стол и стул, буду вечерами работать там. А уж потом... Ничего. Главное, Соня, теперь и паек будет по другой категории. Хоть откормим их немного – Володька совсем худенький стал.

Володя неслышно вздохнул. Комнаты не будет. Конечно, отцу кабинет нужнее – тут на самом деле все время приходилось одергивать Анюту, в одной комнате Володя и Эля с учебниками, в другой – отец с чертежами, нигде не побегать, не пошуметь.

Он вспомнил про компас и почувствовал, как лицо заливают краска. Несколько дней назад отец говорил, что положение снова серьезное – поскольку он на ответственной работе, и речи быть не может, чтобы он куда-то поехал в деревню что-то менять, а продукты подходили к концу. Володя подумал тогда, что он мог бы заменить отца – поменять свои вещи и достать продуктов.

Но теперь будет паек, теперь ничего этого не нужно.

Володя вспомнил угрозы Сеньки. Не то чтобы он боялся, но на сердце было тяжело.

Назвал буржуем, врагом – с чего?

И будет теперь ненавидеть, будет помнить, что спал в Володиной комнате, а потом снова выкинули – не в подвал, конечно, но в маленькую комнату.

Революция затевалась ради справедливости, а получилось – наоборот. Потому что не подумали, думал Володя. Папа всегда говорит – сначала подумай, потом сделай. А тут – сначала вселили людей, нарушили привычную жизнь другим людям, снова выселили, Сенька теперь враг.

Он не выспался, утром в школе был хмурым и раздраженным. Нина сначала пристала с вопросами, потом благоразумно отошла в сторону.

Комнату отмыли, отец достал где-то бумагу, сальные пятна на стенах заклеили, стол, весь в ожогах от папирос и царапинах от ножа, закрыли скатертью, вымазанные шторы мама сняла, повесила летние из гостиной. Отец теперь работал там вечерами, Володя спал там же на

маленьком диване – его кровать выкинули. В комнате снова стало почти уютно, но все равно это было не как прежде. По ночам Володя долго не мог заснуть – все время представлял, как вдоль стенок стоят кровати, за столом что-то шьет Нюронька, мужичок курит и тушит папиросу об стол.

Через пару недель отец вернулся не один – с ним пришел какой-то мужчина в кожаном пальто. Володя читал в своей комнате, когда распахнулась дверь.

– Это комната сына, – отрывисто сказал отец, – здесь же я и работаю вечерами. И так, у нас гостиная, спальня, комната дочерей... работать вечерами мне негде, жена и так все время одергивает малышку, чтобы не шумела. Мои книги лежат повсюду, мне никогда не найти нужный справочник. Кроме того, у соседей постоянно гости – то женсовет у товарища Зоси, то совещания у товарища Зальцмана. Шум в коридоре, беспорядок в ванной, уборной...

– Я понял, товарищ Альберг. Завтра же я пошлю товарищу Зальцману резолюцию о выселении. Вы честно работаете на благо нашей страны, конечно, вам нужны условия. Славный у вас сын. Учитесь?

– Разумеется, в трудовой школе.

Они вышли. Володя услышал, как отец запирает за гостем дверь, и вышел в коридор.

– Папа, Зальцман тоже уедет?

– Да, слава богу! – сказала мама, появляясь на пороге гостиной, – снова будем хозяевами в своей квартире.

Зальцман пришел поздно, с ним явились еще несколько человек. Они расположились в комнате. Через час явилась Зося, с ней пять женщин – все одинаковые: коротко стриженные, в потертых плюшевых юбках, худые, решительные. Обнаружив, что комната занята, заняли кухню.

Умывшись на ночь, Володя на минутку остановился около кухни. Женщины спорили:

– Вот ты говоришь, Зося, о свободной любви. А я тебе расскажу – были у нас в ячейке мать и дочь. Мать ходила с одним товарищем. А лет ей – не скажу что много, но и не мало: к сорока. А дочери – двадцать. Товарищу дочка больше и понравилась. Домой приходит – а там товарищ ее с дочкой! Она в крик, слезы, а дочка ей – что ты, мама? У нас свободная любовь! Товарищ сам решение принимает, с кем ему и когда, да и я тоже.

– Мой бы попробовал с кем, – мрачно сказала Зося.

– А что ты бы сделала? Ты ему не жена.

– Нету сейчас такого – жена, не жена!

– Так нету – мужики и гуляют!

Володя не понял ни слова, пожал плечами и пошел к себе.

Зальцман съехал не сразу – он долго ходил в райком, спорил, доказывал свое право на место в квартире. Зося действовала через женсовет – как-то к маме явились стриженные женщины в потертых юбках:

– Что это вы, товарищ Соня? Семье товарищей жить негде, а вы? Ладно вы тех выселили, можно понять – Куресов пьющий был, Нюронька грязнуха, дети шумели... А товарищ Зося? Вам бы поближе к ней, поучились бы новому быту!

– Я уж как-нибудь, – отрезала мама, – мой муж на ответственной работе, ему покой нужен.

Зося вечером явилась сама:

– Ты говоришь, Соня, муж у тебя на ответственной работе. А мой – нет? У моего, если хочешь знать, куда важнее работа! Ему бы покой нужен, да разве он себя бережет?

Она помолчала, задумалась.

– Нам квартиру дадут, – заговорила она снова, – хлопотно переезжать, конечно... Ладно, живите покуда. Нам пока без образованных инженеров не обойтись. Вот сейчас воспитает советская власть народные кадры, тогда и будет справедливость.

– А когда воспитывает – нас куда? – усмехнулась мама.

– А там уж партия решит – куда... всяко уж в шести комнатах жить не будете.

Зальцман с Зосей съехали. Два дня отец с Володей перетаскивали книги, снова обустроили кабинет. Отец был доволен, Володю точила тревога.

О словах Зоси он, поколебавшись, рассказал Нине:

– Она так сказала – живите покуда... Что она хотела сказать?

Нина была настроена беспечно:

– Володя, она же, мне показалось, дура. А дур слушать – ушей не хватит?

– Дура, да... Но мне не по себе как-то. Понимаешь? Я тебе еще про Сеньку не рассказывал.

– Ты мне вообще последнее время ничего не рассказываешь! – вздохнула Нина.

– Так вот, Сенька. Это Нюронькин сын. Он сказал, что меня убьет. Потому что я враг и буржуй. И Зося нас ненавидит. Но почему? Я же не против революции. И что мне делать?

– Да пусть говорят и ненавидят! – отмахнулась Нина, – ты что, червонец золотой – всем нравится?

Володя замолчал. Как донести до Нины свои мысли и сомнения, он не знал. Она тем временем взяла его за руку:

– Володя, послушай. Папе надо что-то тете Лиде отнести, а он сам в субботу не может.

Одну он меня не отпустит, а с тобой – точно. Пойдем? Ты давно у нее не был.

– Ну пойдем. Я маму спрошу, она отпустит, наверное.

Мама отпустила. Трамваи ходили редко, были переполнены, и Володя с Ниной решили идти пешком – сначала по Загородному, потом по Владимирскому, свернули на Невский, прошли мимо Московского вокзала и дальше двинулись через Пески. Володя тащил тяжелую корзину с гостинцами, Нина шла налегке.

Никогда еще город не казался им таким величественным, торжественным, внушительным. Ни разбитые мостовые, ни горы мусора не портили впечатления, наоборот, казалось, что город выше этого.

Около Охтинского моста они остановились.

– Знаешь, мне кажется, что Смольный – самое прекрасное здание в городе, – задумчиво сказал Володя, – если я когда-нибудь буду снимать кино – я обязательно покажу Смольный.

Нина посмотрела на собор.

– Это там институт благородных девиц?

– Ну не в соборе же... Арсений Васильевич ведь водил нас туда – вот это здание, длинное, смотри... а сам собор построил Растрелли. Нина, ты что не помнишь-то ничего?

Нина повернулась:

– Что?

– Ты меня не слушаешь! – обиженно сказал Володя.

– Не слушаю... – согласилась она, – знаешь что, пойдем уже. Нам еще обратно, а трамваи, кажется, не ходят.

Тетя Лида, увидев их на пороге, перепугалась:

– Господи! Одни! Через весь город! В такое время! О чем Арсений думает, не понимаю! Ниночка! Володя! Вот у меня чаек морковный, и хлеба немножко дам... сахару-то нет...

Нина взяла чашку с чаем, а от хлеба отказалась. Володя, всегда отличавшийся немалым аппетитом, стал тоже неловко отказываться, но тетя Лида пресекла его возражения:

– Нет уж, мальчик мой! Пришел в гости, принес корзину – изволь-ка угощаться...

Смущенный Володя взял хлеб. Нина рассмеялась:

– Да он всегда есть хочет на самом деле!

Лидия Васильевна укоризненно покачала головой:

– Нина, Нина... а кто сейчас сытый-то?

Володя покраснел. Есть хотелось постоянно. Они больше не голодали, но так вышло, что большая часть еды доставалась отцу и девочкам: мама считала, что в первую очередь надо подкармливать мужчину, а Володя отдавал часть своей порции Аняте и Эле – они девочки, не могут же они голодать? По ночам ему все чаще снилась какая-то еда, снилось, что он приходит в гости, а там накрытый стол...

Вспомнив все это, он покраснел еще больше. Чтобы скрыть смущение, он поднес к губам чашку, сделал глоток, но чай оказался слишком горячим, он поперхнулся и закашлялся, хлеб во рту превратился в кашу.

Тетя Лида заохала:

– Осторожнее, мальчик! И я-то, бестолочь, не сказала, что чай горячий! Ой, бедненький! Нинка! Что ты смеешься, бессердечная?

Володя наконец справился с хлебом и чаем и сердито посмотрел на Нину. Она действительно смеялась, успевая дуть на свой чай.

Ну ладно, мрачно подумал он, потом с ней поговорю. Но потом он представил, как смешно выглядел с чаем и хлебом во рту, и тоже засмеялся.

Глядя на них, улыбнулась и Лидия Васильевна.

– Глупые вы мои.

В прихожей постучали. Тетя Лида пошла открывать. В прихожей послышался женский голос. Нина скривилась:

– Варька пришла.

– Кто это?

– Потом расскажу.

В комнату вошла тетя Лида, за ней высокая некрасивая девушка.

– Гости?

Володя поежился от ее холодного тона.

– Нина с мальчиком в гости заглянули, – так же холодно сказала тетя Лида, – чаю хочешь?

– Не нужно... – рассеянно ответила Варя, – я на минутку заглянула. Лидия Васильевна, метрика моя у вас?

– У меня. Отдать тебе?

– Отдайте.

Тетя Лида открыла ящик буфета, достала плотную бумагу:

– Возьми.

– Спасибо. Сейчас пойду обратно в ячейку... у нас собрание.

– О чем вы будете говорить? – поинтересовалась любопытная Нина.

– О разном... – рассеянно сказала Варя, – гнать из наших рядов случайных будем.

Чистить.

– Случайные – это кто?

– Классово нам чуждые. Вот к нам в ячейку прибился парень – у его отца фабрика была. На прошлом собрании выкинули его. Из семьи эксплуататоров!

– А если сын эксплуататоров – так нельзя в ячейку?

– Почему нельзя? Мы ему сразу сказали – отрекись от родителей, от прошлого – и милости просим! Зачем тебе такое прошлое?

– Вот как! – удивилась Нина.

– Меня тоже спрашивали. Но я что – отец умер, а вы, Лидия Васильевна, мне не мать...

– Да и слава богу, что не мать, – отозвалась тетя Лида, – уберег бог от такой доченьки.

– Это вы что хотите сказать? – прищурилась Варя.

– Ступай, Варя. Ты все взяла?

– Все.

– Ну и с богом.

Варя злобно посмотрела на мачеху:

– Бога нет.

И вышла за дверь.

Тетя Лида покачала головой:

– Вот ведь бывает... повезло Ивану – не дожил до такого.

– Да не бывает такого! – воскликнула Нина, – она так пошутила?

– Все бывает, Нина. Ладно, ребята, собирайтесь. Скоро темнеть начнет. И скажи Арсению, чтобы больше вас не отпускал.

В молчании они дошли до моста и остановилась посмотреть на Смольный.

– Кто она такая, эта Варя? – спросил Володя.

– Дочка покойного мужа тети Лиды. Она с мужем недолго прожила, он умер, а дочка с тетей Лидой жить не захотела, к своей тетке ушла. Ну, у тети Лиды я есть.

– Дура какая-то...

– Нас послушать, Володя, все дураки, кроме нас с тобой, – улыбнулась Нина, – хотя она и на самом деле дура. Тетя Лида говорит, у них там не просто ячейка, а коммуна – во как!

Арсений Васильевич встречал их на углу с Загородным:

– Что долго-то? Я с ума схожу. Не отпуска больше!

– Да ладно, папа, – перебила его Нина, – мы тебе сейчас про Варьку расскажем!

Арсений Васильевич про Варьку выслушал без интереса.

Занятия в школе не прерывались и летом. Нина притащила бумагу:

«В комиссариате просвещения решено учеников на каникулы не отпускать и не заканчивать весной текущий учебный год, иначе говоря летние школьные занятия должны быть рассматриваемы как продолжение текущего учебного года, который закончится в августе. Вопрос о порядке увольнения в отпуск учащимся еще окончательно не выяснен»

– Что это за ерунда? – недоумевал Арсений Васильевич, читая принесенную Ниной бумажку, – что, каникул не будет? Нет уж, Ниночка, ни в коем случае: я тебе справку достану.

– Да ну, папа! – отбивалась Нина, – я лучше буду в школу ходить. У нас столько интересного там!

– Что интересного? – хмуро спрашивал отец, – мастерская портняжного и сапожного искусства?

Нина как-то сорвала объявление, где учащихся трудовых школ приглашали на курсы по портняжному и сапожному мастерству. Арсений Васильевич нашел бумажку на обеденном столе и удивился:

– Это что, ты хочешь пойти учиться? Когда мастерская была – не хотела, а сейчас пойдешь?

Не было больше ни магазина, ни мастерской. Сам Арсений Васильевич служил по разным магазинам или конторам – счетоводом, бухгалтером, управляющим. Всякий раз он старался найти место получше, с лучшими условиями, если что-то не нравилось, сразу уходил.

Лида работала в своей же мастерской – не захотела бросать:

– Эти дуры ведь с криками «все общее» машинки переломают. А так я присматриваю.

Работницы ее побаивались, и мастерская, ставшая государственной, работала.

Школа тоже работала – почти без перебоев. Иногда отключали свет или не было отопления, тогда учеников распускали по домам.

Зима девятнадцатого-двадцатого годов выдалась холодной. Смирновы закрыли спальни и жили в гостиной – Нина спала на одном диване, отец на другом. Новые условия даже нравились – прежде чем заснуть, они болтали до полуночи. Иногда приходила тетя Лида, она спала на третьем диване, и тогда разговоры не прекращались до утра.

На новый год в школе устроили какое-то подобие вечера, и даже с чаепитием. Володя идти не хотел:

– Ну, и что там делать?

Но Нина так упрашивала, что он в конце концов согласился.

Какая-то учительница играла на пианино, девочки постарше пытались танцевать с мальчиками. Нина убежала куда-то со знакомыми. Володя, стоя у стены, с тоской оглядывался.

Какие все худые, бледные, плохо одетые, в штопаной, а зачастую и рваной одежде! Приученный с малолетства следить за собой, Володя особенно обостренно воспринимал свои сношенные ботинки, обтрепавшиеся и ставшие короткими штаны, ставшую серой рубашку. Позавчера заведующий, увидев Володину обувь, выдал ему бумагу:

«Выдано для представления в отдел распределения предметов первой необходимости на получение ордера на обувь, в которой он очень нуждается».

Володя сходил в отдел распределения, получил ордер, но что делать с ним дальше – не знал. Кажется, существовали какие-то магазины, где, предъявив этот ордер, можно было купить ботинки, но где эти магазины? В отделе ему дали адрес – где-то у Московской заставы, но, во-первых, не было денег, во-вторых, Володя справедливо решил, что обувь там могут и не дать, а существующие ботинки после такого похода развалятся точно. Положение спас Арсений Васильевич, взял ордер и пообещал достать.

Они еще как-то выкручивались, Арсений Васильевич пользовался знакомствами – старыми и новыми, доставал и еду, и одежду, при этом старался помочь всем своим знакомым. Володя понимал, что принять помощь тут не стыдно, но эта зависимость, невозможность достать самые простые вещи, пользование которыми раньше было таким естественным, невероятно раздражала.

Володя с тоской вспоминал прежние вечера дома, когда родители говорили о книгах, театральных премьерах, обсуждали предстоящие или прошлые путешествия. Сейчас все разговоры крутились вокруг другого – где достать еду и дрова, пайки по разным категориям. Если отец и делился чем-то о работе, то в его голосе все время сквозило беспокойство – не получается достать доски, не получается достать гвозди, приходится идти к кому-то на поклон, что-то придумывать.

У Смирновых осталось какое-то подобие прежней жизни, но Володя никак не мог расслабиться – играя в лото или просто сидя с книжкой у них дома, он постоянно думал о том, что нет чернил, не на чем писать, у рубашки отваливается воротник. Как-то раз он попытался рассказать обо всем этом Нине, но она пропустила его слова мимо ушей:

– Ну да, Володенька, нет ничего, ну так будет же... Ты сам говорил – переходный период. А давай с тобой чаю попьем? А потом в лото.

Учительница заиграла Интернационал, танцы прекратились.

– Альберг, ты чего тут один стоишь? – окликнул Володю Шурка.

Володя очнулся:

– Просто так.

– А Нинка где?

– Убежала куда-то.

– Пойдем, может?

Володя заколебался:

– Нет... я бы ушел, да мне ее потом проводить надо.

– Твоя Нинка да провожатого себе не найдет?

Володя нахмурился. Шурка примирительно дернул его за рукав:

– Да не злись ты... я ничего плохого сказать не хотел. Мировая девчонка! Дойдет она одна, что с ней сделается?

Володя покачал головой:

– Нет, я обещал.

– Ну пойдем хоть в коридор выйдем.

Володя нехотя вышел. В коридоре Шурка устремился к мужской уборной, распахнул дверь, поманил Володю:

– Иди сюда.

В уборной он достал из кармана пачку папирос:

– Давай?

Володя недоверчиво покачал головой:

– Курить?

– Ну да, а что? Ты что, маленький?

– Не маленький.

– Ну так давай. У меня и спички есть.

Володя взял папиросу, покрутил в руках:

– А ты что, пробовал уже?

– Нет еще. Но, говорят, дело хорошее: у меня дядька приехал с фронта, говорил, когда там жрать нечего было, они курили – траву набивали в бумагу и курили, голод здорово заглушало. А у меня тут не трава, настоящие папиросы.

– Откуда взял?

– Твое какое дело? – Шурка покраснел и сунул папиросу в рот, – ты будешь?

– Ну давай...

Володя неумело сунул папиросу в рот, Шурка чиркнул спичкой.

– Ну вот, загорелось, – удовлетворенно сказал он, – ты давай, дым в себя втягивай!

Володя втянул дым и тут же закашлялся. В голове все поплыло.

– Забирает? – спросил Шурка, – во... ты втягивай, втягивай, а сейчас и я прикурю.

Володя втянул дым еще раз – в надежде, что будет лучше. Лучше не стало – в голове совсем зашумело, в горлу подступила тошнота.

– Втягивай! – азартно прошептал Шурка, – сначала всегда так, а потом хорошо! Сразу жрать расхочешь!

Жрать Володя действительно расхотел – через минуту он, склонившись над раковиной, избавлялся от обеда. Шурка поохал рядом, а потом исчез вместе с папиросами.

Отдышавшись и немного придя в себя, Володя поплескал на лицо холодной водой, присел на корточки и закрыл глаза. Голова шумела и болела.

Сволочь, злобно подумал он. Сволочь, пристал со своими папиросами! Что он там говорил – не будешь чувствовать голод... да лучше уж голод, чем такая помойка по рту и адская боль в голове!

Володя с трудом поднялся, но тут же сел обратно. Перед глазами все кружилось и плыло. Он зажмурился и положил голову на сложенные руки.

Сколько он так просидел – не знал. Когда наконец появились силы встать, в школе уже было тихо, не играла музыка и по этажам не бегали учащиеся.

Володя прошел по школе – никого. Он спустился вниз и увидел сторожа, тот как раз собирался запереться изнутри.

– А ты откуда? – удивился он, – все ушли.

– Давно?

– Да уж с полчаса точно. Ты беги домой, парень, поздно.

Володя выполз на улицу. Показалось, что на свежем воздухе полегчало, но тут же снова подступила тошнота. Володя немного постоял, глубоко дыша, потом побрел дальше.

Нина ушла – с кем? Одна? Вдруг с ней что-то случилось, ведь сейчас столько случаев...

Он добрался до Нинино дома, спотыкаясь на каждой ступеньке, поднялся на второй этаж и постучал. Открыл Арсений Васильевич:

– Ты?

Он явно сердился, но Володе было не до того:

– Она дома?

– Дома. А ты...

– Я пойду, извините.

На нетвердых ногах он спустился и, не выдержав, сел в снег у подъезда. Запоздало пришло в голову, что лучше бы немного посидеть и передохнуть к ним, может быть, попросить чаю. Идти домой в таком виде было совершенно невозможно.

– Владимир?

Володя поднял голову и похолодел. Отец нагнулся над ним:

– Что ты, сыночек? Что ты сидишь? Тебе плохо стало? Дай-ка я тебе помогу...

Володя старательно отворачивался, чтобы отец не почувствовал запах табака. Тот поднял его на ноги:

– Ну как же так... Ты же на вечере был? Что там случилось? Бегали? Устал ты? Слабенький ты у меня...

Володя почувствовал жгучий стыд. Захотелось тут же во всем признаться, но позыв рвоты заставил его оттолкнуть руки отца и броситься к углу дома. Когда стало немного полегче, он взял пригоршню снега, сунул в рот, прожевал, взял вторую и обтер лицо, затем повернулся к отцу.

– Что с тобой? – спросил отец.

Володя помотал головой:

– Папа, давай домой пойдём? Я лягу...

Отец обнял его за плечи и отвел домой. Мама, увидев их, перепугалась, но отец успокоил:

– Ничего... отравился чем-то. Сейчас немудрено.

У себя в комнате Володя без сил повалился на кровать. Отец подошел, обтер ему лицо мокрым полотенцем:

– Сейчас получше будет. Укрыть тебя? Давай ботинки сниму.

Стаскивая с сына обувь, он вздохнул:

– Господи, ботинки... одно название. Ноги мокрые... Дожили!

Володя поднял голову. Отец встревожился:

– Тебе, может, миску принести? Опять плохо?

– Папа... – с трудом выговорил Володя, – я курил.

Яков Моисеевич пристально посмотрел на сына:

– Матери не говори.

– Не буду. Папа, и курить я больше не буду.

– Зачем ты вообще пробовать стал?

– Не знаю, – устало сказал Володя, – Шурка предложил... говорит, голод заглушает.

Альберг прерывисто вздохнул:

– Скоро получше должно стать, сынок, ты потерпи...

– Да я ничего, папа. Просто – попробовать. Прости меня, пожалуйста!

– Спи, сынок.

С Ниной они встретились на следующий день.

– Ну и куда ты вчера девался? – спросила Нина.

Володя махнул рукой – рассказывать не хотелось.

– Да так. А ты как дошла?

– Ой, я весело. Мы с девочками шли, и еще Митя и Додик нас провожали. А потом с Додиком еще до Клинского дошли – такая погода была хорошая! Я его домой позвала, да он не пошел – к себе домой торопился. Ты знаешь, у него еще три брата! А отца нет, они очень нуждаются, но он говорит – мама его духом не падает, у них музыкальные вечера, вслух читают... Додька на скрипке играет, я в субботу слушать пойду.

– К Додику? – растерялся Володя.

– Ну да. Он рассказывал, как они с мамой разучили – он на скрипке, она на фортепиано. Сегодня придет тетя Лида – будет меня учить печь пирог необычный, хочу взять в гости.

Володя нахмурился. Докурился!

– А в воскресенье Додька к нам придет – папа тоже скрипку хочет послушать. Ты тоже приходи, хочешь?

– Не хочу! – сердито сказал Володя, – у меня дела.

– Ну дела так дела. Ты вчера алгебру сделал? Дай я у тебя перепишу. И вечером зайди – я у тебя на завтра перепишу, а то мне некогда.

– Почему некогда?

– Я ж тебе сказала – тетя Лида придет, будем маленький пирог печь, папа муку достал.

Володя рывком открыл сумку, вытащил тетрадку:

– На! Переписывай.

– Спасибо! – обрадовалась Нина.

В классе она сразу же бросилась к Додику:

– Я поговорила с папой, он не против, чтобы я пошла к гости, и очень ждет тебя в воскресенье!

Додик, невысокий, шупленький, в очках, смущенно улыбнулся:

– Спасибо. Моя мама тоже очень хочет с тобой познакомиться.

Нину уже окружили девочки:

– Ты что, пойдешь к нему в гости? – пристали они.

– У вас роман?

Нина удивленно подняла брови:

– Вы несете чушь, девочки. Стыдно!

Володя наблюдал на ней со своей парты.

С первых же дней в новой школе Нина обросла друзьями, подругами, к ней тянулись, старались сесть с ней за одну парту, домой она шла, вечно окруженная подругами. Володя обычно возвращался с мальчишками или один, когда хотелось о чем-то подумать.

Но если что-то случалось, если было тревожно или страшно, или наоборот – хорошо и весело, Нина бросала подруг и бежала за ним:

– Володя, погоди, я с тобой пойду.

И шла рядом, слушала, утешала или безудержно хохотала.

Прошла нянечка с колокольчиком, Нина бросилась к парте, села, достала тетрадки:

– Переписать не успела!

Володя улыбнулся.

Тетрадки были только у них – Арсений Васильевич где-то достал четыре штуки. Володя их берег – задачи решал на обрывках бумаги, а в тетрадки переписывал только решения, и то как можно мельче. Нина, посмотрев на него, тоже стала держать тетради только для чистовиков – списывала у Володи.

Чернил не было, писали обломками карандашей.

В класс вошел заведующий школой, за ним пожилая женщина.

– Ребята, это ваша новая учительница по алгебре, – представил заведующий и ушел.

– Здравствуйте, – помолчав, сказала женщина, – меня зовут Анна Ивановна.

Она сжала руками кружевной платочек, потискала его, взяла классный журнал:

– Будем учиться. Вам задавали...

Володя открыл учебник, стал решать задачу. Остальные занимались кто чем хотел – рисовали, что-то читали, болтали. Нина вытащила какую-то книжку.

– Вы решили, господа?

Володя удивленно поднял голову. Так к ученикам никто не обращался.

– Мы вам не господа, – с угрозой в голове произнес Мишка.

– Простите, – скептически ухмыльнулась учительница, – я оговорилась.

Никакой дисциплины в школе больше не было. Поначалу это даже нравилось, за гимназические годы Володя устал бояться учителей, замечаний, записей в дневник. Теперь дневники были отменены, замечаний никто не писал, а если и писали, то до родителей эти замечания не доходили. Альберг как-то поинтересовался, каким же образом теперь сотрудничают школа и родители? Был какой-то комитет из родителей, но только на бумаге. Поначалу отец пытался проверять у Володи уроки, потом махнул рукой – программа все время менялась, занятия то были, то нет.

В середине зимы двадцатого года в школе ввели учком, ученический комитет. Предполагалось, что ученики теперь сами будут следить за успеваемостью себя и других, и поначалу так оно и было – рисовали какие-то графики, смешные плакаты, где продергивали отстающих. Володя рисовал лучше всех в классе, поэтому его привлекли для изготовления. С этим рисованием в классе вышла ссора.

Как-то Нина совсем бросила учиться – достала где-то приключенческие книжки, на уроках и дома занималась исключительно чтением. Учком решил ее продернуть, нарисовать стенгазету поручили Володе. Когда он узнал, кого надо рисовать, то наотрез отказался. Глава учкома – Мишка – тут же созвал общее собрание класса:

– Товарищи! У нас учком. Мы боремся за успеваемость, но есть те, кто саботирует. Мы боремся с ними, но, как оказалось, среди нас процветает кумовство!

– Да ты о чем? – удивилась Тамара, красивая девочка, дочка концертмейстера из Консерватории.

– Я говорю про Альберга. Он рисует лучше всех, учком поручает ему оформлять стенгазету, он никогда не отказывался. Сейчас необходимо продернуть Смирнову. И что же? Он отказался!

– Почему, Альберг?

Володя покачал головой:

– Потому что. Ничего объяснять не буду.

– Он в нее влюблен!

– До любви ли сейчас, товарищи?

– А что же?

– Сначала мировая революция!

Володя огляделся.

На собраниях было особенно видно, как разделился класс. Одни всей душой были за революцию, борьбу, новый мир, они кричали громче всех, чаще всего глупости, что-то отстаивали, за что-то сражались. Другие смотрели на происходящее со страхом или презрением, на собраниях отмалчивались.

– Ты будешь рисовать плакат, Альберг? – чеканя каждое слово, спросил Мишка.

– Да перестаньте, – вмешалась Нина, – конечно, не будет.

– И почему же он не будет? – спросил Мишка.

– Она ему запретила! – крикнула Надя, девочка из рабочей семьи.

Нина пожала плечами:

– Я Володе запретить ничего не могу. Не будет – потому что не будет. Что мы тут разбираем? Надо на меня что-то нарисовать? Так рисуйте и по домам пойдем. Попозировать?

– Тебе плевать на мнение учкома? – с угрозой произнес Мишка.

– Плевать, – легко согласилась Нина, – ну что? Если не рисовать, так я пошла.

И она вышла из зала. Володя пошел за ней.

По дороге домой Нина весело рассказывала про книжку. Володя слушал, а потом разозлился:

– Книжка – это хорошо. А ты учиться-то думаешь? Все брошено, ничего не делаешь!

– А ты на меня стенгазету нарисуй, – обиделась Нина.

– И нарисую! Вот домой придем...

– О, давай! – обрадовалась она.

Дома Нина скорее достала бумагу и карандаши:

– Ну давай скорее!

Володя вздохнул и сел рисовать.

Через полчаса хохочущая Нина клеила на стенку газету. На листке бумаге была изображена девочка с косичками, с книгой в руках. Рядом стояла еще стопка книг, а вокруг девочки с книгами толпился учком. Лучше всего получился Мишка.

Вернувшийся Арсений Васильевич тоже посмеялся, потом стал серьезным:

– И все-таки, Ниночка, надо бы учиться-то.

– Хорошо, папа, – покорно сказала Нина, – Володя, что задано там? Объясни мне.

На следующий день она легко ответила по русскому, потом по географии, по истории. Учком возмущался:

– Да она издевается над нами!

Но через некоторое время запал заниматься самоконтролем прошел. Стало не до того, слишком трудное было время – голодное, ненадежное. Шла гражданская война, белые рвались к Петрограду, по-прежнему по ночам ходила ЧК, на улицах работали люди с благородными лицами – буржуи.

За учебу бороться перестали – теперь боролись за самоуправление, принимали участие в сомнительных развлечениях.

В школе организовали детскую коммунистическую ячейку. Туда вступила половина класса. Володя заикнулся было об этом дома, но отец пришел в такую ярость, что Володя тут же одумался. Нина поначалу загорелась, потом из солидарности с Володей вступать не стала.

Первым делом, которое предложила ячейка, был антирелигиозный карнавал.

– Папа, а через три дня пасха, – сказала Нина.

– Да, – отозвался отец, – ты кулич будешь печь? Яйца я достал, тоже бы покрасить, что ли.

– Да ну, папа, кто теперь таким занимается? – удивилась Нина, – ерунда какая-то.

Арсений Васильевич пожал плечами и ничего не сказал. В субботу вечером на столе появились кулич и крашеные яйца – принесла тетя Лида. Нина отколупнула от кулича:

– Вкусно! Давай сейчас?

– Это на завтра, – сдержанно сказал Арсений Васильевич, – и Лида придет.

– Про завтра, – сказала Нина, – завтра у нас карнавал будет. Против религии, против пасхи. Хотели сделать учебный день – но учителя против, и Наркомпрос не разрешил. Поэтому завтра карнавал. Как мне нарядиться?

– А что там будет, на этом карнавале?

– Ну, как шествие, что ли. Будем петь на веселые мотивы молитвы, мальчишки попами наряжутся, девчонки попадьями и поповнами. Я бы тоже могла, но скучно! Надо какой-то веселый костюм придумать. Какой?

– Не знаю, Ниночка. Может, невестой? Прихвати парня какого, вроде как вас венчают с ним. Возьми вон икону, которой нас с твоей мамой благословляли, да с ней пройди по улице, покривляйся, поглумись.

Нина залилась краской, отвернулась.

– Особо про нас с Лидой подумай – мы же в церковь ходим, и иконы у нас на стенах, расскажи друзьям-товарищам, что родня у тебя старорежимная, верующая...

– Папа!

– Можешь еще яйцами покидаться, – не унимался Арсений Васильевич, – что еще? Даже не знаю... Ну ничего, придумаешь, не печалься!

И он ушел к себе. Нина вздохнула, пошла следом. Отец лежал на кровати с книжкой.

– Папа, я не пойду на карнавал.

– Отчего же?

– Нет, папа, погоди. Я не пойду. Я никогда о таком не думала.

Арсений Васильевич сел на кровати:

– Странно, что не думала. Ты же не дура?

– Нет, кажется.

– Тогда в чем дело? Что вы пристали к верующим? Зачем вы очерняете праздник? Не хочешь праздновать – не надо, я тебя, кажется, никогда ни к чему не принуждал. Но и ты в свою очередь не мешай мне. Уважай мои привычки, мои традиции. Или я многого прошу?

– Нет.

Арсений Васильевич снова лег на кровать.

– Знаешь, – грустно сказал он, – что мне больше всего не нравится в этой вашей революции? Я, наверное, не сумею объяснить.

– Попробуй?

– Мне не нравится, что они – твои большевики – разрушают семьи. Ты знаешь, я глубоко семейный человек, и будь жива твоя мама, у меня была бы большая семья, много детей. И поверь, мне искренне неважно, какой ты будешь: верующая или нет, старая дева или сумасшедшая мать, лишь бы счастливая. Ты не убийца, не грабитель, ты любишь меня, я люблю тебя, и пусть твои взгляды будут такими, какими будут. Но ведь что сейчас происходит? Если я не думаю так, как ты – я враг. Я тут слышал о девочке, которая ушла в детский дом, потому что ее мать молилась и не давала девочке идти в ячейку. Что, ячейка дороже родной матери? Не могу принять и никогда не приму.

Нина подошла, села на край кровати, взяла отца за руку:

– Папа, говори со мной чаще.

– Куда уж чаще, и так не замолкаю! – возмутился Арсений Васильевич.

– Говори. Я сейчас себя такой дурой чувствую...

– Не чувствуй. Просто думай больше в следующий раз, вот и все.

В дверь позвонили. Арсений Васильевич встал:

– Кто там?

Нина осталась сидеть на кровати. Услышав голос Володи, она встала и вышла в прихожую.

– Мне надо с тобой поговорить, – отрывисто сказал он.

– Пойдем ко мне, – предложила Нина.

В комнате у Нины Володя сел на подоконник, она в маленькое кресло.

– Что случилось?

– Ты пойдешь на карнавал?

– Нет. Как раз хотела с тобой об этом поговорить! Папа...

– А, тоже папа? – криво усмехнулся Володя, – мой пообещал меня убить, если я буду принимать в этом участие.

Нина задумчиво посмотрела на него.

– Володя, это правда глупость, – спокойно сказала она, – послушай меня. Мы с папой поговорили...

– Я не хочу слушать.

Он встал и пошел к дверям.

– Ты пойдешь? – окликнула его Нина.

– Да.

Нина посмотрела, как за ним закрывается дверь, потом пошла к отцу.

– Володя собирается идти на карнавал, а отец обещал его за это убить, – сообщила она.

– Отговорила бы ты его, – серьезно сказал Арсений Васильевич, – отец его не убьет, конечно... Но дело-то мерзкое какое. Потом стыдно будет.

Нина задумчиво кивнула.

Вечером она пошла к Альбергам. Дверь открыл сам инженер.

– А, Нина, – грустно усмехнулся он, – заходи.

– Здравствуйте.

Володя выглянул в коридор, увидел Нину, помрачнел. Она, не дожидаясь приглашения, прошла в его комнату, села. Альберг зашел вслед за ней:

– Ты пойдешь на карнавал?

– Нет, – нехотя сказала Нина, – не пойду.

– Слава богу.

И он вышел.

Володя злобно посмотрел ему вслед и прерывисто вздохнул.

– Трудно?

Володя недоуменно повернулся к Нине.

– Трудно тебе? – повторила она, – Володенька!

Он отвернулся, длинно всхлипнув. Нина встала, подошла, положила ему руки на плечи, повернула к себе:

– Ну, не надо.

– Почему он так со мной? – прошептал Володя, не сдерживая слез, – почему? Он услышал про этот карнавал, говорит – если пойдешь, из дома выкину, убью... Я пойду, черт возьми, пусть знает!...

– Нет. Не пойдешь, это глупость, этот карнавал, ты не хуже меня знаешь... Ну, не надо плакать... успокойся, Володенька, конечно, трудно, но что же делать?

– Я иной раз домой идти не хочу.

– Понимаю тебя...

Она осторожно обняла Володю за шею, притянула его голову к себе на плечо:

– Пройдет все...

Пока он плакал, Нина гладила его по голове и что-то шептала. Наконец Володя успокоился, оторвался от ее плеча, вытер глаза:

– Арсений Васильевич что сказал?

– Пойдем к нам? Поболтаем.

– Пойдем. Если выпустят.

– Я поговорю.

Нина вышла, постучала в кабинет Альберга:

– Яков Моисеевич, прошу прощения, вы позволите Володе пойти к нам на часок? Папа дома, мы бы поиграли в лото вместе?

– Пойдите, – хмуро сказал инженер.

Арсений Васильевич сделал вид, что не заметил красных Володиных глаз, скорее достал лото:

– Будем играть?

Володя помотал головой и достал головоломку. Нина тут же вытащила книгу, Арсений Васильевич тоже попытался было отбиться, но посмотрел на мальчишку, почувствовал приступ жалости и покорно сел проигрывать.

– Завтра приходи к нам, – сказала Нина, провожая Володю, – будем кулич есть и яйца.

– Я не праздную пасху.

– Ты глухой или плохо понимаешь? – поинтересовалась Нина, – я сказала: завтра приходи к нам, будем кулич есть и яйца. Где ты услышал слово пасха?

Володя улыбнулся:

– Приду. Спасибо.

И он скрылся за дверью.

Через пару дней после карнавала Нина явилась домой коротко постриженная. Арсений Васильевич от неожиданности облился чаем, но ничего не сказал. Володя, увидев Нину в новом облике, тоже растерялся и робко спросил:

– Ниночка, а где косички?

– Я постриглась как прогрессивная! – гордо сказала Нина и поправила волосы.

Володя кивнул и покосился на Арсения Васильевича. Тот вздохнул и развел руками.

Инженера арестовали в середине января, обвинили в нарушении сроков строительства и даче взятки. Через две недели состоялся суд, его признали виновным и объявили приговор – пять лет лагеря принудительных работ в Вологде.

Мама, строгая и сдержанная, собрала отцу вещи. Перед самой отправкой в лагерь дали свидание, но тут как раз заболела Анюта, страшно кашляла Эля, и мама отправила Володю, вручив ему узел с теплыми вещами:

– Только, я тебя прошу – чтобы вещи не вырвали. Иди аккуратно.

До Шпалерной Володя добрался на трамвае, подошел к воротам тюрьмы. Там толпился народ. Володя узнал, что первым делом надо идти к проходной.

В проходной у него выяснили, к кому он идет, проверили по каким-то спискам, взяли ученическое удостоверение, записали его фамилию. Наконец молоденький солдат провел его через внутренний двор, через неприметную дверь они попали в длинный коридор, из коридора – в маленькую комнату с зарешеченным окном.

– Сиди, сейчас отца приведу, – сказал солдат.

Володя огляделся – стол, по обе стороны от него два стула. Он присел на один стул, прижав к себе узел.

Открылась дверь, на пороге появился отец.

– Десять минут, – бросил солдат.

Отец нахмурился:

– Почему ты? Где мать?

– Девочки немного заболели, мама послала меня. Папа, вот вещи тут в узле, там теплое и...

– Давай.

Он подошел, взял узел, поставил его на стол, повернулся и обнял Володю:

– Ну как вы там?

Володя вздохнул. Что ответить?

– Все в порядке, папа, – сказал он, – только без тебя очень плохо.

– Ну, теперь это на пять лет, – зло усмехнулся инженер.

Он отпустил сына, обошел стол, сел.

– Вот так вот, Володя, – сказал он, – пять лет... не знаю, как вы будете без меня... послушай меня внимательно и передай матери. Во-первых, никаких посылок с провизией – я запрещаю. Во-вторых – я требую, чтобы вы с Элей закончили гимназии.

– Папа, а нам можно будет приезжать, навещать тебя?

– Можно, наверное, только на какие деньги? Ну, писать, во всяком случае, вы мне можете. Наверное, никаких ограничений на переписку не будет, так что пишите почаще...

Дверь распахнулась. Отец встал, Володя поднялся тоже. Отец обнял его, прижал к себе, потом отодвинул, внимательно посмотрел в лицо, как будто стараясь запомнить. Провел ладонью по щеке:

– До встречи, сынок. Обними маму и девочек.

Он вышел. Володя остался стоять. Солдат вернулся:

– Пойдем, выведу тебя.

Во дворе он сочувственно спросил:

– Надолго отца-то?

– На пять лет.

– За пять лет ты взрослым станешь, паренек.

Володя вышел за ворота тюрьмы.

Пять лет.

Когда узнали о приговоре, Володя испытал ужас, отчаяние, непонимание – что теперь, как они будут? Пять лет без отца!

Но только сейчас пришло в голову, что за эти пять лет он станет взрослым. Сейчас ему тринадцать, почти четырнадцать – через пять лет будет восемнадцать. Совсем взрослый.

Кончилось все – больше не придет папа вечером поправить одеяло, больше никогда не будут клеить паровоз...

Володя всхлипнул и тут же устыдился этих слез – о том ли он думает? Отец пять лет будет в трудовом лагере, в бараке, без семьи, заниматься тяжелым физическим трудом, может быть, голодать, мерзнуть – а сын переживает, что его надо укрывать по вечерам!

Но слезы лились сами собой.

Трамвая он ждать не стал – пошел пешком. Добрался до дома поздно, уставший, замерзший, опустошенный.

Мама встретила в дверях:

– Ну что там? Как он? Говори, Володя.

Володя устало пересказал – продукты передавать отец запретил, велел им с Элей непременно закончить гимназии, просил чаще писать, просил поцеловать маму и девочек, сказал, что скучает. Мама вытерла слезы:

– Ладно... Ты голодный? Замерз? Что ты зубами клацаешь?

– Замерз немного.

– Господи боже мой, не заболей только... еще и с тобой возиться!

– Я не заболею. Мамочка! Я устал, пойду лягу?

– Пойди, конечно.

– Мамочка, ты можешь мне одеяло подоткнуть?

– Ты сам укрыться не можешь?

– Пожалуйста, мамочка, укрой меня, – попросил Володя, – помнишь, как папа меня укрывал?

Мама молча кивнула. Володя разделся, забрался в постель, мама села рядом, со всех сторон подоткнула одеяло.

– Так хорошо?

– Очень, мамочка.

– Ну спи, сынок. Я еще к девочкам пойду.

Она погладила Володю по голове и вышла.

Где сейчас папа? В тюрьме, наверное, отправляют только завтра. Во сколько уходит поезд на Вологду? Или это специальный поезд, он уходит без расписания?

Вологда – это еще севернее, там совсем холодно.

Через три недели пришло письмо – отец писал, что он на месте, работает на производстве, но, может быть, его переведут в технический отдел – образованных людей тут не хватает. Живет он в бараке, но не все так страшно, есть печка, они топят. Беспокоился за жену и детей, просил писать чаще.

Эля в тот же вечер села писать, Анята рисовала картинку. Володя тоже взял листок и карандаш, написал – дорогой папа, и задумался.

Все домашние новости напишет Эля. А что ему написать? В школе ничего нового. Он машинально стал рисовать на бумаге – нарисовал маленькую уютную комнату, кровать у стены, лежащего на ней ребенка, а рядом – мужчину, укрывающего ребенка одеялом.

Эля подошла, посмотрела:

– Что ты бумагу переводишь?

– Я это папе пошлю.

– Зачем?

– Я так хочу. Это мы с ним – он меня укрывает на ночь.

Эля долго смотрела на картинку, потом всхлипнула и выбежала за дверь. Анята подошла, посмотрела:

– Ты тоже решил картинку послать? Почему? Ты же взрослый?

– Я не взрослый. Я не хочу быть взрослым. Хочу быть маленьким.

Ему пришло в голову, что ему повезло куда больше – когда он был маленьким, и папа, и мама были рядом, а у Аняты будет только мама.

Эля вернулась, отрывисто сказала:

– Давай свой рисунок, я завтра буду отправлять письмо.

– Он не виноват, – твердил Володя, приходя к Нине, – ты понимаешь? У него не было досок, как они могли строить без досок? А взятка – может быть, он заплатил кому-нибудь, чтобы скорее дали доски. . . он хотел как лучше, быстрее строить.

– Папа, а ты взятки не даешь? – спросила Нина вечером.

– Нет, – открестился Арсений Васильевич и покраснел.

Взятки он давал направо и налево, начиная с первого года революции – а как, интересно, по-другому можно было получить мандат для поездок по деревням за продуктами? Как было отбиться от дурацкой повестки – когда его едва не мобилизовали на оборону Петрограда? А когда прошел слух, что в Лидину квартиру собираются вселить семью какого-то красного финна, оставив Лиде маленькую комнатку при кухне? По-другому было никак, никаких угрызений совести он не испытывал, только старался быть максимально осторожным.

Осторожным – но тоже страшно. Конечно, останется Лида, Нина не будет одна, но что может одинокая женщина. . . и Смирнов дал себе слово по возможности обходиться без этого.

Софья Моисеевна снова служила, получала какой-то паек. Яков Моисеевич писал часто – почти каждую неделю от него приходило маленькое письмо. Он писал, что рассказывать особо нечего, работает, живет уже не в бараке, а в маленькой комнатке с еще одним инженером, принимает участие в строительстве завода. Володя, оставшись один, доставал письма и перечитывал.

Мои дорогие, как вы там? Очень по вам скучаю, постоянно думаю и переживаю. Элочка, Володя, учитесь хорошо, старайтесь, вам обязательно надо выучиться. Помогайте маме с Анютой и по дому. Обнимаю вас, мои любимые.

Отец почему-то никогда не подписывался – папа, всегда ставил свою подпись – Я.Альберг.

Эля старательно училась, по-прежнему была первой ученицей в классе. Их гимназия почти не подверглась никаким переменам, мальчиков было мало, все ученики были из хороших семей, по-прежнему по коридорам сновали классные дамы, к ученикам обращались на вы. Эля школой гордилась:

– У нас все как раньше!

Вечерами она писала отцу:

Дорогой папочка, у нас все хорошо. В гимназии мы теперь проходим Толстого, я читаю целыми вечерами. Прочитала и Анюте – про Бульку и короткие рассказы, ей очень понравилась. Володя учится хорошо, но если бы старался, то учился бы еще лучше.

Денег не хватало, и Володе неожиданно повезло – удалось устроиться курьером в какое-то учреждение. Он бежал туда утром, разносил самую важную почту, потом шел в школу, из школы снова носил бумажки.

Мама поначалу была недовольна:

– Володя, отец велел тебе учиться.

Но потом признала, что с его заработком стало легче. Эля тоже помогала, как могла – учила музыке каких-то девочек.

Учиться и бегать по городу было тяжело. Относя очередную бумажку, Володя раздраженно думал, как он мог раньше любить город, любоваться зданиями, площадями, Невой, Фонтанкой? Теперь он бежал, не поднимая головы, думая только о том, что надо как можно скорее отнести бумаги, потом вернуться домой и скорее сесть заниматься. Но дома хватало сил только на то, чтобы доползти до кровати и закрыть глаза.

Нина как-то напросилась с ним. Володя возражал:

– Ты думаешь, я гуляю?

Но от нее было не отвязаться.

Поначалу пришлось бежать к площади Воровского, оттуда на Петроградскую сторону. Нина, стиснув зубы, шагала рядом. С Петроградской стороны ехали на трамвае, удалось сесть, Нина привалилась головой к Володиному плечу и заснула. Он еле разбудил ее около дома:

– Больше не возьму с собой.

Она больше и не ходила. Но утром, встречая его после школы, непременно совала что-нибудь – хлеб с маслом, чудом добытую конфету, пряник. После уроков ловила с чем-то еще:

– Вот тебе, поешь. Нет, так не пойдешь!

Нина помогала и в другом – заметив, что Володе просто некогда учиться, она сама стала больше заниматься и там, где могла, училась за двоих. Если надо было писать доклад или сочинение, она писала сразу два и потом подсовывала Володе:

– Прочитай, я вроде все путно написала. Если не поймешь, я расскажу.

По математике и физике она по-прежнему ничего не понимала и как-то, желая помочь Володе, обратилась за помощью к Додиду. Тот толково объяснил ей тему по геометрии, Нина все решила и принесла задачи Володе. Узнав о том, каким образом Нина вдруг стала такой сведущей, Володя обиделся и задачи переписывать отказался.

С тех пор, как в школе появилась ячейка детской коммунистической группы, Додик изменился. Его выбрали председателем, и он начал свою карьеру.

Как-то раз на доске появилось объявление:

Внимание! Внимание! Сегодня состоится суд на царем Николаем Первым!

Нина, увидев объявление, недоуменно пожала плечами:

– Володя, Николай первый – это же не этот царь? Тот давно умер, да?

Володя вздохнул:

– Да.

– А как же его судить будут? А зачем? Пойдем посмотрим?

В зал набились школьники. Додик вышел на трибуну и коротко рассказал про преступления Николая. Историю он, как и другие, знал плохо, поэтому вышло глупо и неубедительно. Школьники разошлись разочарованные, но суды стали традицией.

После того, как Нина с Володей не явились на безбожный карнавал, судили и их. На доске снова появилось объявление:

Суд над Альбергом и Смирновой! Все на штурм небес!

Володя пожал плечами и собрался было домой, но Нина вцепилась:

– Пойдем послушаем! Меня еще ни разу не судили.

Пришлось пойти. Додик долго и нудно говорил про отрыв от коллектива, про то, что Альберг и Смирнова, кажется, верят в бога, что они за старую жизнь... Нина сначала с любопытством слушала, потом не удержалась – спросила, почему верующим не предоставляется столько же свободы, сколько и неверующим, почему человек не может сам решить, ходить ему в церковь или нет? Почему над иным мнением надо смеяться и издеваться, не пахнет ли тут вообще царизмом, запретом думать? Тут школьный зал взорвался криками, среди школьников оказалось много тех, кто по-прежнему ходил в церковь, они начали отстаивать свои права, другие кричали против. Нина снова села на свое место и заинтересованно слушала баталии. Володя засмеялся:

– Ты как в театре сидишь. Пойдем домой?

– Погоди, Володенька, тут интересно!

Ученики докричались до драки – на Додика набросились и побили защитники веры. Володя хотел было вступить, Нина не дала:

– Не мешай ему страдать за убеждения!

Хихикая, они ушли домой.

Но с Додиком Нина все-таки поддерживала отношения. Когда они оставались вдвоем, он становился прежним – тихим, спокойным мальчиком, охотно играл ей на скрипке, много говорил о музыке, книгах. Нина удивлялась:

– Почему же ты на людях такой дурной? Суды эти, митинги...

Додик невразумительно мычал в ответ.

Но как-то раз он сознался:

– Я хочу большим человеком стать.

– Это как? – спросила Нина, – комиссаром?

– Если хочешь знать, комиссаром. В Москву поеду, на съезд. Ленина увижу... А потом к тебе вернусь. В кожаной куртке, с портфелем.

Додик покраснел, потом решительно посмотрел на Нину:

– Я... я на тебе потом жениться хочу. И я уже сейчас готовлюсь, чтобы у нас все было. Я сейчас всему научусь, ну, тут в школе, а потом я смогу комиссаром в самом Кремле быть.

Нина оторопела и не нашлась, что сказать.

Мысль о том, что кто-то хочет на ней жениться и готовится к этому уже сейчас, была очень приятной. Нина чувствовала себя важной и значимой, в неясных мечтах она видела квартиру в Кремле и мужа в кожаной куртке и с портфелем.

Муж будет приходить домой, она будет его встречать, будут вместе ужинать, разговаривать. О чем? О съездах, его работе... о кожаной куртке и портфеле!

Додик смешной, приятный, но чужой, разве можно выйти за него замуж? Сейчас с ним хорошо, и с другими мальчишками тоже, просто, легко, но это потому, что потом идешь домой, а они остаются за порогом.

Наконец Нина додумалась до того, что есть только один мальчик, за кого она могла бы выйти замуж. Только с ним можно остаться в одной квартире, только с ним легко и молчать, и разговаривать, только его хочется защищать и беречь.

Поняв это, Нина испытала легкое смущение и решила никому об этом не говорить.

Володя о планах Нины ничего не знал. Работа и учеба занимали все его силы.

Иногда он заходил к Смирновым, но был таким уставшим, что просто сидел, пил чай и молчал.

Арсений Васильевич как-то встретил его на Забалканском – Володя как раз разнес всю свою почту и брел домой.

– Пойдем вместе, – позвал Смирнов.

Володя вяло согласился.

– Устаешь? – спросил Арсений Васильевич.

– Да, – помедлив, сказал Володя, – конечно. Но это ладно, главное, учиться как-то не очень получается. А папа велел учиться.

– Надо тебе какую-то подработку попроще. В клубе, может, плакаты рисовать?

– За это платить не будут.

– Я поспрашиваю, может, найдем что-то?

– Не надо, я сам.

– Да что сам! – рассердился Арсений Васильевич, – посмотри – лица на тебе нет. Бегаешь, обувь стоптал, учеба стоит. Кому это надо?

– Вы правда можете что-то другое найти?

– Не знаю. Попробовать могу. Почему ты такой, Володя? Почему тебе помощь так трудно принять?

Володя пожал плечами, побрел дальше.

– Папа говорит, что нужно всего добиваться самостоятельно, – сказал он.

– Правильно папа говорит. Но я за тебя работать и не собираюсь, ты сам будешь. Просто сам видишь – эта бегогня тебя добьет.

Они медленно шли дальше.

– Очень скучаешь? – помолчав, спросил Арсений Васильевич.

Володя кивнул:

– Да.

Арсений Васильевич вздохнул. Что говорить, он не знал.

– Пять лет, – продолжил Володя, – а прошло – два месяца. Мама как-то сказала, что потом привыкнем, а мне кажется, я никогда не привыкну. Кабинет пустой, я иногда захожу туда. Книжки беру, перелистываю. На столе бумага осталась с расчетами – папа писал. Я ее беру и к лицу прижимаю. Пять лет...

Через два дня Арсений Васильевич пришел к Альбергам с новостью – в отделе труда на Забалканском освободилось место, Володю возьмут с радостью.

– Должность смешно называется, – смущенно сказал он, – деловод.

Володя поблагодарил и с понедельника приступил к работе. Тут, конечно, служба была намного легче, он брал бумажки и подшивал их в папку. Вся работа занимала пару-тройку часов. Теперь он снова мог спокойно учиться.

Нина, узнав об этом, очень обрадовалась и тоже повадилась ходить в отдел труда. Пока Володя подшивал свои бумаги, она сидела рядом и что-то рассказывала. Володя слушал вполуха, напрягался только на имя Додика.

Потом Нине делалось скучно, и она тоже садилась подшивать бумаги. Володя сердился:

– Нина, это моя работа!

– Да я ж деньги-то не буду брать, – удивлялась Нина, – мне просто скучно. Давай скорей уж подошьем и гулять пойдем?

Погоуляв, они приходили домой, и Володя садился заниматься.

Мама приходила домой поздно, немного читала Аняте и сразу ложилась. После службы она бегала по разным знакомым и инстанциям – хлопотала за мужа, рассказывала, что он очень хороший, нужный инженер, с большим опытом, что его место в Петрограде.

Через пять месяцев ее хлопоты увенчались успехом, и инженер Альберг вернулся домой по вызову строительного треста. Он сразу же приступил к работе, домой приходил поздно, в свободное время отсыпался у себя в кабинете.

Дома стало куда сытнее, и как-то Володя поймал себя на том, что ему странно не испытывать постоянное чувство голода. Еда была всегда, самая простая, но была. Сразу все наладилось и в школе – после завтрака дома все уроки казались легкими, все запоминалось само собой. У Нины учеба с едой связана не была. Школа ее интересовала больше как место встречи с подругами, где можно было поболтать, подурачиться, побегать. Каждое утро повторялось одно и то же:

– Опаздываем, да? Черт возьми, Володя, я что-то сегодня никак проснуться не могла....

– Ты устала? Как себя сейчас чувствуешь? – пугался он.

– Да ну тебя. Ты совсем как папа – тот тоже: не ходи в школу, отдохни, устала... лимоны побежал доставать. Ничего не устала, все хорошо.

– Ну смотри.

Они шли до школы. Нина что-то рассказывала, Володя молчал. У самых дверей он подозрительно спрашивал:

– Нина, а ты задания приготовила?

– Ну так, – отвечала обычно Нина, – да что с тобой? Сейчас вот литература будет, я у тебя и перепишу.

– Так сегодня же проверочная работа.

Нина махала рукой.

На литературе она быстро переписывала задание по алгебре.

– Объяснить? – шепотом спрашивал Володя.

– Не надо, – шептала Нина в ответ, – переписала же... Мне бы еще на проверочной как-то у тебя списать. Черт, уйти, что ли... последний ведь урок – сказать, голова заболела...

Списать не всегда получалось, учителя были недовольны:

– Смирнова! Ты же у нас умная, почему же учиться не хочешь?

Володя тоже возмущался:

– Ты что, неучем хочешь быть?

Нина отшучивалась, переводила разговор на другое, а как-то раз, когда Володя был особенно резким, задумчиво сказала:

– Я не буду неучем, Володя. Я много читаю.

– Чарскую! – поддразнил он.

– Не только. Чарскую я читала, когда была маленькой. Сейчас продается столько книг...

– И что ты читаешь?

– Гончарова.

– А что именно?

– Сейчас «Обрыв».

Володя недоверчиво покачал головой:

– Он же длинный какой.

– Да. Но я быстро читаю. Ты-то сам читал?

– Читал, конечно.

– Мне Марфенька больше всех нравится.

– Марфенька? – возмутился Володя, – что там может нравится? Она же пустая, она же... самка!

– Кто?

– Ну... самка. Она только и хочет, чтобы детей нарожать и дома сидеть с ними. Она старорежимная.

Нина озадаченно посмотрела на него:

– Во как. Так и я тоже старорежимная.

– Ты хочешь детей нарожать и дома сидеть? – спросил Володя и покраснел.

Нина усмехнулась:

– А что ты покраснел? Да, хочу.

Володя нахмурился:

– Знаешь... теперь, когда столько всего нового...

– Чего нового?

– Женщины работают – в женсоветах, комитетах, ведут кружки, вот у нас в доме ясли открыли! А лекции? А библиотеки...

– Я знаю. А что тут нового? Это уже давно. Моя мама вела кружок по чтению на заводе у рабочих, читала там лекции по истории, а в Галиче они с подругой в селе открыли библиотеку, присматривали за деятельностью больницы... Только при этом она хотела растить своих детей, и если бы не умерла, у нее их было бы много!

– Ты думаешь, Марфенька твоя вела бы кружки?

– Может быть. А если и не кружки, то вспомни сам – как она заботилась о крестьянах, еще девочкой! Это Вера ничего не делала, только по обрывам бегала со ссыльным... И этот тоже – бездельник. Ну, Райский.

– Как это Вера бегала по обрывам со ссыльным? – возмутился Володя, – она просто не хотела мириться с положением женщины! С таким положением...

– С каким?

– С таким! У женщины только и пути было, что замуж! И детей рожать! Я от тебя не ожидал такого! Ты мыслишь, как Марфенька! Ты самая настоящая Марфенька!

– А ты самый настоящий идиот! – не выдержала Нина, – откуда ты знаешь, что надо женщинам? Ты женщина? Это ты в своем клубе ерунды наслушался?

Арсений Васильевич, вернувшийся домой, застал самый разгар скандала. Он попытался было вмешаться, но дети его не слушали, и он, махнув рукой, ушел к себе в спальню и на всякий случай не выходил до тех пор, пока Володя не ушел.

Как-то на уроке в класс вошел энергичный парень:

– Здравствуйте, товарищи учащиеся! Меня Евгений зовут. Городской комитет комсомола направил меня к вам, чтобы организовать у вас комсомольскую ячейку.

Нина обрадовалась:

– О, расскажите! Вообще побольше про комсомол.

Володя улыбнулся. Должна была быть проверочная работа, и Нина была готова слушать о чем угодно, лишь бы ее не писать.

Парень вниманию обрадовался:

– Ну тогда слушайте. Комсомольцы – это молодые большевики, борцы за дело Ленина... про Ленина-то все знают?

– Тоже мало, – сказала Нина.

– Никакого у вас в школе политического воспитания! – нахмурился парень.

– Нет, оно есть, нам много рассказывают, просто я учусь плохо, – вздохнула Нина, – вы расскажите, расскажите!

Евгений с интересом посмотрел на Нину. Она улыбнулась ему.

– Ну слушайте... товарищ Ленин выступал за то, чтобы все были равны, не было богатых и бедных, чтобы нами правил не капитал, а мы бы правили сами. Мы сами управляем своим обществом, мы строим новый мир, мы за мировую революцию!

Володя незаметно зевнул. Все это было скучно и невнятно, куда интереснее рассказывал товарищ Зальцман в клубе.

– А вы – вы хотите принимать участие в общем деле?

– Это что, все? – испугалась Нина, – вы нам еще расскажите, что там в комсомоле...

Парень улыбнулся:

– Расскажу. Кто хочет записаться в комсомол – подходите ко мне!

Около стола собрались ребята. Нина, поняв, что проверочная работа не состоится, к комсомолу интерес потеряла и вытащила какую-то книжку.

Зазвенел звонок, ребята выбежали из класса. Володя задержался, Нина вышла первой. Он догнал ее на крыльце – и не одну. Около нее стоял Евгений. Чуть в отдалении паслись Надя с подружкой.

Володя нерешительно остановился. Казалось бы – чего проще, подойти, позвать Нину и идти домой.

Евгений что-то говорил Нине, она, улыбаясь, качала головой. Володя решил и подошел ближе.

– Может быть, давай я тебя провожу и расскажу подробнее?

– Нет, спасибо. Володя, а я тебя жду! Спасибо за рассказ, Евгений, нам пора.

– А ты, парень, в комсомол не записался? – спросил Евгений.

– Нет.

– Почему?

Володя неопределенно пожал плечами.

– Не записался.

– Это я понял. Почему?

– Потому! – разозлился Володя на его тон, – пошли, Нина!

И пошел прочь. Нина побежала за ним.

– Ну, куда ты так летишь? – недовольно спросила она, – погоди, я не успеваю.

Володя замедлил шаг. Некоторое время они шли молча.

– Володя, а почему ты вправду не записался в комсомол? – спросила Нина.

Володя обернулся:

– И ты туда же? Я не хочу.

– Но ты же ходишь в клуб, что-то делаешь там. Тебе все это интересно, ты читаешь, ты разбираешься.

– Разве чтобы что-то делать и разбираться – обязательно быть в комсомоле?

– Да нет, конечно, – вздохнула Нина, – необязательно. Ладно... скажи лучше – на что ты злишься?

– Не на что, – буркнул Володя, – слушай, давай сейчас к тебе пойдем или ко мне, я тебе хоть объясню по алгебре.

Нина вздохнула:

– Ну пойдем, что же делать...

Сразу сесть за алгебру не получилось – сначала Нина хотела есть, потом убирала посуду, потом сказала, что надо выпить чаю, потом искала карандаш. Едва они раскрыли учебник, как пришел Арсений Васильевич.

– Занимаетесь? – спросил он.

– Хитрим, – вздохнул Володя.

– Да иди ты к черту! – вдруг крикнула Нина, – отстань от меня со своей дурацкой алгеброй, занимайся сам!

И выскочила из комнаты, хлопнув дверью.

Володя растерянно смотрел ей вслед. Арсений Васильевич тоже растерялся:

– Вот те на... что случилось с ней, Володя?

– Не знаю, – сказал Володя, – может, я обидел? Я пойду, Арсений Васильевич.

– Иди, Володенька. Что это с ней, может, чувствует себя плохо?

Володя пошел домой. В самом деле, что это с ней? Девчонки... у Эли тоже бывали такие перепады настроения, мама не обращала внимания:

– Возраст такой, пройдет.

Вот и у Нины возраст.

На следующий день в школу он шел один – долго ждал Нину на улице, потом постучал в их квартиру, но никто не отозвался.

Нина уже была в школе, сидела за их партой. Володя пожал плечами, подошел, сел рядом. В класс вошел учитель алгебры. Класс возмутился:

– У нас же биология...

– Вчера не было алгебры, – отрезал учитель, – поэтому сейчас та проверочная работа, которая должна была быть вчера.

Он написал на доске задания и сел за стол. Володя скорее решил задачи и подвинул тетрадь так, чтобы Нина видела решения. Она локтем отпихнула тетрадь. Это не укрылось от внимания учителя:

– Альберг, Смирнова, в чем дело?

– Не в чем, – буркнула Нина, – мне стало тесно, я подвинула его тетрадь.

– Если тебе тесно, пересядь на заднюю парту!

Нина вскочила, схватила свои тетрадки и пересела.

Володя растерянно смотрел ей вслед. Что такое? Чем он вчера мог ее обидеть?

В перерыве Нина вышла из класса. Володя за ней не пошел. На следующем уроке она тоже сидела одна.

После уроков Володя пошел в клуб. На душе было противно. Он не чувствовал себя виноватым, не понимал, что случилось.

В клубе кипела работа – готовились к годовщине Октября. Володе обрадовались:

– О, художник наш пришел! Нам плакаты рисовать надо, зал оформить!

Закончили поздно. Володя вышел вместе с Петькой – он теперь был завклубом.

– Ну, Володька, помог ты нам, – сказал Петр, кладя руку Володе на плечо, – ты настоящий друг, товарищ...

Они повернули на Загородный, и Володя увидел Нину. Рядом с ней шел вчерашний комсомолец.

– Никак Женька? – обрадовался Петр и заорал на всю улицу: – Женька!

Тот обернулся, широко улыбнулся:

– Петруха!

Они обнялись, хлопая друг друга по плечам.

– Давно, брат!

– Давно... ты где теперь?

– Завклубом тут, на Забалканском. А ты?

– А я на заводе, пропагандист ячейки. Знакомься, Петя – это Нина, она во второй ступени учится.

– Приятно, – покраснел Петька, – Петр я. А это Володя, он нам в клубе помогает.

– Мы знакомы, – сказала Нина, – мы учимся вместе и живем рядом.

Евгений пригляделся:

– Точно, я же тебя в школе вчера видел... так ты активный? А вчера таким букой глядел, в комсомол не хочу, ничего не хочу...

– Без него нам бы и плакатов не нарисовать, – сказал Петька, – да он вообще молодец, я тут лекцию должен был читать, про женщину в новом мире... брошюру взял, товарища Коллонтай, ничего не понимаю! Прочту вроде – понятно, а как пересказать, так все в голове путается! А тут Володька пришел, прочитал, да мне на бумажке весь доклад и написал, я так и читал. Да как ясно все написал-то! Ему бы самому доклады читать.

– Вступай в комсомол, Володя, – сказал Евгений, – нам нужны такие – грамотные, талантливые. Вот в школе ячейка поднимется – там запишись. Или при клубе, раз ты там свой человек.

Володя неопределенно кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.